

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1698. a.

VIHK 225

ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1698 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

XII

TARTU 1969

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 225 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

XII

ТАРТУ 1969

О ТЕЛЕОЛОГИИ НЕОВИТАЛИЗМА

М. Г. Макаров

В связи с тем интересом, который вызывают в настоящее время телеологические теории, требующие более серьезного критического разбора, мы позволим себе остановиться на некоторых аспектах учений неовиталистов. Их телеологические воззрения заслуживают, как нам кажется, значительно более серьезного рассмотрения, чем это обычно имеет место в нашей литературе.

По своей общей идеалистической сущности телеология витализма не отличается от соответствующих взглядов неоламаркизма, психоламаркизма в особенности. Витализм, как признавал один из лидеров психоламаркизма А. Паули, по своей внутренней сути не что иное, как ламаркизм.¹ Однако конкретные гносеологические корни данной разновидности идеалистической телеологии в биологической науке были иными. Кроме того, если ламаркисты выступали по вопросу органической эволюции и приспособления в то время, когда этот вопрос в принципе получил уже научное, материалистическое решение, то неовитализм спекулировал на явлениях, наукой еще не объясненных. Это позволило ему поднимать в ряде случаев новые важные вопросы. Последнее относится в особенности к наиболее крупному представителю данного направления Г. Дришу.

С Дришем связана, как известно, целая страница в истории телеологических воззрений, оставившая глубокий след в современной буржуазной философии. Телеология его возникла как попытка философской интерпретации знаменитых опытов с гастронами морских ежей и регенерацией гидроидного полипа и асцидий. Эти опыты обнаружили непригодность механических моделей зародышевого развития, предложенных Вейсманом и разработанных В. Ру. В основе последних лежало материалистическое убеждение в физико-химической детерминации процес-

---

¹ A. Pauly, *Darwinismus und Lamarckismus, Entwurf einer psychophysischen Teleologie*, 1905, S. 149.

сов дифференцировки соответствующими наследственными факторами, однако в качестве формы этой детерминации принималась простая однозначная связь причин и следствий. Согласно этим представлениям, дифференцировка на разные клеточные группы есть результат наследственно неравного деления, как бы рассортировки исходных наследственных задатков по разным клеткам.² Дриш же показал, что различные части зародыша могут обладать равными наследственными возможностями развития, из которых под влиянием соотношения этих частей с целым реализуются лишь определенные, специфические тенденции. Это выявило противоречие между равнонаследственностью делений организма и специфической дифференцировкой в процессе онтогенеза, — важнейшее противоречие современной эмбриологии.³ Были отчетливо показаны новая форма целесообразности и особый вид взаимодействия частей и целого — способность отдельных частей, взятых из совершенно различных участков зародыша или организма, восстанавливать весь организм в целом. Каждая из гармонически согласованных между собой частей целого содержит здесь в потенции все целое. Особенностью регуляции такой системы является то, что впоследствии получило наименование «эквивинальность»: конечный результат-цель достигается при любых начальных условиях и различными путями. Эквивалентность не только различных частей между собой, но и каждой части в отдельности и целым, и эквивинальность представлялись Дришу в принципе необъяснимыми с позиций материалистической причинности. Непригодность механистических моделей он воспринял как недостаточность причинного подхода к изучению жизненных явлений вообще. Вначале Дриш пытался дополнить последний принципом условной целесообразности в духе телеологии Канта, не допуская при этом каких-либо объективных целестремительных сил в организме. Позднее, в 90-х годах он переходит от методологической телеологии к виталистическому учению об энтелехии. Этот переход был ускорен тем значительным влиянием, которое оказали на Дриша телеологические учения Шопенгауэра и Э. Гартмана. Основная же причина лежала повидимому в том, что Дриш не удовлетворяло решение Кантом вопроса об отношении целесообразности и целостности. Кант, говорит Дриш, не знал целостности как категории, а включал ее в общее малоопределенное понятие «целесообразность» или «телеология».⁴

---

² Обстоятельный разбор механического понимания причинности в механике развития дан в работе Г. А. Юга я, Проблема целостности организма, М., 1962, стр. 57—68.

³ В. П. Токин, О «шпеманновской школе» в эмбриологии, «Вестник Ленинградского университета», 1949, № 4, стр. 8.

⁴ H. Driesch, Ordnungslehre. Ein System des nichtmetaphysischen Teiles der Philosophie, Jena, 1923, S. 294.

К идее дополнить причинность телеологией и к отказу от материализма Дриш пришел не просто в результате доказательств несводимости целого к его частям. Устойчивость целого в смене составляющих его части принималась и в домарксистской материалистической философии. На возможность такой устойчивости указывал еще Спиноза.⁵ У Гольбаха эта мысль дополнилась указанием на то, что сохранение целого в природе не только возможно при изменении частей, но и может быть необходимым результатом этого изменения.⁶ В рамки такого понимания укладывались и взгляды Вейсмана и В. Ру на процессы зародышевого развития. Кант указывал уже на нечто большее, когда он подчеркнул, что в организме каждая часть устроена таким образом, что от нее зависит устройство других частей, а само существование частей определяется целым.⁷ Это он выразил при помощи принципа условной телеологии, как лишь особого способа рассмотрения данных явлений. Последнее вело к пониманию целостности как чего-то субъективного. Отношение эквипотенциальности и эквифинализма противоречило подобному пониманию. Казалось, что целостность уже заранее включена в каждую отдельную часть и поэтому столь же объективна как сами части. Дриш присоединяется к критике кантовской телеологии Э. Гартманом, который, как считает Дриш, лучше всех выразил мысль, что «финальность» не просто условный прием познания, а категория⁸ обладающая, как и категория целосности, «конституитивным» характером, если говорить языком Канта.⁹

Отметим, что Дриш, понимая причинность в целом механистически, признавал все же возможность существования естественной гармонии причинных рядов, не представляющей собою телеологии и укладывающейся в причинное понимание природы.¹⁰ Он указывает также на существование целесообразности в неорганических системах — машинах, созданных человеком. Особенностью этой целесообразности, называемой Дришем «статичной», является то, что она покоится на специфическом расположении определенных частей машины. Каждый отдельный процесс в машине является целесообразным только постольку, поскольку он осуществляется как элемент специфического целого более высокого порядка и в силу данной структуры.¹¹ Своеобра-

---

⁵ Б. Спиноза, Избранные произведения, М., 1957, т. I, стр. 418.

⁶ П. А. Гольбах, Избранные произведения, М., 1963, т. I, стр. 95.

⁷ И. Кант, Сочинения в шести томах, М., 1966, т. 5, стр. 398, 438.

⁸ H. Driesch, Naturbegriffe und Naturteile, Leipzig, 1904, S. 238.

⁹ H. Driesch, Ordnungslehre, Ein System des nichtmetaphysischen Teiles der Philosophie, S. 293.

¹⁰ H. Driesch, Naturbegriffe und Naturteile, S. 211.

¹¹ H. Driesch, Geschichte des Vitalismus, Leipzig, 1922, S. 1.

зие органической природы, отличающее последнюю от природы неорганической, не в том, что первой присуща, а второй якобы абсолютно не присуща целесообразность, но — в качестве той целесообразности, которая свойственна живым существам. Поэтому телеология сама по себе еще не является обязательно витализмом, она нейтральна в споре витализма и механицизма (с которым Дриш отождествляет материализм). Виталистический характер принимает неизбежно только «динамическая» телеология организма как гармонически — эквипотенциальной системы,¹² поскольку, как утверждает Дриш, невозможно создать соответствующую причинную, физико-химическую модель. Непременный интерес представляют те доказательства, которые приводит Дриш в пользу положения о невозможности существования машины, осуществляющей функции гармонически-эквипотенциальной системы. Дриш считает возможным два вида попыток машинного, по его словам, объяснения динамической целесообразности. Первый представляют теории, рассматривающие организм как очень сложную машину. Но в таком случае каждая часть этой машины должна была бы содержать в себе такую же машину. Но такие же машины должны тогда заключаться и в перекрывающих друг друга и в содержащих друг друга делениях. Следовательно, каждая часть должна содержать в себе бесконечное количество сложных машин и их частей, что является абсурдом.¹³ Второй вид «машинного» объяснения составляют, по Дришу, взгляды, рассматривающие в качестве своеобразных машин ядерные устройства клеток. Опровержение, которое Дриш дает этому пути материалистически-детерминистического объяснения эквипотенциальной целостности, сразу же обнаруживает свою слабость. Дриш утверждает, что, если принять такого рода объяснение, организм представляется в виде простой совокупности однородных микромашин, вместо той многоступенчатой, дифференцированной организации, каковой он является на самом деле. Дриш упускает из виду возможность существо-

---

¹² См. об этом: Н. Braumandl, Der Begriff Ganzheitskausalität, seine Beziehung zur Idee der Finalität und sein Zusammenhang mit dem Problem des Indeterminismus, München, 1965, S. 9.

¹³ Вопреки мнению Г Весселя, гносеологические источники отрицания Дришем возможности машинного моделирования жизни глубже, чем только непонимание им органической регуляции как регуляции по схеме обратной связи. См. Г Вессель, Вирусы — чудо — противоречия, М., 1965, стр. 149. Достижения кибернетики — не только саморегулирующиеся устройства с обратной связью, но и самоорганизующиеся (а также возможные саморазмножающиеся и самоусовершенствующиеся) системы — не представляют собою пока еще, при всем их принципиальном значении для понимания биологического регулирования, моделей гармонически-эквипотенциальной, эквифинальной органической системы.

¹⁴ Н. Driesch, Philosophie des Organischen, Leipzig, 1928, S. 119—121.

вания материальных регуляторов подобных машин, включающих ядерные механизмы шаг за шагом в процессе роста организма и его взаимодействия со средой. Единственный выход он видит в принятии непространственного, неделимого, нематериального фактора — энтелехии. Энтелехия действует не на части составного целого, а на их взаимоотношения. Она объясняет качественное отличие живого от неживого, приспособительный характер реакций организма как целого на внешние воздействия, возрастание внутреннего многообразия живого в процессе развития, эквипотенциальную соотнесенность каждой части с целым. Энтелехия ограничивает возможности развития, выбирая определенную возможность в разных частях организма, соотносимых ею со структурой целого, и подчиняя движение материи как бы некоторой модели.¹⁵ По мысли Дриша, энтелехия не только не противоречит принципу причинности, но предполагается им и спасает его. Причинность для него — однозначная связь; следствие всегда тождественно своей причине. Энтелехия может путем воздействия на распределение причинных отношений увеличить разнообразие системы и тем определить несоответствие совокупности следствий совокупности породивших их причин. Природа самой энтелехии получает у Дриша только отрицательные определения: «энтелехия — не энергия, не сила, не интенсивность и не константа, но — энтелехия».¹⁶ Как мы уже видели, энтелехия и не структура, но — лишь фактор, вызывающий изменение и усложнение структур. Создание наглядной модели ее невозможно. Но все же она действует как причина наряду с физико-химическими причинами. Принципиальное отличие энтелехии Дриша от энтелехии Аристотеля не может вызывать сомнений. У последнего она означает форму, структуру вещей в ее активном, определяющем их реализацию аспекте. Отождествление энтелехии Аристотеля и энтелехии Дриша поэтому столь же ошибочно, антиисторично, как и отношение Аристотеля к представителям витализма в современном значении этого понятия.¹⁷ Между тем характеристика Аристотеля как «отца витализма» и отождествление его учения о форме с телеологией Дриша получили распространение среди работ по проблемам диалектического материализма в естественных нау-

¹⁵ H. Driesch, *Der Begriff der organischen Form*, Berlin, 1919, S. 58.

¹⁶ H. Driesch, *Philosophie des Organischen*, S. 310.

¹⁷ Если искать в философии древности отдаленных аналогов энтелехии Дриша как нематериального фактора, вызывающего организацию следствий материальных и действующих причин в новые, отличные от последних, формы, то такую аналогию можно было бы скорее увидеть в неимманентной, формальной причине учения няя. О коренной разнице между «энтелехией» Дриша и «энтелехией» Аристотеля см.: В. П. Зубов, Аристотель, М., 1963, стр. 172, K. Fritz, *Der Beginn universalwissenschaftlicher Bestrebungen und der Primat der Griechen*, «Studium Generale», 1961, H. 11, S. 623.

ках.¹⁸ Фактически они следуют в данном вопросе за Дришем, определяющем учение Аристотеля, у которого он заимствовал термин «энтелехия», как «чистый витализм».¹⁹

Несмотря на то, что переход Дриша на позиции идеалистической телеологии завершился в конце концов превращением крупного естествоиспытателя в создателя спекулятивных систем и телепата, он продолжал оставаться верным принципу объективности естественнонаучного исследования. Принятие им фактора энтелехии не навязывало действительности каких-либо конструкций, а было лишь выражением на языке идеалистической философии реального факта. Дришем движет потребность науки в разработке естественно-научной теории целесообразных отношений в онтогенетическом развитии, естественно-научной телеологии. Он остается противником анимизма в конкретных исследованиях явлений природы, отвергает антропоморфизм неоламаркизма Паули, подчеркивая, что энтелехия не может накапливать опыта, знаний. Стремясь избежать антропоморфизма, Дриш отказывается от самих терминов «целесообразность» и «телеология», заменяя их понятиями отношений целостности: «для нас «телеологический», — писал он, — соотнесенный с целостностью».²⁰ Некоторые последователи телеологии Дриша пошли еще дальше, чем их учитель, потребовав окончательно изгнать термины «цель» и «целесообразность» из описания специфики живых организмов, заменив понятием целого.²¹

Телеология Дриша явилась, таким образом, идеалистическим выражением некоторых сторон диалектики онтогенеза, регенерации и соматического эмбриогенеза, конкретные физические механизмы которых не были известны. Не в первый раз в истории науки и философии выражение диалектических взаимоотношений в природе без их материальной, физико-химической интерпретации приобретает телеологический характер. То, что в телеологии могла таким образом получить частичное отражение реальная диалектика причинно-следственных структур, целого и части, общего и отдельного и т. д. давало возможность этой телеологии быть плодотворной в методологическом отношении на определенных ограниченных отрезках развития человеческого познания. Телеология Дриша обратила внимание на явления, механизм которых был неясен (и во многих отношениях продолжает таковым оставаться до настоящего времени) Дриш разработал ряд особых категорий, выражающих эту специфику

---

¹⁸ См., например, Г. А. Югай, Проблема целостности организма, стр. 102.

¹⁹ H. Driesch, Geschichte des Vitalismus, S. 16.

²⁰ H. Driesch, Ordnungslehre. Ein System des nichtmetaphysischen Teiles der Philosophie, S. 294.

²¹ E. Ungerer, Die Teleologie Kants und ihre Bedeutung für die Logik der Biologie, «Abhandlungen zur theoretischen Biologie», H. 14, 1922, S. 88.

органических регуляций («эквипотенциальность», «перспективная потенция», «перспективное значение», «многоступенчатость организации» и т. д.), указал на особые, надмеханические формы, которые в них принимает закон причинности. « Без понятий «целостность», «интеграция» — пишет известный советский исследователь Б. П. Токин, — нельзя сделать ни одного серьезного построения в науках об эволюции и об онтогенезе. Поэтому даже термины, созданные виталистами, уродливо отражающие явления природы, вошли в обиход научной мысли».²²

Пример Дриша показывает, что и после создания марксистской философии и открытия Дарвина, нанесших смертельный удар идеалистической телеологии, могут существовать еще отдельные области научного исследования, в которых на каком-то этапе телеология может оказаться весьма рациональной по своему содержанию. Нигилистическое отбрасывание ее в таких случаях особенно недопустимо. Между тем подобное отношение к телеологии Дриша можно встретить в нашей философской литературе.²³

Дриш, как уже говорилось, оказал значительное воздействие на новейшую буржуазную философию. Взгляд на организм как на телеологически ориентированную целостность стал ведущим для большинства ее натурфилософских теорий (критический реализм, неогегельянство, холизм, организмизм, эмерджентизм, органология и т. д.) Дришевское понятие «потенций» развития используется неотомизмом как подтверждение и конкретизация идей томистской философии о возможности и актуальности. В историко-философской литературе отмечается также влияние, оказанное телеологией Дриша на буржуазную психологию, социологию, искусствознание, теорию литературы, этику²⁴ С одной стороны, успех телеологии Дриша определялся общими идеологическими условиями начала нашего века. В ней, рожденной трудностями на пути научного познания, увидели средство обоснования империалистической реакции в сфере идеологии. «Особенно резкий поворот, полный разрыв с недавним прошлым произвела та группа ученых, — писал философ-идеалист В. Карпов в годы реакции после поражения революции 1905 года, — которые не побоялись вести в объяснение природы понятие цели, как действующего принципа».²⁵ С другой стороны, телеология Дриша и других неовиталистов отвечала некоторым внутренним условиям, сложившимся в научном познании в первые два десятилетия.

²² Б. П. Токин, Регенерация и соматический эмбриогенез, Л., 1959, стр. 32.

²³ Примером нигилистической критики телеологии Дриша может служить статья Г. П. Шубиной: Критика некоторых идеалистических представлений о целостности организма, «Философские науки», 1963, № 6.

²⁴ А. Хюбшер, Мыслители нашего времени, М., 1962, стр. 228.

²⁵ В. Карпов, Витализм и задачи научной биологии в вопросе о жизни, «Вопросы философии и психологии», кн. 98 (III), 1909, стр. 345.

тилетия нашего века. В частности, достигнутые в эти годы успехи в области генетики были связаны с теорией мутационизма и с временным отказом от дарвинизма. Подрыв авторитета учения Дарвина создавал умственную атмосферу, благоприятную для распространения среди естествоиспытателей телеологических концепций. Создание телеологической концепции целостности Дришем происходило почти одновременно с формированием теории целостности психических процессов — гештальт психологии, принимающей также телеологический характер. Несколькими позднее теория гештальтов была распространена на биологию, где слилась с телеологией целостности дришевского направления. Все это вновь стимулировало широкое обсуждение вопросов понятий цели и целесообразности в научном познании. В это время в защиту телеологии активно выступает целый ряд биологов-неовиталистов, довольно близких по своим воззрениям к Дришу. Некоторые из них, убежденные и ярые реакционеры, намеренно превращают телеологию неовитализма в идеологическое оружие буржуазии, инструмент борьбы против дарвиновской теории.²⁶ В их телеологических концепциях не поднимается вопросов, связанных с какими-нибудь новыми значительными открытиями, как это имело место у Дриша. Дриш сам заметил в отношении одного из них — Рейнке, что последний подходит к телеологии «скорее с позиций техники понятий, чем по-деловому обосновывая».²⁷ Все же в мистифицированной форме они заостряли внимание на тех или иных важных аспектах жизнедеятельности организма, недостаточно освещенных в науке.

Так, ими довольно ярко было показано значение регуляции в органических процессах. На этой проблеме сосредоточил свои усилия ботаник-теист, враг прогрессивно мыслящих естествоиспытателей того времени, И. Рейнке. В его неовитализме, разрабатывавшемся под влиянием идей Лотце о саморегуляции и телеологии Э. Гартмана, центральное место принадлежит понятию доминанты. Это планомерно действующий фактор, ведущий процессы к определенной цели, не нарушая при этом законов природы и принципа причинности. Не будучи энергией, доминанты регулируют ее распределение, давая ей выход в том или ином направлении. Возможность такого воздействия доминант на причинные энергетические процессы Рейнке видит в «освобождающей» форме причинности, отличающейся несоизмеримостью причины и следствия.

В 1876 году Ю. Р. Майер, с именем которого связано открытие закона сохранения и превращения энергии, обратил внимание на особое значение формы причинности, которую он назвал

---

²⁶ См. R. Мосек, Zum Lebenswerk von H. Driesch, «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1964, Н. 10, S. 1203.

²⁷ H. Driesch, Geschichte des Vitalismus, S. 177.

«освобождающей» или «пусковой» (die auslösende Ursache). Она имеет место в тех случаях, когда ничтожные в энергетическом отношении воздействия освобождают значительные количества энергии или вызывают глубокие превращения вещества, как это имеет место в явлениях катализа, в биологических процессах, в особенности. Ю. Р. Майер отмечал, что, если при открытии закона сохранения он исходил из принципа «causa aequat effectum», то при действии «освобождающей» причины всякое количественное соотношение между энергетическим выражением этой причины и энергетическим выражением следствия полностью исчезает. В силу ограниченности развития науки того времени Ю. Р. Майер считал, что подобные отношения лежат вне границ точной науки, математически невыразимы.²⁸ Указание на этот род причинных связей, играющий решающую роль в процессах биологической регуляции, поставило проблему о неэнергетических типах причинных отношений, значение которых несоизмеримо со связанным с ним переносом энергии. На первом этапе это было использовано неовитализмом. Он стремился представить недостаточность энергетического описания органической жизнедеятельности, в рамках которого антинаучность виталистических факторов была доказана, в качестве указания на необходимость возвращения к этим факторам, но уже на уровне регуляционных отношений, «освобождающей» причинности. На этом именно строится телеология Рейнке, а позднее — «биокалалитическая» телеология Митташа.

Определяя упорядоченность процессов, доминанты Рейнке вызывают к жизни те или иные формы организмов, обеспечивая их наследственную передачу. Подобно тому, как человек соединяет буквы в слова, а слова — в фразы, доминанты строят путем организации химических реакций тело живых существ. Они — «кормчие энергии».²⁹ Очевидно, Рейнке подходил к пониманию необходимости выделения отношений регуляции, структуры и передачи сообщений и выражения их в единых абстрактных понятиях, придавая однако этим абстракциям характер имманентных живому духовных начал. Его «доминанта» выражает потребность в специальном исследовании той стороны организованных систем и их взаимодействия, научный аппарат для изучения которой был создан только в теории информации и кибернетике. Концентрация внимания на этом аспекте в то время, когда еще не созрели условия для его изучения методами точного количественного анализа, с необходимостью принимала, как подтвер-

---

²⁸ R. Mayer, Über Auslösung, приложение к книге A. Mittasch, Lebensproblem und Katalyse, Ulm, 1947, S. 82—83.

²⁹ И. Рейнке, Сущность жизни, Сб. «Сущность жизни», ред. В. Фау-сека, СПб., 1903, стр. 117.

ждает история категории цели, так или иначе форму телеологии. Еще в 20-х годах регулирование могло прямо определяться как одно из «основных понятий телеологии».³⁰ Мистифицированные в последней отражения этих отношений противопоставлялись причинному пониманию действительности в естествознании, в биологии в особенности. Рейнке подчеркивал, что его доминанты имеют исключительно качественный характер в противоположность энтропии с ее не только качественной, но и количественной определенностью.³¹ Это ограничивает в принципе, согласно Рейнке, применимость количественных методов исследования в биологии. То же имеет место и в витализме Блейлера, связывавшего идею «психойда» как принципа организма с циркуляцией в организме сообщений, закодированных на входе и декодированных на выходе.³² Сообщения, связывающие части тела в одно целое, в котором одни части отражаются в других, противопоставляются химическим и нервным процессам как самостоятельные духовные сущности, обладающие чисто качественным характером.³³ Поэтому ни циркуляция сообщений Блейлера, ни «диафизика» Рейнке — аналогичное, согласно замыслу автора, физике учение о действиях доминант, не могли служить ни прообразом теории информации, ни путем к ней.

Неовитализмом подчеркивался еще один аспект органической целесообразности — избирательная активность живого. Икскуль указывал на структурное соответствие между телом животного и условиями его среды, рассматривая его в качестве «функционального цикла». Внешнее воздействие вызывает в организме цель процессов, которая приводит к погашению этого действия. Функциональный цикл, содержащий в себе уже существенные признаки отрицательной обратной связи,³⁴ не может, согласно Икскуль, получить объяснения в материалистической, дарвиновской теории. Обратная связь, выражающая активное отношение организма к среде, интерпретируется им в своеобразной идеалистической концепции, которую можно было бы охарактеризовать как биоцентрический субъективизм. Организм сам создает свою среду. Она для него — носитель признаков, сигналов и объект активных реакций. Каждый животный организм имеет поэтому свой особый мир приложения своих сил. Объективный же мир, независимый от творящей его целевой

---

³⁰ E. Ungerer, Die Regulationen der Pflanzen. Ein System der teleologischen Begriffe in der Botanik, Berlin, 1919, S. 56.

³¹ J. Reinko, Über die in den Organismen wirksamen Kräfte, «Biologisches Zentralblatt», 1901, N 19..

³² E. Bleuler, Die Psychoide als Prinzip der organischen Entwicklung, Berlin, 1925, S. 42.

³³ Там же, стр. 30—31.

³⁴ См. K. Fuchs Kittowski, Bemerkungen zu philosophischen Problemen biologischer Regelung, «Natur und Erkenntnis», Berlin, 1964, S. 170.

активности, плана строения того или иного организма, представляет собой фикцию.³⁵

Область эмбрионального развития, морфогенеза, регенерации содержит явления, не поддающиеся до сих пор достаточно полному объяснению. К этим явлениям продолжают относиться и те, на которые опирался Дриш, создавая свою телеологическую теорию.³⁶ Поэтому в то время, как в эволюционной теории и объединяющейся с ней современной генетике идеалистические, телеологические в особенности, концепции являются сейчас чужеродным, привнесенным всецело из сферы философии или религии элементом и рассматриваются даже среди буржуазных ученых как своего рода проявление дурного тона, то в указанной области положение остается иным. Телеология здесь может еще непосредственно вырастать из самого научного исследования и иметь в некоторых границах эвристическое значение. В частности, теории «биологического поля» (или «морфогенетического поля»), трактуемые обычно телеологически, представляют собою по-видимому полезное средство познания типа модели,³⁷ к сожалению до сих пор не исследованное, насколько нам известно, со стороны его гносеологической природы. На эвристическую ценность телеологии в исследовании зародышевого развития и регенерации ссылаются, например, в настоящее время некоторые эмбриологи, принимающие на этом основании телеологию за истину.³⁸ Зародыш движется к форме силой внутреннего стремления к совершенству подобно художнику в платоновском «Пире».³⁹

В мистифицированной, телеологической форме неовитализм выражал реальные целенаправленные процессы реализации наследственности в индивидуальном развитии, исследование которых выдвинуется, как указывает ряд крупнейших современных исследователей, в недалеком будущем на первый план в биологии.⁴⁰ В более общем смысле неовитализм затронул проблему тех отношений действительности, аппарат для точного объективного исследования которых представили позднее кибернетика и теория информации.

Поступила в редакцию 7 сентября 1968 г.

³⁵ J. v. Uexküll, *Definition des Lebens und des Organismus*, «Handbuch der normalen und pathologischen Physiologie», B. I, Berlin, 1927, S. 9, 10, 21..

³⁶ См. Б. П. Токин, *Теоретическая биология и творчество Э. С. Бауэра*, Л., 1965, стр. 141—144.

³⁷ См. там же, стр. 145—151, также M. Abeloos, *Developpement des formes vivantes*, «Revue philosophique de la France et de l'étranger», 1965, N. 3.

³⁸ E. Wolff, *Les chemins de la vie*, Paris, 1963, p. 25.

³⁹ E. Wolff, *Vié et finalité. L'intelligence organique*. «Revue philosophique de la France et de l'étranger», N 3, p. 346.

⁴⁰ См. К. Уоддингтон, *Морфогенез и генетика*, М., 1964, стр. 224; Ф. Жакоб, *Генетика бактериальной клетки*, «Генетика», 1965, № 6, стр. 13; Б. Л. Астауров, *О научном наследии Г Менделя*, «Журнал общей биологии», XXVI, 1965, № 5, стр. 527; Б. П. Токин, *Теоретическая биология и творчество Э. С. Бауэра*, Л., 1965, стр. 131, 139.

ИНФОРМАЦИЯ КАК МИГРИРУЮЩАЯ СТРУКТУРА

Я. К. Ребане

1

У Р Бредбери, тонкого писателя и гуманиста, имеется рассказ «Марсианин». Сюжет прост: марсианин при контакте с людьми приобретает тот облик, который тот или иной человек страстно желает увидеть. Для супругов-стариков он — их сын, погибший много лет тому назад, для полицейского — разыскиваемый преступник, для вдовы — её умерший муж. Много людей сразу окружают марсианина. Каждый видит в нем свое. Его облик меняется ежесекундно. Он гибнет. «Он лежал на камнях — остывающий воск, все лица в одном, один глаз голубой, другой золотистый, волосы каштановые, рыжие, русые, черные, одна бровь косматая, другая тонкая, одна рука большая, другая маленькая».

С понятием «информация» происходит нечто аналогичное. Об «информации» как чем-то кибернетическом, отличном от знаний, говорят в наше время все. Хотя значение термина «информация» варьирует и в таких науках как математика, физика, теория связи, однако в них, благодаря их характеру «точных» дисциплин, в каждом случае можно довольно четко понять, что именно подразумевается под «информацией»: постулируемый математический объект, к которому применяют комбинаторные, теоретико-вероятностные, алгоритмические и т. д. методы; отрицательная энтропия в узком или широком смысле; свойство кода, измеряемое комбинаторными и теоретико-вероятностными методами; смысловые единицы, выделяемые из некоторого сообщения.

Значительно сложнее обстоит дело в таких областях знания, как биология или психология, экономика, искусствоведение, социология. Стремление этих дисциплин к применению более строгих, математических и формально-логических методов является характерной чертой научного развития нашего века. С появлением кибернетики, казалось бы, давнейшие надежды на дости-

жение большей строгости сбылись. Кибернетика действительно позволила по-новому взглянуть на вещи.

К сожалению, в большинстве случаев кибернетическая терминология внедрялась в биологические, лингвистические, экономические и т. д. исследования значительно быстрее, чем сам комплекс понятий кибернетики и её научный метод. Такое положение вызвало решительные возражения со стороны самых авторитетных представителей кибернетики. К. Шеннон, один из создателей теории информации, высказался уже в 1956 году против неоправданно широкого применения этой теории, превращения её в универсальную отмычку для решения всевозможных проблем¹. Н. Винер писал об опасности, которую представляют собою незрелые «кибернетические» работы в области социологии.

По-видимому, терминологическая мода является своеобразной данью, которую приходится платить за распространение идей кибернетики. Но эта мода ведет к различным методологическим и мировоззренческим несуразностям, которые отнюдь не всегда отчетливо осознаются.

Дело в том, что «информация» в математическом или кибернетическом смысле — научное понятие, которое получено путем процедур, типичных для физико-математических наук.² Оно определяется через указание определенных свойств «информации», чаще всего — путем указания способов измерения «количества информации». Таким путем отражается определенный «срез» объективной реальности, недоступный ни непосредственному чувственному созерцанию, ни донаучному «здравому смыслу» (гегелевскому «общему представлению»). В этом отношении «информация» уподобляется таким понятиям физики как «масса» или «энергия», являясь, образно говоря, абстракцией еще более высокого порядка. Значит, «кибернетическое» значение «информации» неотделимо от того математического и логического аппарата, с помощью которого определяется «количество информации».

На это обстоятельство неоднократно указывалось в научной литературе.

У Р. Эшби говорил в 1963 году, что теперь, когда он имел возможность в течение 15 лет продумать значение «информации», у него «не осталось ни малейшего сомнения, что теория информации является существенно отраслью комбинаторики, её

---

¹ К. Шеннон, Бандвагон. В книге: К. Шеннон, Работы по теории информации и кибернетике, М., 1963, стр. 667—668.

² Эту сторону дела показывает Р. Таммeste в статье «О понятии информации» (Ученые записки Тартуского государственного университета, Труды по философии, VII, Тарту, 1965). Он опирается при этом на ряд идей, высказанных И. Н. Бродским (И. Н. Бродский, Причинность и информация, Вестник Ленинградского университета, 1963, № 17).

основная природа — это счет. Она начинается с интуитивно ясного факта, что нельзя заставлять спутника совершать три маневра с помощью только двух сигналов. По своему основанию теория информации является такой же простой как это. Умение Шеннона требовалось для того, чтобы показать, как мы можем считать в том случае, когда условия становятся слишком сложными для прямого счета». ³

Эту же мысль в несколько иной форме выразил также А. Н. Колмогоров, который подчеркнул «логическую независимость» комбинаторного подхода от каких-либо вероятностных допущений и отметил, что «математическая проблематика, возникающая на почве чисто комбинаторного подхода к измерению количества информации, не ограничивается тривиальностями». ⁴

А. Н. Колмогоров показывает, что бессмысленно говорить о «количестве информации» (при вероятностном подходе) для таких явлений как содержание романа «Война и мир» или особь вида кукушка. Дело в том, что заведомо невозможно включить роман «Война и мир» разумным образом в совокупность «возможных» романов и постулировать наличие в этой совокупности некоторого распределения вероятностей. Также немислимо считать отдельные сцены «Войны и мира» образующими случайную последовательность с достаточно быстро затухающими на расстоянии нескольких страниц стохастическими связями. ⁵ (В связи с этими затруднениями А. Н. Колмогоров предлагает новый, алгоритмический подход к «количеству информации».)

И. И. Шмальгаузен, один из крупнейших советских биологов, решительно возражал против того, что в биологии «информацию» употребляют как синоним унаследования или же для разного описания различных способов передачи некоторых активных веществ. Это приводит к тому, что понятие «информация», ценное именно своей определенностью, «быстро теряет свои границы и становится таким же неопределенным, как большинство биологических понятий, являющихся поэтому источником бесконечных и совершенно бесплодных дискуссий». ⁶ В связи с этим И. И. Шмальгаузен предлагал модель эволюционного процесса, в которой довольно четко показывается, в каком смысле можно в отношении данной модели говорить о «количестве наследственной информации»: в селективно-вероятностном аспекте носителями наследственной информации являются гете-

---

³ W Ross Ashby, Systems and Information. IEEE. Transactions on Military Electronics. Vol. MIL-7, No. 2-3, April-July 1963, p. 96.

⁴ А. Н. Колмогоров, Три подхода к определению понятия «количество информации». Сб. Проблемы передачи информации, т. 1, вып. 1, 1965, стр. 4.

⁵ А. Н. Колмогоров, Три подхода к определению понятия «количество информации». Сб. Проблемы передачи информации, т. 1, вып. 1, 1965, стр. 7.

⁶ И. И. Шмальгаузен, Основы эволюционного процесса в свете кибернетики, Проблемы кибернетики, Выпуск 4, М., 1960, стр. 121.

розиготные гены, а в качестве сигнала обратной связи к популяции как к основной эволюционной единице выступает фенотип особи.⁷

Дж. Пирс, видный американский ученый в области радиоэлектроники, пишет, что знание теории информации поможет со знанием дела вести разговор о некоторых проблемах лингвистики, искусства и психологии или удержит, в крайнем случае, от бессмысленных высказываний. Но здесь надо знать меру, подчеркивает он. Мир, который мы понимаем благодаря теории информации Шеннона, — это прежде всего мир систем электро-связи. Было бы «неправильно утверждать, что теория информации ценна главным образом благодаря своим широким связям с различными областями, такими, как язык, кибернетика, психология и искусство. Считать так — значит повторить ошибки, сделанные по отношению к другим важным открытиям»⁸ Так случилось, например, с теорией Ньютона, действительное значение которой ассоциировалось с мнимой универсальностью, которая только затуманивала ее реальную сущность.

У Р. Эшби, А. Н. Колмагоров, И. И. Шмальгаузен, Дж. Пирс являются видными представителями разных специальностей. Каждый из них рассматривает «информацию» под специфическим углом зрения. Но их высказывания объединяет одна основная идея: говоря об «информации» в смысле «количества информации», необходимо связывать это понятие с каким-нибудь конкретным способом измерения этого количества. Без этого рассуждения об «информации» в математико-кибернетическом смысле превращаются в игру в поверхностные аналогии.

Из того обстоятельства, что «информация» связывается со свойством «быть измеримым», вытекают некоторые ограничения, забывая о которых, существенно извращается смысл «информации». Прежде всего, нельзя говорить об информации как о субстанции, содержащейся в какой-нибудь одной системе само по себе. «Информация» обнаруживается в какой-нибудь системе по отношению к другой системе. (Как нельзя, например, спрашивать: «сколько объектов находится в данном доме?», не уточнив понятие «объект».) Во-вторых, не все сочетания «информации» с другими понятиями оказываются осмысленными с точки зрения «количества информации». (Но они могут быть осмысленными в другом плане, об этом ниже.)

---

⁷ При этом И. И. Шмальгаузен подчеркивает, что он рассматривает здесь только новую информацию, с точки зрения изменчивости наследственных вариантов, не касаясь информации, необходимой для формирования основ нормальной организации. В обеспечении ее «гомозиготные гены несут самую ответственную функцию, определяя развитие всех основ нормальной организации.» (Там же, стр. 136.)

⁸ Дж. Пирс, Символы, сигналы, шумы, М., 1967, стр. 313.

Забвение первого ограничения проявляется по-разному. Наиболее тривиальный случай — «информацию» превращают в своеобразное вещество и полагают, что в сперматозоиде содержится «генетическая информация» или в скульптуре «эстетическая информация» примерно так же, как в мешке содержится сахар. В более скрытом виде подобная ошибка проявляется, например, в том, что в известном высказывании Н. Винера «информация — это не вещество и не энергия», усматривается идеализм. Наконец, своеобразным проявлением данной ошибки является утверждение, что материя первична, информация вторична; сознание первично, информация вторична.

Забвение второго ограничения приводит к придумыванию всевозможных «качественно отличных» информаций: «машинная информация», «человеческая информация», «эмоциональная информация» и т. д. Конечно, если мы хотим термином «машинная информация» обозначать информационные процессы в машине, термином «биологическая информация» — в живой природе и т. д., то мы имеем на это полное право. Но придумывание «качественно отличных» информаций порой сопровождается критикой в адрес представителей кибернетики, которые-де недоучитывают качественную специфику данного вида информации («машинной», «человеческой», т. е. самим критикующим придуманное). Такая критика напоминает упреки в адрес арифметики, что в ней не учитывается качественная специфика сложения львов и баранов. (Помним, что в реальном мире операции с баранами и львами существенно отличны)

Случай, когда понятие «информация» как «точная», «математическая» и т. д. просто употребляется в сочетании с традиционными понятиями данной «эмпирической», «неточной» науки, довольно распространены. К чему это привело в области экономических наук, описывает Ю. И. Черняк в отношении области исследования, называемой «системы экономической информации»: «Здесь пущены в обиход незаконные сочетания новых кибернетических понятий с традиционными экономическими, а также с понятиями, попросту заимствованными из области делопроизводства. Увлечение новыми терминами привело в ряде случаев даже к обеднению понятий. Если ранее, хотя и интуитивно, но довольно четко можно было различить смысл слов «сообщение», «сведения», «данные», «показатели», то теперь этот смысл растворился в звучном, но туманном слове «информация». Понятие «информация» настолько извратили, что употребляют этот термин даже во множественном числе».⁹

Итак, мы отметили две основных несуразности, связанных с модой на «информацию»: во-первых, превращение «информации» в субстанцию, во-вторых, бессмысленное сочетание киберне-

⁹ Ю. И. Черняк, Разработка системы экономической информации, Сб. Системы экономической информации, М., 1967, стр. 16—17.

тико-математической «информации» (определяемой через количество информации) с традиционными понятиями «неточных» наук. От этих несуразностей надо самым решительным образом отмежеваться. Но следует учесть и другую сторону вопроса.

2

Общепризнано, что «информация» употребляется во многих дисциплинах, от биологии до социологии, крайне расплывчато. Но на симпозиумах по биологии, психологии, социологии все чаще говорят об «информации» не как о сведениях (это значение имела «информация» раньше, в седую старину, в докибернетическую эру), а как о чем-то более значительном, кибернетическом, вполне «современном». В такой обстановке пуризм отдельных математиков, их призывы помнить об истоках понятия «информации», остается гласом в пустыне. «Информация» в нестрогом смысле завоевывает все большую популярность. В связи с этим хочется обсуждать, что собственно означает «информация» в нестрогом смысле, какую функцию она выполняет в формировании современной картины мира.

Ведь картина мира не формируется с помощью формально строгих понятий, определений, точно предписываемых операций. Все это входит в картину мира. Более того, миропонимание прогрессирует в первую очередь благодаря развитию этого компонента научных знаний. Но этот строгий, формальный и поддающийся формализации научный аппарат не может функционировать без повседневных человеческих представлений, без «естественного» языка и его расплывчатых, но очень гибких смысловых значений. Это подтверждается неудачей различных редуccionистских программ XX века. Это подтверждается неудачей попыток формализации семантики «естественного» языка.¹⁰ Это подтверждается также некоторыми общими принципами, выявленными в современной логике и методологии науки (теоремы К. Геделя о невозможности полностью формализовать сколь угодно содержательные математические системы, принцип языковых уровней и необходимость интерпретировать формальнологические языки с помощью содержательных метаязыков и т. д.).

И в этой области мы являемся свидетелями своеобразного положения. Мы сказали выше, что понятие «информация» в

---

¹⁰ Характерно, что в сборнике, посвященном 70-летию Р. Карнапа, отстаивают «права» естественного языка такие разные по своим философским взглядам ученые, как И. Бар-Хиллел и Й. Ергенсон. Оба они выступают против чрезмерных претензий «аналитической философии». (*Yehoshua Bar-Hillel, A Prerequisite for Rational Philosophical Discussion; Jørgen Jørgenson, Some Remarks Concerning Languages, Calculuses, and Logic.* In: *Logic and Language. Studies dedicated to prof. R. Carnap on the Occasion of his Seventieth Birthday.* Dordrecht, 1962, pp. 1, 3, 28, 37).

строгом значении не может быть получено путем непосредственного чувственного созерцания или из представлений донаучного «здорового смысла». Но, будучи выработана путем логико-математических процедур, «информация» может стать общеупотребляемым понятием повседневного и научного мышления, приобретя при этом те черты расплывчатости и гибкости, которыми характеризуются повседневные понятия и представления, фиксируемые в значениях слов. При этом подчеркиваем: гибкость и расплывчатость в данном случае не является недостатком «естественного» языка и повседневного мышления. Наоборот. Без этой гибкости невозможно человеческое миропонимание. Почему это именно так, пока никто точно не знает. Но можно полагать, что однозначно-определяемая система понятий — это аналог лапласовского детерминизма.

Переходя в сферу повседневного мышления, «информация» приобретает черты, характерные для общенаучных и мировоззренческих понятий, которые обычно называются категориями мышления или логико-философскими категориями.¹¹

Здесь надо оговориться, что само понятие философской категории весьма неопределенно. В современных учебниках по марксистской философии наряду с традиционными категориями, которые исследуются теорией диалектики (противоречие, количество и качество и т. д.), фигурируют и такие общенаучные понятия как симметрия и асимметрия, функциональная связь, вероятность, а также целый комплекс понятий, относящихся к теории сознания и методологии научного познания. Когда мы говорим о категориях мышления, то имеем в виду не только традиционные логико-философские категории, но и такие общенаучные и мировоззренческие понятия. Терминологически это можно было бы выразить, например, с помощью терминов «категория» и «субкатегория». Но о целесообразности такого терминологического различия надо еще подумать. Возможно, что введение термина «субкатегория» только усложнит дело. Поэтому мы в данной статье его не употребляем, а используем термин «логико-философская категория» в более широком смысле.

При таком расширительном понимании философская категория — это *общее понятие, которое выполняет существенную роль в создании и упорядочении научной, художественно-эстетической и социально-этической картины мира*. Категории являются в содержательном мышлении своеобразными логическими структурными связями («коннекторами», «операторами»), а само мышление обладает известной, но довольно трудно уло-

---

¹¹ Эту черту «информации» отмечают такие авторы, как, например, Н. Жуков—Вережников, который считает общую теорию информации и управления философской специальностью (Н. Жуков Вережников, Теория генетической информации, М., 1966, стр. 13—14), Г. Клаус (Кибернетика и философия, 1963, стр. 99).

вимой, плохо поддающейся схематизации и формализации, категориальной структурой. Для выделения собственно логико-философских категорий из всего понятийного аппарата мышления целесообразно пользоваться следующими критериями.

1) Логико-философская категория должна играть и важную роль *не только в научном, но и в художественно-эстетическом и социально-этическом* освоении мира. Кроме чисто научных (сциентистских) задач, решаемых в марксистской философии общенаучными способами (дифференциация самой философии, расчленение её на всё более узкие области исследований, специализация философов-исследователей), она выполняет также мировоззренческие функции в области социальной практики в самом широком смысле. Эти функции и находят свое теоретическое выражение в социально-этическом и художественно-эстетическом аспекте марксистской философии. Можно даже сказать, что исчезновение этого аспекта означало бы исчезновение философии как таковой, превращение её в ряд обособленных дисциплин, относящихся к логике, методологии науки, психологии, космологии, истории культуры, социологии и т. д.

2) Логико-философская категория должна играть *существенную роль* в создании и упорядочении культурно-исторически обусловленной картины мира. Это — не призыв к возрождению «натурфилософии». Время создания натурфилософских систем, как отметил уже Ф. Энгельс, минуло безвозвратно. Современные попытки возрождения натурфилософии, будь это чисто-спекулятивные системы в духе Гегеля или не менее спекулятивные, но покрытые видимостью эмпиричности односторонние философско-космологические обобщения данных отдельных наук в духе «Основных начал» Г. Спенсера, «Естественной истории миротворения» и «Мировых загадок» Э. Геккеля, мировой схематики Э. Дюринга, представляют собой явный анахронизм.

Отмечая неосуществимость любой натурфилософии, необходимо в то же время признать право на жизнь философского учения о бытии, т. е. онтологии. Без онтологических допущений немислимо рассмотрение таких кардинальных философских проблем, как соотношение материи и сознания или характер разви-

---

А. Спиркин в своем учебнике рассматривает «отражение, информацию, сигналы» в специальном параграфе (А. С п и р к и н, Курс марксистской философии, М., 1966, стр. 106). Многие авторы признают, что «информация» — это новое *общенаучное* понятие. Что касается постановки вопроса Г. Клаусом, то наряду с выделением философского понятия «информация» у него имеется ряд неясностей, прежде всего — он относит философское понятие информации только к человеческому сознанию (определенному его фрагменту) и предлагает неприемлемую, на наш взгляд, схему: материя первична по отношению к сознанию и «информации», сознание первично по отношению к информации. На эти неясности указывали уже авторы послесловия русского перевода книги Г. Клауса.

тия в природе и обществе. Философские категории как мысленное отражение определенных черт объективной реальности, отражение, оформленное и проверенное на основе сложнейшей, многогранной практической и теоретической деятельности многих поколений людей, служат одним из важных источников для выдвижения онтологических утверждений.

В результате мир предстает перед нами не как «вещь в себе», а как «вещь для нас». «вещь для людей», т. е. в неразрывном единстве с практической и теоретической деятельностью живущих ныне людей и прошлых поколений.¹²

3) Вышеприведенные два критерия являются еще недостаточными. В качестве третьего критерия надо использовать наличие определенной философской и научной *традиции*.

По ряду причин «список» философских категорий не может быть в какой-нибудь определенный момент времени быть законченным.

Поэтому при решении вопроса, можно ли отнести какое-нибудь понятие к философским категориям, необходимо обратиться к сложившейся традиции и выяснить, употребляют ли специалисты по философии это понятие в качестве философской категории. Более того, имеющаяся традиция выступает даже решающим индикатором: для любого данного этапа можно с большой вероятностью считать, что наиболее полный список философских категорий мы получаем путем изучения существующей философской традиции (конечно, с соблюдением методологических норм такого исследования)

Полагая, что «информация» за последнее время приобретает черты, характерные для «логико-философской категории» (или «субкатегории»), мы имеем в виду, что «информация» удовлетворяет трем приведенным критериям:

1) Понятие «информации» широко применяется не только в науке (от технических наук до биологии, психологии, языкознания, социологии), но и, хотя в меньшей степени, в сфере художественно-эстетического и социально-этического осмысления мира. Здесь сказывается все растущее влияние науки на все стороны духовной жизни современности. В результате такого применения «информация» теряет свою математическую строгость, превращается в подвижное понятие, с сохранением только известных черт, свойственных математическому «количеству информации».

2) Благодаря интуитивно-сохраненным, «снятым» чертам первоначальной естественно-научной строгости (в «снятом» виде

---

¹² Это очень метко отмечает ак. Б. Константинов, озаглавив одну из своих популярных статей «Небо XX века» («Известия», № 208, 5 сентября 1968 г.) Действительно, потоки нейтрино, квазары, пульсары, состав и температура атмосферы Венеры, возраст и начальная температура расширяющейся Вселенной — всего этого не было в прошлом веке для людей.

сохраняются, например, такие принципы, как комбинаторный и вероятностный подходы к оценке разнообразия и ее ограничения, принцип системности, структурности и т. д.), «информация» стала дополнительным компонентом в оформлении всей современной картины мира. (Одно из проявлений этого факта — часто встречающееся утверждение, что «информация» представляет собою нечто «третье» наряду с «веществом» и «энергией».)

3) В результате естественного тяготения современного материализма к возможно широкому использованию данных науки, а также в результате очевидной связи понятия «информации» с ленинским понятием «отражения», проблема информации стала, начиная с конца 50-х годов, одной из центральных проблем в марксистской философии. Количество философских работ, посвященных анализу значения «информации», возрастает быстро. Среди всех основных понятий кибернетики в философском смысле больше всего привлекает внимание именно понятие «информация».

Итак, с точки зрения приведенных критериев «информация» стала общенаучным и логико-философским понятием. Мы пытаемся дальше показать, что «информация» имеет общенаучное и логико-философское значение, прежде всего как «мигрирующая структура», как «то, что придает форму». Другими словами, подчеркивая общенаучную, мировоззренческую роль «информации», надо возразить против слишком расширительного толкования «информации», против смешения понятия и соответствующего слова, ибо на таком смешении базируются беспочвенные аналогии.

В свое время неправомерно широко применялись понятия механики Ньютона. В прошлом веке многими представителями других отраслей знания было заимствовано из физики понятие «энергии», которое использовалось для всевозможных аналогий. В терминах энергетики пытались объяснять различные явления — от чувственного восприятия до социальных процессов. Не происходит ли на наших глазах нечто подобное с «информацией»? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вкратце рассмотреть, какое философское, методологическое, мировоззренческое значение придается понятию «информация».

3

Для выяснения спектра значений «информации» зададим несколько вопросов насчет «информации» и ответим на них, имея в виду ответы, предложенные в научной литературе.

1. К какой области действительности применимо понятие «информация»? Почему? Возможные ответы:

а) ко всей реальности¹³. потому что «информация» — это отрицательная энтропия; это возможность измерять упорядоченность, разнообразие или ограничение разнообразия любых объектов; это мера неравномерности распределения вещества и энергии; это определенная сторона свойства отражения, а отражение свойственно всей материи;

б) только к живой природе и «выше»¹⁴ — к обществу и техническим системам). потому что «информация» связана с управлением и регулированием; является свойством сигналов, кодов;

в) только по отношению к человеческому сознанию, потому что «информация» это знания о чем-нибудь;¹⁵

---

¹³ Следующие аргументы не исключают друг друга, а встречаются в различных комбинациях. Поэтому целесообразно ограничиваться констатацией общности взглядов насчет области применимости понятия «информация».

¹⁴ Такой ответ можно найти, например, в следующих работах: *Н. Винер*, Кибернетика и общество, М., 1958, стр. 34, 44; *У Росс Эшби*, Введение в кибернетику, М., 1959, стр. 178, 185, 199; *Л. Бриллюэн*, Наука и теория информации, М., 1960, стр. 200, 201, 207; *Л. Бриллюэн*, Термодинамика, статистика и информация, «Успехи физических наук», 1962, т. LXXVII, вып. 2, стр. 344—345; *Л. Бриллюэн*, Научная неопределенность и информация, М., 1966, стр. 28—34; *В. М. Глушков*, Мышление и кибернетика, «Вопросы философии», 1963, № 1, стр. 36; *Л. Теплов*, Очерки о кибернетике, М., 1963, стр. 81, 83, 117; *И. Б. Новик*, Негэнтропия и количество информации, «Вопросы философии», 1962, № 6; *И. Б. Новик*, Кибернетика. Философские и социологические проблемы, М., 1963, стр. 61; *И. Б. Новик*, К единству предмета и метода кибернетики, Сб. Кибернетика, мышление, жизнь, М., 1964, стр. 113; *А. Д. Урсул*, О природе информации, «Вопросы философии», 1965, № 3, стр. 134, 137, 140; *А. Д. Урсул*, Природа информации, «Природа», 1968, № 6, стр. 53—54; *В. С. Тюхтин*, Клеточка отражения и отражение как свойство всей материи, «Вопросы философии», 1964, № 2; *В. С. Тюхтин*, Отражение и информация, «Вопросы философии», 1967, № 3; *Д. П. Тарасенко*, К определению понятия «информация» в кибернетике, «Вопросы философии», 1963, № 4; *Л. А. Петрушенко*, Взаимосвязь информации и системы, «Вопросы философии», 1964, № 2; *Л. А. Петрушенко*, Принцип обратной связи, М., 1967, стр. 40, 53—54, 55; *Н. М. Амосов*, Регуляция жизненных функций и кибернетика, Киев, 1964, стр. 16—17; *Р. Шералиева*, Некоторые философские вопросы теории информации, Фрунзе, 1966, стр. 10—11.

¹⁴ См. напр., *А. И. Быховский*, Живые организмы и антиэнтропийный эффект информации, «Вопросы философии», 1965, № 9; *Н. И. Жуков*, Информация. Философский анализ, Минск, 1966, стр. 28—38; *Т. Д. Павлов*, Информация, отражение, творчество, М., 1967, стр. 82.

¹⁵ См. напр., *С. Г. Иванов*, Некоторые философские вопросы кибернетики, Ленинград, 1960; *В. И. Шароградский*, Понятие «информация» в свете ленинской теории отражения. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук, М., 1966.

для измерения количества информации надо из объекта выделить абстрактную систему, в отношении которой измеряется информация¹⁶.

2. Какие значения можно отличать у термина «информация»? Как их классифицировать? Возможные ответы:

а) С точки зрения строгости подхода и понятий можно отличать:

- 1) математическое понятие «количество информации»;
- 2) кибернетическая «информация» как синоним «структурности», «упорядоченности», «разнообразия» или «ограничения разнообразия»;
- 3) «информация» в повседневном смысле как сведения, данные.¹⁷

б) В передаче сообщений между людьми можно выделять следующие уровни «информации»:

- 1) статистика сигнала,
- 2) синтаксис,
- 3) сигматика,
- 4) семантика,
- 5) прагматика,
- 6) внутреннее моделирование¹⁸.

---

¹⁶ Это подчеркивалось многими математиками и философами, занимающимися философскими проблемами математики. Эта точка зрения направлена против превращения «информации» в своеобразную субстанцию. В ней подчеркивается, что «информация» это — абстракция, понятие (см. ссылку № 2, стр. 15). Но неправомерным является ограничение на этом основании сферы применения «информации» человеческим сознанием. Ведь то же самое можно сказать насчет любого понятия, например «масса», «энергия» и т. д.

¹⁷ Эти значения выделяются В. С. Тюхтиным («Вопросы философии», 1967, № 3). Такой подход кажется вполне обоснованным. Он помогает устранить путаницу, сложившуюся вокруг понятия «информация». Единственное, что хотелось бы здесь добавить, это то, что рассматривая «информацию» как субкатегорию, можно, наверное, выделить для указанных трех значений нечто общее. В таком случае центральным, определяющим стало бы второе, «кибернетическое» значение.

¹⁸ Обычно здесь выделяются: 1) многообразие сигналов, независимо от их значения (количество информации касается этой стороны вопроса); 2) значение, смысл сообщения для получателя (семантический аспект информации); 3) влияние сообщения на поведение получателя (прагматический аспект информации). Поскольку нас интересует разнообразие значений, мы взяли более детальное расчленение. Его предлагает Г. Фёльц. (H. Völz, Einige Gedanken zum Begriff Information. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1968, H. 3.) Уровни «информации» в его схеме означают следующее: 1) статистика сигнала — количество информации Шеннона, 2) синтаксис — кодирование и декодирование, 3) сигматика — соответствие между электрическими сигналами и звуковыми волнами, т. е. между знаками и обозначаемыми, 4) семантика — смысл, значение сообщения для человека, 5) прагматика — поведение получателя информации; чтобы отправитель мог бы регулировать поведение получателя, необходим канал обратной связи; 6) внутреннее моделирование — создание образов в сознании, сюда относится прогнозирующая,

- в) Комбинируя «информацию» с другими понятиями, можно получить различные новые понятия, например, «биологическая информация», «человеческая информация», «научная информация», «эстетическая информация».

Приведенный обзор показывает, что проблема «информации» в известном смысле является семантической проблемой. Авторы, подразумевающие под «информацией» отрицательную энтропию, говорят о совершенно другом, чем авторы, для которых «информация» — содержание человеческого сознания. Тут можно спорить до бесконечности, кто прав, а кто нет. Речь идет о различных вещах.

Но было бы ошибкой считать проблему информации только семантической проблемой. Кроме конвенционального элемента в человеческих понятиях, верно отражающих действительность, имеется и объективное содержание, независимое от терминологических соглашений.

Особенно ясно это выступает при оценке сферы применения «информации». Когда «информация» признается свойством всей материи, это связывается, как правило, с такими оговорками, которые довольно резко ограничивают «информацию» в живой и неживой природе. И наоборот: когда «информацию» считают только свойством живой природы, признается и в неживой природе наличие аналогичного явления. Поэтому расхождение между сторонниками различных точек зрения не является столь значительным, как это может показаться на первый взгляд.¹⁹

Следовательно, задача состоит в том, чтобы выделить то наиболее общее, что связывается с понятием «информация».

телеономическая, программирующая, нормативная и социальная функции сознания. Такая трактовка «информации» непосредственно связана с процессами передачи информации по каналам связи и созданными на их основе моделями (например, выделение «сигматики»). Очевидно, мы получили бы другую схему, если бы рассматривали «информацию» в связи с биологической эволюцией или вообще эволюцией материальных систем на нашей планете.

¹⁹ Один пример. К. Морозов придерживается точки зрения, что информация является свойством всей материи. Но вместе с тем он подчеркивает, что информация в живой природе, в отличие от неживой природы, играет активную роль, участвуя в управлении всеми жизненными процессами. (Сб. *Философия естествознания*, М., 1966, стр. 397.) Н. Жуков считает, что об информации можно говорить только начиная с появления жизни. Главный аргумент: отражение в живой природе имеет активный характер («Вопросы философии», 1963, № 11, стр. 156), информация — это упорядоченное изменение, структура, используемая организмом для управления (Н. Жуков, *Информация. Философский анализ*, Минск, 1966, стр. 30—31). Аналогичные оговорки можно найти почти у всех авторов, руководствующихся учением диалектического материализма о различных уровнях организации и формах движения материи.

По-видимому, для «информации» в философском смысле наиболее существенным является то, что «информация» непосредственно связана с *отражением как свойством всей материи*. Ленинскую идею об отражении как свойстве всей материи нельзя трактовать гилозоистически, по аналогии с теми явлениями, которые составляют содержание человеческой психики и сознания. Всякие попытки идти по этой линии неизбежно должны привести к признанию «психоплазмы» Э. Геккеля или подобных ей вещей.²⁰

В современной марксистской литературе чаще всего встречается определение отражения М. Корнфорта,²¹ согласно которому отражение — это воспроизведение особенностей одного материального процесса в соответствующих особенностях другого материального процесса при их взаимодействии. Другими словами, отражение — это определенный аспект взаимодействия. Отражение связано с переносом вещества и энергии, но не сводимо к нему. Отражение — это перенос «особенностей».

Но эту же черту выражает понятие «информация», взятое в наиболее общем виде. В нашей философской литературе наибольшей популярностью пользуется, и совершенно справедливо, содержательная интерпретация информации У. Р. Эшби как разнообразия и ограничения разнообразия. В основе этой концепции, напомним, по словам У. Р. Эшби лежит весьма тривиальный факт: нельзя только двумя командами заставить кого-либо или что-либо целесообразно совершать три разных операции.

Но осознание этого факта имеет для научной, материалистической философии важное значение. Во-первых, информация может передаваться самыми различными *материальными носителями*, но не может передаваться «в чистом виде», без материального носителя. Во-вторых, *количество информации не может в процессе передачи, хранения и т. д. спонтанно расти*.

«Материальный носитель» в данном случае означает, что любой передающий информацию канал должен иметь вещественно-энергетическую характеристику. Это важно не только для оценки различных спиритуалистических вымыслов, но и при исследовании всех явлений познания. При всех случаях надо, кроме других аспектов, иметь в виду и вопрос: как, на основе каких кодов, материальных процессов, источников информации

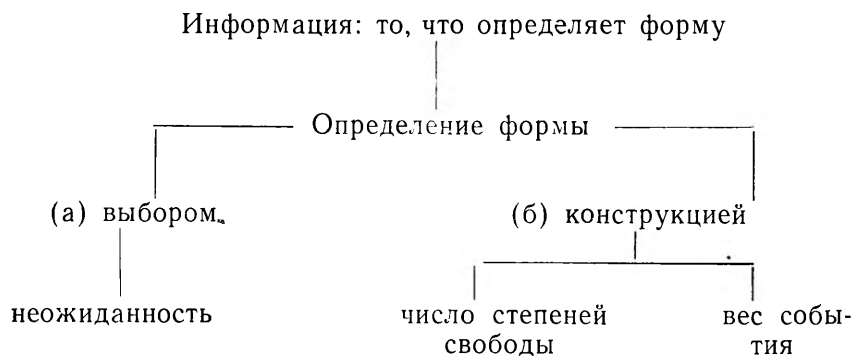
²⁰ «Мы называем психоплазмой ту часть этой субстанции» (т. е. живой субстанции организма, плазмы или протоплазмы), «которая является непосредственным носителем духовной жизни.» (Э. Геккель, *Мировые загадки*, Лейпциг-С. Петербург, 1906, стр. 56.)

²¹ М. Корнфорт, *Диалектический материализм*, М., 1956, стр. 315.

и т. д. возникают ощущения, восприятия, формируется понятийная картина мира. (Эта сторона касается знаменитой проблемы: «Откуда Вы все это так хорошо знаете?»)

Еще большее значение имеет понимание того факта, что упорядоченность, разнообразие и т. д. не может спонтанно и мгновенно возникать из неупорядоченности, хаоса. У Р. Эшби считает, что этот принцип имеет такое же значение для техники, как в свое время открытие закона сохранения энергии, положившее конец бесплодным попыткам изобретения вечных двигателей.²²

В связи с этим с философской точки зрения представляется интересным содержательная интерпретация «информации» как «того, что придает форму» или «мигрирующей структуры» или «отраженного разнообразия». Такое понимание начинает преобладать в марксистской философской литературе.²³ Оно распространено в кибернетике и примыкает непосредственно к концепции разнообразия Эшби. Однако «мигрирующая структура» интуитивно более понятна, чем понятие разнообразия и ее ограничения. А возможность гибкого интуитивного представления данного понятия является до сих пор существенной чертой наиболее общих категорий мышления. Кроме того, «то, что определяет форму» позволяет избегать ненужного расчленения «информации», о котором мы говорили выше. Д. М. Маккей иллюстрирует это понимание таким образом:²⁴

²² W. R. Ashby, Principles of the Self-Organizing System; in: Principles of Selforganization, Transactions of the University of Illinois Symposium on Self-Organization, Oxf., L. N. Y., Paris, 1962, p. 274.

²³ См., например, В. А. Мякий, Информация как отражения структурных изменений, Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук, Киев, 1968; Д. И. Юргеланас, Теория отражения и понятие информации, Сб. Теория познания и современная наука, М., 1967.

²⁴ D. M. MacKay, Communication and Meaning — A Functional Approach; Cross-Cultural Understanding. Epistemology in Anthropology. New York, London, 1964, p. 174.

При таком понимании «информация» связывается главным, что придало «информации» современное значение: с возможностью измерения (речь идет, конечно, о том, чтобы имелась принципиально такая возможность, её конкретное осуществление может оказаться недостижимым) В соответствии с оттенками «информации» имеются в виду различные способы измерения: при селективной функции «неожиданность», при конструктивной — число степеней свободы или вес события.

Далее, такое понимание освобождает «информацию» от антропоморфных ограничений, подчеркивает вместе с тем ясно, что информация не является ни субстанцией, ни имманентным свойством систем, связывает «информацию» с материальными системами как мигрирующую при их взаимодействии структуру. Система «содержит» информацию не само по себе, а по отношению к какой-нибудь другой системе.²⁵ Такое понимание позволяет в определенном отношении связать воедино и такие характеристики отражения как изоморфизм (гомоморфизм) отдельных звеньев процесса отражения, соотношение модель — оригинал.

Наконец, и это, пожалуй, главное: несколько неопределенное, но в то же время достаточно четкое понимание информации как мигрирующей структуры служит важным *нормативным принципом мышления*. Соблюдение этого принципа позволяет избегать многих бессмысленных вопросов, дает «интуитивный» критерий для оценки различных гипотез об эволюции материи.

В то же время «информация как мигрирующая структура» довольно четко показывает, *какие аспекты теории познания не относятся к концепции информации*. А таких аспектов очень много. Сюда не относится всё, что выходит за рамки мигрирующих структур, их соответствия. Сюда не относятся интроспективные явления психики и сознания, за исключением их струк-

---

²⁵ На симпозиуме, посвященном обсуждению понятия «информация», И. Земан трактовал информацию как качество организованности материальной реальности (J. Zeman, Signification philosophique de la notion information. Сб. Le concept d'information dans la science contemporaine, Paris, 1965, p. 284—285), которая «теряется» при ее восприятии. В связи с этим было указано, что онтологизация информации предполагает некоторую «абсолютную» организованность и ведет к финалистским выводам. (Там же, стр. 309) Н. Винер заявил, например, что информацию нужно рассматривать только релятивно и что идея негэнтропии не имеет абсолютно никакого значения (Там же, стр. 327). Но релятивность не есть субъективность. Ф. Бонзак, который подробно обосновал идею, что информация существует только в связи с приемником (F. Bonsack, L'information est-elle objectivable et mathématisable?, Там же, стр. 311, 321), подчеркивал, вместе с тем, объективность информации.

турно-количественной стороны.²⁶ Мы, конечно, знаем, что и образы сознания возникают на основе информации. Человеческий мозг как система, осуществляющая целесообразный отбор, может осуществить его только на основе имеющейся (и получаемой) информации. Но «информация» как мигрирующая структура не имеет прямого отношения к *знаниям* в теоретико-познавательном смысле.

Возможно, что это накладывает существенные ограничения и на измерение семантической и прагматической информации. Во всяком случае, способы, предложенные в этих целях до сих пор, ограничиваются фиксацией определенного структурного разнообразия и рассмотрения изменений в нем, происходящих в результате полученной информации. Не хочется быть здесь слишком категоричным, но все известные нам способы базируются на такой сильной формализации, что они ничего не говорят о человеческом значении (т. е. о «содержании сознания») ²⁷ Конечно, они имеют крупнейшее значение для моделирования человеческого поведения и решения на этой основе практических задач, например автоматического поиска информации. Но здесь идет речь о чисто-гносеологической стороне дела, например, о тех проблемах, которые рассматриваются на развернувшейся на страницах «Вопросов философии» дискуссии.²⁸

---

²⁶ Это надо иметь в виду, когда обсуждается правомерность применения интроспективно-феноменологического метода в гносеологии. Без его применения собственно гносеологические рассуждения невозможны. Но с другой стороны, соединение «феноменологического» и «информационного» способа описания тоже связано с принципиальными трудностями.

²⁷ Сюда относится, например, оценка ценности информации как приращения вероятности достижения цели (А. Харкевич, О ценности информации, «Проблемы кибернетики», 1960, № 4, стр. 53—57; его же, Примечания переводчика в книге Л. Бриллюэн, Наука и теория информации, М., 1960, стр. 380—381). То же можно сказать об определении информационного содержания высказывания как вероятности отрицания данного высказывания (Y. Bar Hillel, R. Carnap, Semantic Information. British Journal for the Philosophy of Science, 1953, vol 4, № 14.) Аналогично обстоит дело с определением количества семантической информации через изменения, производимые полученной информацией в зафиксированном «тезаурусе» (Ю. А. Шрейдер, О количественных характеристиках семантической информации. Сб. Научно-техническая информация, 1963, № 10; Ю. А. Шрейдер, Об одной модели семантической теории информации. Проблемы кибернетики, 1965; № 13, Е. К. Войшвилло прямо указывает, что «информация, которую содержит суждение по отношению к некоторой проблеме, определяется тем, насколько доказательство или допущение истинности этого суждения уменьшает энтропию проблемы» (Е. К. Войшвилло, Попытка семантической интерпретации статистических понятий информации и энтропии, Сб. Кибернетику — на службу коммунизму, т. 3, М., 1966, стр. 289). Вместе с тем он показывает, что логическая сторона вопроса отнюдь не исчерпывает психологию мышления (там же, 292—293).

²⁸ Г. С. Батищев, Общественно-историческая, деятельная сущность человека, «Вопросы философии», 1967, № 3; А. Ф. Александров, Еще раз о деятельной сущности человека, «Вопросы философии», 1968, № 7.

«Информация» как мигрирующая структура помогает глубже осмыслить материальное единство мира. Такое понимание хорошо «вписывается» в общую диалектико-материалистическую концепцию развития окружающей нас действительности. Оно соответствует современному стилю естественно-научного мышления.²⁹ «Информация» как мигрирующая структура освещает определенный аспект учения диалектического материализма об уровнях организации материи и формах движения. Подробное рассмотрение этих проблем выходит за рамки данной статьи, поэтому ограничимся некоторыми ссылками на суть дела.

Во-первых, соотношение историзма и структурно-функционального подхода. В последнее время со стороны отдельных представителей семиотики в нашей литературе были сделаны упреки в адрес «гегелевского» историзма, причем структурно-функциональный подход противопоставлялся историзму. На самом деле такое противопоставление неправомерно. Между прочим, на это указывали в свое время уже создатели русской структуральной школы в лингвистике и литературоведении. В наше время это настойчиво подчеркивает такой виднейший «структуралист» как К. Леви-Стросс.

Настоящий, диалектико-материалистический историзм рассматривает развитие с точки зрения усложнения структурных образований, возникновения всё новых «уровней» организации материальных систем и форм движения. Эта идея находит плодотворное применение не только в современной биологии, но и в антропологии, культуроведении, социологии.³⁰

Во-вторых, материальность систем, с помощью которых передается информация как мигрирующая структура. В самом фундаменте материи она неразрывно связана с отрицательной энтропией, но не сводится к ней. На это уже четверть века

---

²⁹ Речь идет о стиле естественно-научного мышления в том смысле, о котором говорит Ю. В. Сачков. (Ю. В. Сачков, К оценке значения статистических закономерностей в физике элементарных частиц, Сб. Философские проблемы физики элементарных частиц, М., 1964, стр. 206; Ю. В. Сачков, Эволюция стиля мышления в естествознании, «Вопросы философии», 1968, № 4).

³⁰ В «культурной антропологии», например, встречаются попытки оценивать усложнение культурных явлений с точки зрения их информационной емкости. (T. Schwarz, M. Mead, Micro- and Macro-Cultural Models for Cultural Evolution; in: Margaret Mead, Continuities in Cultural Evolution, New York, London, 1965, p. 327—335; Anthony F. C. Wallace, Culture and Personality, New York, 1962, p. 61.) Сюда относятся также более широкие «семиотические модели» культуры, которые предлагают строить по аналогии с данными формальной генетики. Об этом говорилось в совместном выступлении биологов Ф. Жакоба, Ф. Эртыге, филолога Р. Якобсона, этнолога К. Леви-Стросса (Un debat entre François Jacob, Roman Jakobson, Claude Levi-Strauss et Philippe L'Heritier. Vivre et parler. «Les Lettres françaises», 1968, № 1221, 1222.) Хотя эти попытки не выходят пока за пределы методологических деклараций, их наличие довольно симптоматично.

назад удачно указал Э. Шредингер,³¹ правда, не употребляя термина «информация». Но его основная идея — что ядром организма является гигантская молекула — *«апериодический кристалл»*,³² способный к *редупликации за счет поступающей из внешней среды отрицательной энтропии*, сохраняет свое значение для нашего времени, независимо от того, что в наше время значительно более тонко понимают механизм действия нити ДНК.

Именно диалектико-материалистическое понимание материальности является здесь эффективным средством против физико-химического редукционизма. Реально существуют, например, такие суперорганизменные явления как популяции организмов. Они тоже имеют мигрирующую во времени и пространстве структуру. У высших животных эти структуры отнюдь не полностью определяются наследственной информацией. Об этом свидетельствуют многочисленные работы по изучению психологии и поведения животных. Наконец, материальность накопления и передачи информации имеет первостепенное значение для материалистического понимания общества, проблем человека и антропогенеза.

В этом смысле приобретает новое значение понятие «памяти» систем.³³ В конце прошлого и в начале нашего века делались, как известно, многочисленные попытки трактовать накапливаемую в ходе эволюции структурность как «память» в гилозоистском или идеалистически-виталистском духе. Теперь эта «память» получает вполне научное, материалистическое объяснение. Думается, что один из качественных подходов к «информации» состоит в выяснении специфики этой «памяти» при различных формах движения.

В-третьих, информация как мигрирующая структура играет очень важную роль в обсуждении проблем саморазвития материи с *количественной точки зрения*. Сюда относится целый комплекс проблем, связанных с ростом организованности, т. е. негэнтропии в данной подсистеме на фоне общего роста энтропии. Чисто умозрительные концепции возникновения жизни уступили место такому исследованию физико-химических основ этого процесса, которое неразрывно связано с количественной оценкой вероятности появления того или иного материального образо-

---

³¹ Э. Шредингер, Что такое жизнь с точки зрения физики, М., 1947.

³² Идею апериодического кристалла впервые выдвинул советский ученый Н. К. Кольцов. Э. Шредингер этого не знал и ссылался в качестве автора этой идеи на М. Дельбрюка.

³³ В отношении биологических систем различные понятия «памяти» обстоятельно исследованы в докторской диссертации М. Г. Макарова «Историческое развитие категории «цель» и значение ее в современной науке и философии», ч. 2, гл. 9, Тарту, 1967.

вания при наличии заранее имеющих материальных структур.³⁴ Безвозвратно прошло то время, когда ссыла на самовозникновение, на спонтанное зарождение считалась достаточным теоретическим объяснением возникновения чего-либо. Все больше укореняется мысль о необходимости количественной оценки предлагаемой гипотезы. Конечно, количественная оценка имеет в очень многих случаях чисто негативное значение: просто выясняется, что данное объяснение не удовлетворяет вероятностным требованиям. Обратной стороной медали становятся разные полуфантастические гипотезы, идущие вразрез с главной линией развития науки.³⁵

Всё это еще раз подтверждает идею, что «информация» как мигрирующая структура призвана играть в современном мышлении существенную роль. С одной стороны, «информация» имеет для современного мышления примерно такое же значение как принцип сохранения энергии в мышлении прошлого века. С другой стороны, «информация» непосредственно связана с такими логико-философскими категориями как «отражение», «структура»³⁶, «развитие», «преемственность», но не сводится к ним, а дополняет их, имеет самостоятельное значение. Возможно, что в будущем в понимании «информации» произойдут такие же существенные изменения, как это случилось с «законом сохранения энергии». По поводу этого можно сказать только одно: ну что же, наши понятия и категории служат строительными лесами для вечно развивающейся человеческой картины мира. Однако, несмотря на это, в них имеется непереходящее, объективное содержание.

Поступила в редакцию
10 сентября 1968 г.

---

³⁴ Эта проблема была одной из центральных на симпозиуме по происхождению предбиологических систем. См.: *Дж. Холдейн*, Информация, необходимая для воспроизведения первичного организма; *Дж. Бернал*, Молекулярные матрицы живых систем; *А. И. Опарин*, История основной проблемы симпозиума. Сб. Происхождение предбиологических систем, М., 1966. См. также *В. И. Кремянский*, Возникновение организации материальных систем, «Вопросы философии», 1967, № 3.

³⁵ Например, идея о возникновении одновременно двух материй — живого и неживого (*К. С. Тринчер*, Биология и информация, М., 1965, стр. 99), о наличии у материи особого «стремления» (*П. Мора*, Несостоятельность вероятностного подхода, Сб. Происхождение предбиологических систем, М., 1966), о том, что человек на Земле создан кем-то из космоса путем радиосигналов (*Бакминстер Фуллер*, Как мало мы знаем, «За рубежом», 1967, № 35).

³⁶ См., напр., *В. И. Свидерский*, О диалектике элементов и структуры, М., 1962, стр. 241—257.

О ПЕРЕХОДЕ НА ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ СТУПЕНЬ ПОЗНАНИЯ

(На материале истории учения о химическом средстве)

Р. А. Вихалемм

Во многих работах как в Советском Союзе, так и за рубежом, соотношение эмпирического и теоретического уровней знания и проблема научного объяснения обычно рассматривается, имея в виду уже сформировавшееся научное знание, его «готовую» структуру, причем в основном, физики. А при характеристике теории большинство авторов ограничивается, главным образом, (формально-) логическим аспектом ее строения.

На философском анализе же истории естествознания, с учетом специфики разных естественных наук, в частности химии, основываются пока лишь отдельные работы.

Основные сложности, возникающие при исследовании с точки зрения ступеней познания *истории отдельных наук*, конкретных проблем, заключаются в том, что уже нельзя говорить об эмпирической и теоретической ступенях *вообще*, т. е. абстрактно. Приходится учитывать субординацию отдельных наук, единство исторического и логического и т. д.

В данной статье мы пытаемся дать анализ качественного скачка от эмпирии к теории в области химии на материале истории учения о химическом средстве.

В литературе по истории химии называются теориями и такие представления, которые на наш взгляд существенно отличаются от теории. Так, например, говорят о различных корпускулярно-механических «теориях» химического средства (которые были созданы Юнгиусом, Бойлем, Мэйсу, Ньютоном, Ломоносовым, Бюффеном и др.), о «теориях» средства Бергмана и Бертолле, об электрохимической «теории» Берцелиуса, о термохимических «теориях» средства Томсена и Бертло, о различных доквантовомеханических электронных «теориях» химической связи (созданных Томсоном, Штарком, Бором, Косселем, Льюисом, Лэнгмюром и др.) и т. п. Эти «теории» на самом деле

являются особыми *модельными представлениями*, которые могут быть названы качественно-формальными.¹ Характеристику качественно-формальных модельных представлений (как и так называемых сущностных моделей, при помощи которых создаются теории) мы уже дали.²

Как мы уже показали в другой работе³ в истории учения о химическом средстве можно четко выделить качественный скачок, который на наш взгляд, соответствует переходу от эмпирии к теории и, вместе с тем, от явления к сущности. Такие скачки имели место в истории учения о химическом средстве до сих пор трижды, т. е. пока были раскрыты сущности химического средства 1-го, 2-го и 3-го порядков. Этими скачками являются: 1) молекулярно-кинетическая (механическая) трактовка химического средства в совместной работе 1879 г. Гульдберга и Вааге; 2) термодинамическая теория — Вант Гофф, 1884 г.; 3) квантово-химическое рассмотрение — Гейтлер и Лондон, 1927 г.

В чем же заключается этот качественный скачок, как происходит в химии переход от эмпирической ступени познания к теоретической?

1) В эмпирическом познании нового явления выясняется, что оно связано с уже известными явлениями, однако не удается найти правильной связи с новыми и уже существующими знаниями — возникают противоречия (формулируются противоречивые понятия и т. д.) —

В развитии химии по линии раскрытия механической стороны химического средства предшественником Гульдберга и Вааге был Бертолле. Бертолле (а тем более его предшественники) не сумел найти правильной связи между химическими и механико-физическими явлениями. Его понятие «о химической массе» оказалось противоречивым, так как не были известны химические единицы и т. д.

Аналогичной была и ситуация до раскрытия термодинамической сущности химического средства. Бертолле (и другие) не справился с выяснением правильной связи между химическими и тепловыми явлениями. Противоречия возникали в связи с понятием и принципом максимальной работы.

До возникновения квантовой химии попытки объяснения

---

¹ Можно, конечно, назвать и качественно-формальные модельные представления теориями, но дело в том, что они существенно отличаются от другого рода теорий, которые, на наш взгляд, только и следует назвать теориями.

² Мы имеем в виду сообщение «О роли модельных представлений в познании сущности химического средства» на симпозиуме «Метод моделирования в естествознании» (Тарту, 23—28 мая 1966). Сборник материалов симпозиума находится в печати.

³ См.: Движение познания от бытия (непосредственных явлений) к сущности в истории учения о химическом средстве, Ученые записки ТГУ. Вып. 212, 1968, Труды по философии XI.

природы химической связи, которые были на уровне качественно-формальных модельных представлений, привели к *противоречию* между химическими и физическими знаниями; возникало противоречивое понятие «электронная пара».

2) Возникающие противоречия связаны с незнанием некоторой общей структуры и общих закономерностей. —

Той структурой, которой не знал Бертолле (а тем более Бергман и др.) а в первых работах и Гульдберг и Вааге, была структура молекулярно-кинетического равновесия между исходными и возникающими в ходе реакции веществами.

Бертолле (и другим) не была известна термодинамика обратимых процессов.

При объяснении химической связи было указанное противоречие связано с незнанием (и преодолено на основе знания) *структуры* атомов и химической связи, с незнанием общих (квантовомеханических) законов взаимодействия электронов и ядер атомов.

3) Некоторые общие закономерности окажутся необходимой стороной исследуемого явления (его «своим другим», используя гегелевский термин). Причем, эти общие закономерности выражают структуру тех явлений, о которых было известно уже на эмпирической ступени познания, что они связаны с исследуемым явлением, но познание этой связи привело к противоречиям (см. пункт 1) —

Так, молекулярно-кинетическое (механическое) представление о равновесии оказалось необходимой стороной («своим другим») для сущности первого порядка химического сродства, а для сущности второго порядка ту же роль играла термодинамика обратимых процессов.

Сущность химического сродства между атомами так же была раскрыта через нехимическое (через квантовую механику и физику) как через свою противоположность, через то, что Гегель назвал «свое другое».

4) Раскрытие сущности становится возможным благодаря количественному подходу, через нахождение меры явления (а это, в свою очередь, становится возможным на основе отмеченной структуры — см. пункты 2 и 3) —

Как Гульдберг и Вааге, так и Вант-Гофф и Гейтлер и Лондон подходили к проблеме химического сродства с количественной точки зрения и нашли соответствующие правильные меры.

5) При раскрытии сущности исследуемого явления достигается единство противоположностей — проявления и непроявления данного явления (это предполагает знание соответствующей меры — см. пункт 4). —

Как в случае молекулярно-кинетической, так и в случае термодинамической сущности химического сродства, было познано единство противоположностей, а именно, — на основе противо-

положно-направленных реакций было познано единство изменчивости и устойчивости, процесса и его результата, средства и его отсутствия (равновесного состояния) Познанием квантово-химической сущности химического средства было так же достигнуто единство устойчивости и изменчивости, а именно — единство образования устойчивой многоатомной системы и изменения, перестройки электронных оболочек (устойчивых для изолированных атомов), другими словами — достигнуто единство наличия, проявления средства атомов друг к другу (способности к перестройке электронных оболочек при взаимодействии друг с другом) и отсутствия, не проявления, насыщения этого средства после образования устойчивой многоатомной системы (о чем свидетельствует энергетический минимум — мера средства между атомами).

6) Явления, непротиворечивое объяснение которых не удалось найти, окажутся проявлениями раскрытой сущности (получают теоретическое объяснение) —

Обратимые химические реакции, обнаруженная Бертолле зависимость химического действия от массы реагирующих веществ и т. д. оказались проявлениями молекулярно-кинетической сущности химического средства. Проявлениями термодинамической сущности оказались эмпирические факты о взаимосвязи химических и тепловых явлений, в том числе эмпирический принцип максимальной работы Бертолле. На основе квантово-химической сущности химической связи получили объяснения, оказались *явлениями* (проявлениями) этой сущности, например, электрополярный характер некоторых химических соединений, существование каких-то «единиц средства» (как у Бутлерова и др.), валентность атомов, дискретные, валентные связи (насыщенность валентных сил) между атомами, пространственная направленность валентных связей, образование электронной пары и др.

Если предшествующий этап является преимущественно аналитическим, на котором происходит расчленение целого (объекта познания) на части (дифференциация проблемы и т. д.) и достигается лишь особенное, то теоретическое познание является синтетическим, познанием взаимной связи частей в целом — элементов и структуры; достигается всеобщее, охватываются противоположные взгляды в единой теории.

Проблема синтетического (теоретического) познания в общем является проблемой восхождения от абстрактного к конкретному. Элементы получают на дотеоретических ступенях познания — при движении от чувственно-конкретного к абстрактному — абстрактно, изолированно, т. е. в виде частей.⁴ При этом,

---

⁴ О категориях «абстрактное» и «конкретное» см: Э. В. Ильенков, Проблема абстрактного и конкретного, «Вопросы философии», 1967, № 9; а более подробно в его же книге: Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, М., 1960.

к сказанному следует еще добавить, что так как познание должно начинаться со сложного целого, с развитого тела, то его движение от этого целого, от чувственно-конкретного к абстрактному происходит в противоположном развитии объекта познания направлении.⁵ «... научный анализ вообще избирает путь, противоположный действительному развитию. Оно начинается «post festum» (задним числом), т. е. исходит из готовых результатов процесса развития».⁶ Поэтому и возникают, при попытках связать полученные знания (отдельные эмпирические законы, «старые» и «новые» представления и т. д.), противоречия, формулируются противоречивые эмпирические понятия. В эмпирических понятиях⁷ и принципах не достигается единство абстрактного и конкретного и являющееся склонны принимать за существенное. Единство абстрактного и конкретного достигается в теоретических понятиях, которые выражают сущность познаваемого явления. Сущность, как показал уже Гегель⁸, является внутренней основой многообразных внешних различий бытия, и она раскрывается в процессе раздвоения единого на противоположности и постижения внутренней основы этих противоположностей. А в связи с этим: «В качестве основного логического критерия теоретического подхода к явлениям действительности Маркс, следуя в данном случае за Гегелем, принимает логический принцип конкретного тождества, тождества противоположностей».⁹ При этом, следует отметить, что мы согласны с В. И. Шинкаруком и др.¹⁰, что «мышление противоречия отнюдь не означает застревания на утверждении и отрицании как на некотором положительном знании. Оно означает схватывание единства противоположных определений (утверждающего и отрицающего), и само это схватывание есть движение мышления от обнаружения противоречия к достижению его основы» (см. наш пункт 2). Требуется «синтез двух противоположных определений предмета в каком-то третьем его определении, вскры-

⁵ См. в этой связи: В. А. Вазюлин, К вопросу о «механизме» развития теоретического познания, Вестник МГУ. 1964, № 2.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 85.

⁷ Э. В. Ильенков, вслед за Гегелем, называет эмпирические понятия абстрактно-общими представлениями, псевдопонятиями. См.: Э. В. Ильенков, Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике, Диалектика и логика. Формы мышления, М., 1962, стр. 191.

⁸ Это является рациональным в учении Гегеля. См.: В. И. Шинкарук, Логика, диалектика и теория познания Гегеля, Изд. Киевского ун-та, 1964, стр. 240.

⁹ Э. В. Ильенков, «Вопросы философии», 1967, № 9, стр. 63.

¹⁰ Фактически о том же пишет и П. С. Дышлевый и М. В. Попович, (К вопросу о природе физических парадоксов, Проблемы методологии наук, Вып. II, Уч. зап. Томского ун-та, 1965, № 61), И. С. Нарский (Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания, М., 1966, стр. 19—30; О проблеме противоречия в диалектической логике, «Вопросы философии», 1967, № 6) и др.

вающем некоторое новое отношение, являющееся основой отрицательного отношения между первой и второй определенностями предмета». Причем, «это третье есть постигнутая основа предмета, его сущность...».¹¹

Мы видели, что это единство противоположностей достигается в двух смыслах: 1) данное явление оказывается и данным явлением и некоторым другим — «своим другим» (см. пункт 3); 2) в смысле единства проявления и непроявления данного явления (см. пункт 5) Причем, этот второй аспект единства противоположностей достигается лишь при наличии первого, на основе первого.

Итак, переход на теоретическую ступень в познании, т. е. раскрытие сущности, объяснение явления, оказывается тесно связанным с познанием некоторой общей структуры, на основе которой и строится теория, происходит восхождение от абстрактного к конкретному, достигается единство противоположностей, единство многообразного.

В современной литературе по проблеме объяснения различается несколько типов объяснения. Причем, хотя советские авторы и подчеркивают, что объяснить явление — значит раскрыть его сущность, и это происходит на теоретической ступени познания, оказывается, что определенное объяснение может иметь место уже на эмпирической ступени. Так Е. П. Никитин приходит к выводу; что раскрыть сущность явления — значит показать, что она подчиняется некоторому закону (или совокупности законов)¹², а ведь определенные законы, именно эмпирические законы (типа закона Бойля-Мариотта: $pV = \text{const.}$) формулируются уже на эмпирической ступени познания. Поэтому, по-видимому, приходится различать: 1) объяснение в широком смысле, которое включает и, так сказать, эмпирическое объяснение и 2) объяснение в узком смысле (именно такое объяснение связано с переходом на уровень сущности) — теоретическое объяснение.¹³ Советские авторы указывают на многоступенчатый характер сущности, на то, что такие типы объяснения (через соответственные типы законов) как причинное, функциональное (следственное), структурное и др. раскрывают различные моменты сущности. Это конечно верно, но, хотя и, например, «причина возникновения или изменения вещи, как правило,

---

¹¹ В. И. Шинкарук, Указ. соч., стр. 196—197.

¹² Е. П. Никитин, Типы научного объяснения, «Вопросы философии», 1963, № 10, стр. 30—31.

¹³ Такие виды объяснения выделяет, например, В. Н. Сагатовский, (см.: Структурный и генетический принципы расчленения объекта в системе философских категорий, Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции, М., 1965, стр. 217).

во многом определяет и ее сущность. Не зная причины явления, как правило, невозможно установить и его сущность, внутреннюю природу»,¹⁴ отсюда не следует, что знание причины явления есть знание его сущности. Мы согласны с В. Н. Сагатовским, который пишет: «Переход на ступень сущности означает не только эмпирическую констатацию отношений между результатами и условием (или причиной — Р В.), но и обоснование этого отношения»¹⁵. Обоснование эмпирически познанных (в том числе и экспериментально, практически проверенных¹⁶) отношений, раскрытие сущности требует создания теории. Познание сущности есть теоретическое познание.

Одной из последних обобщающих работ, в которой анализируются категории, «сущность» и «явление», является книга А. П. Шептулина «Система категорий диалектики». Трактровка А. П. Шептулина находится, в основном, в согласии с изложенными в настоящей работе положениями. Он пишет: «По мере объяснения (эмпирического — Р В.) одного за другим процессов, составляющих содержание исследуемого объекта, по мере выявления отдельных свойственных ему необходимых сторон и связей возникает потребность объединения всех этих знаний в единое целое, *выведения их из единого принципа*¹⁷, представления всех необходимых сторон и связей в их естественной взаимобусловленности и взаимозависимости.

Успешное решение этой задачи приводит к воспроизведению в сознании сущности исследуемых явлений, которая как раз и представляет собой совокупность всех необходимых, внутренних сторон и связей (законов), свойственных объекту, взятых в их естественной взаимозависимости. Явление же представляет собой проявление этих сторон и связей (законов) на поверхности через всю массу случайных отклонений»¹⁸. А. П. Шептулин также показывает, что «выявление противоречий, свойственных исследуемому целому, является необходимой ступенью движения познания к его сущности, необходимым условием представления всех его необходимых сторон и законов в естественной

---

¹⁴ Е. П. Никитин, Указ. соч., стр. 31.

¹⁵ В. Н. Сагатовский, Указ. соч., стр. 220.

¹⁶ Мы имеем в виду положение Энгельса: «Эмпирическое наблюдение самого по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимости. Post hoc, но не propter hoc .. Но доказательство необходимости заключается в человеческой деятельности, в эксперименте, в труде ..» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20., стр. 544).

¹⁷ (Курсив наш — Р В.). Ср. В. А. Лекторский, Принципы воспроизведения объекта в знании, «Вопросы философии», 1967, № 4, стр. 49—51; В. Н. Сагатовский, Замечания по вопросу об определении жизни, «Вопросы философии», 1967, № 3, стр. 129 и др.

¹⁸ А. П. Шептулин, Система категорий диалектики, М., 1967, стр. 288.

взаимосвязи и взаимозависимости».¹⁹ Это в общем, те же положения, к которым пришли и мы.

Из сказанного следует, что теоретическое познание (синтетическое познание, познание сущности явления, восхождение от абстрактного к конкретному, познание на основе диалектической логики²⁰) является по своему характеру системным²¹ И в связи с этим, с переходом от эмпирической ступени познания (какого-то явления) к теоретическому (системному) возникают методологические проблемы системного исследования, т. е. проблемы определения «приемов и способов мышления, использование которых дает возможность адекватного теоретического описания системного предмета»²², проблемы «синтеза различных систем знания»²³ и преодоления возникающих при этом противоречий (антиномий, парадоксов).²⁴

Наш анализ теоретической ступени познания, как было уже отмечено в начале статьи, отличается от ее обычной трактовки в логике и методологии науки. Мы пытались ступени эмпирического и теоретического познания выделить, *исходя из познаваемого явления*, рассматривая, какие его аспекты и связи раскрываются на разных этапах *истории его изучения*. Мы подчеркивали, что на дотеоретических ступенях познания (на уровне бытия) возникают качественно-формальные модельные представления. Можно сказать, что в качественно-формальных модельных представлениях, ввиду того, что не были еще известны необходимые «промежуточные звенья», эклектически соединены общее (напр., корпускулярно-механические взаимодействия, электрические явления и др.) и особенное²⁵ (явления химического

---

¹⁹ Там же, стр. 310.

²⁰ В этой связи см. также: В. Н. Борисов, Уровни логического процесса и основные направления их исследования, Новосибирск, 1967, стр. 62—70, 143—171.

²¹ На то, что теория возникает при восхождении от абстрактного к конкретному и, отражая систему объективно взаимосвязанных явлений, носит синтетический, системный характер, специально обращено внимание, например, в статье: А. Ф. Угрениев, О гносеологическом исследовании теории, Вестник МГУ, 1966, № 5 (сер. VIII, Философия).

²² В. Н. Садовский, К вопросу о методологических принципах исследования предметов, представляющих собой системы, Уч. зап. Томского ун-та, 1962, № 41, стр. 77.

²³ В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин, О специфике методологического подхода к исследованию систем и структур, Логика и методология науки (IV Всесоюзный симпозиум. Киев. Июнь, 1965 г.), М., 1967 г. стр. 195.

²⁴ Г. П. Щедровицкий, Проблемы методологии системного исследования, М., 1964, стр. 7—12.

²⁵ Правильно пишет Ю. Г. Пономаренко: «Познание форм движения подводит к раскрытию диалектики общего и особенного из каждой из форм движения. . . химические явления возникают как результат особой организации физических процессов» (Автореферат кандидатской диссертации «Общее и особенное химической формы движения», Киев, 1965, стр. 8).

средства) Модельные представления имеют большую роль и при теоретическом познании, но в этом случае они являются сущностными моделями и создаются тогда, когда известны необходимые «промежуточные звенья». При помощи сущностных моделей изображается особенное таким образом, что его можно рассмотреть лишь со стороны общего, и тем самым раскрывается общее в особенном, т. е. модельное представление позволяет найти реальную связь общего и особенного.

Переход от эмпирической ступени познания к теоретической происходит, как показывает на основе анализа происхождения физической теории М. В. Мостепаненко, через картину мира: «Теоретическое познание строится на основе эмпирических понятий и законов которые обобщаются при помощи некоторых философских идей В результате этого обобщения находят гипотезы и принципы , составляющие общую картину мира в данной науке На элементах картины мира могут быть сформулированы теоретические понятия и построены теории .»²⁶ В построении химической теории, как видно из истории учения о химическом средстве, в роли картины мира выступает физическое знание (как общее в отношении химии).

Поступила в редакцию 10 сентября 1968 г.

---

²⁶ М. В. Мостепаненко, Физическая картина мира и проблема происхождения физической теории, «Философские науки», 1966, № 4, стр. 53.

О СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И МЕСТЕ В НЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

А. И. Горячева

Термин «общественное сознание» в нашей литературе употребляется весьма часто в широком значении духовной жизни общества, духовной культуры вообще. В данной статье мы понимаем его уже. Прежде всего за пределами этого понятия остаются компоненты духовной жизни общества, к собственно сознанию не относящиеся — социально значимые моменты бессознательного. В общественной психологии, которую многие авторы безоговорочно включают в общественное сознание, ее различные элементы в разной мере несут в себе момент сознания. Далеко не все в общественной психологии относится к области собственно сознания в психологическом смысле. Особенности характера, многие устоявшиеся привычки, являются бессознательными (неосознаваемыми). Неосознанными могут быть на определенном этапе потребности, интересы, целенаправленная тенденция поведения. Будучи результатом постепенно складывающегося опыта, подобная тенденция, склонность, «установка», по выражению Д. Н. Узнадзе, может иметь общий для целой социальной группы характер.¹ То, что классики марксизма называли социальным «инстинктом» классов, можно было бы в какой-то части отнести к этому социально-психологическому явлению. Если же, таким образом, допустить, что в общественной психологии имеются моменты бессознательного не только в социологическом значении этого термина (стихийного), то ее полностью относить к общественному сознанию было бы нелогично. Точнее, очевидно, ее рассматривать как часть духовной жизни общества, охватывающей все социально-значимые моменты психики и поведения чле-

¹ См. материалы обсуждения книги С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание», выступления М. Н. Шардакова, Е. С. Кузьмина, «Вопросы психологии», 1959, № 1. Е. В. Шорохова, Проблемы сознания в философии и естествознании, М., 1961; Ф. В. Бассин, Сознание и «бессознательное», Материалы к совещанию по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии, М., 1962.

нов общества. За пределами общественного сознания мы оставим также продукты духовного производства предыдущих эпох, функционирующие в нашем обществе в непреобразованном виде и входящие таким образом в нашу духовную культуру. Отвлекаясь также от того значения термина «общественное сознание», которым определяется все сознание вообще, когда «общественное» выражает природу, происхождение, источники сознания, мы выделим некоторые другие его значения. Во-первых, «общественное», означающее общее в сознании членов определенной социальной группы, характерное для условий ее жизни содержание, свойства и формы, сохраняющиеся при переходе от сознания одного субъекта к сознанию другого. Во-вторых, «общественное» в смысле отражения общественных отношений в различных формах общественного сознания: политическое сознание, правосознание, религиозное сознание, моральное, художественное, научное, философское. И, наконец, «общественное» в том смысле, что через все формы общественного сознания происходит связь общества, духовной культуры, осуществляется связь поколений. Формы общественного сознания являются как бы каналами информации.

Практические задачи развития социалистического общества, воспитания его членов в духе коммунистического сознания, борьбы против влияния буржуазной идеологии и психологии делают задачу изучения строения и развития общественного сознания весьма актуальной. В собственно теоретическом плане вопрос общественного сознания имел всегда особое значение уже потому, что он относится к кругу проблем, охватываемых великим вопросом философии об отношении бытия и сознания. Все это объясняет тот интерес, который проявляют марксистские исследователи к изучению общественного сознания, его структуры в особенности. Несмотря, однако, на появление в последние годы целого ряда исследований многое, относящееся к рассматриваемой проблеме, продолжает оставаться неясным и спорным. Последнее объясняется сложностью предмета исследования, в высшей мере относительным, размытым характером имеющих здесь место границ, вхождением одних и тех же элементов общественного сознания одновременно в его различные структуры, подвижностью, текучестью как отдельных компонентов, так и всего общественного сознания в целом.

В структуру общественного сознания разные авторы включают различные элементы. Г. М. Гак, например, в структуру общественного сознания включает только общественную психологию и идеологию.² Из числа форм общественного сознания автор совершенно исключает науку на том основании, что «меж-

---

² Г. М. Гак, Учение об общественном сознании в свете теории познания, М., 1960, стр. 42, 95.

ду наукой и теорией никакой разницы нет».³ «Наука, — пишет Г. М. Гак, — ничем не отличается от любого идеологического учения — философского, политического, правового и т. д.»,⁴ под чем следует, вероятно, понимать другие «идеологические учения», соответствующие формам общественного сознания — т. е. художественное, религиозное, нравственное. Однако, ни наука, ни искусство, ни мораль, ни религия не являются «идеологическими учениями» в этом смысле слова, хотя они тесно связаны с идеологией класса. Да они и вообще не «учения», как и политика и право, а формы общественного сознания. Из форм общественного сознания наиболее близко стоят к материальной, экономической жизни и наиболее полно отражают и выражают интересы класса — политическое и правовое сознание, теснейшим образом связанные с государством, политикой, правом, которые и можно поэтому назвать идеологическими формами. Довод, который приводится в защиту исключения науки из числа форм общественного сознания, представляется несостоятельным: идеология — это теория, а всякая теория «выступает в виде определенных понятий, положений, формул, законов, логических доказательств и т. д.»⁵ Но в виде определенных понятий, положений, формул, законов, логических доказательств выступает не только наука, но и философия, логично было бы и ее исключить из числа форм общественного сознания. Автор по сути дела ставит вообще знак равенства между наукой, теорией и идеологией: «между наукой и теорией никакой разницы нет»,⁶ «идеология — это теория», «наука ничем не отличается от любого идеологического учения», хотя автор сам же дальше совершенно правильно замечает, что «не всякая теория есть идеология», «но всякая идеология является теорией»,⁷ признавая тем самым, что понятие теория — более широкое понятие, включающее в себя идеологию как один из видов теоретического сознания. Наука же включает в себя не только различного рода теории, но и огромный эмпирический материал. Что же касается утверждения, что основоположниками марксизма «нигде в особую форму общественного сознания не выделяется наука»,⁸ то оно не может быть принято в качестве доказательства исключения науки из числа форм общественного сознания. К тому же в «Немецкой идеологии» в разделе «Формы общественного сознания» К. Маркс и Ф. Энгельс пишут о влиянии «разделения труда на науку», наука

---

³ Там же, стр. 91.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 45.

⁸ Там же, стр. 91.

названа ими в числе политики, права, искусства, религии и т. д.⁹ Г. М. Гак к тому же непоследовательно проводит свою концепцию, ибо иллюстрирует относительную самостоятельность общественного сознания на примере развития естественных и общественных наук.¹⁰

Некоторые авторы науку выделяют в качестве структурного элемента общественного сознания, наряду с общественной психологией и идеологией.¹¹ А. К. Уледов считает, что, анализируя виды общественных отношений (например, политические отношения) и практическую деятельность людей (например, художественно-духовное освоение мира), можно подойти к вопросу подразделения общественного сознания на специфические формы.¹² Если правовые отношения, политические являются видами общественных отношений, моральные таковыми не являются, нет специально моральных отношений. Вряд ли можно согласиться с выделением рядом авторов особых моральных отношений в качестве особого вида социальных отношений. Правильнее, нам кажется, было бы утверждать, что общественные отношения имеют моральный аспект. Нет и философских, научных, религиозных, художественных видов отношений. Есть художественно-духовное освоение мира, философское, научное, религиозное, но вряд ли можно говорить о моральном, политическом, правовом «освоении» мира. Вероятно существование общественного сознания в нескольких совершенно определенных формах обусловлено не теми моментами, которые указываются автором. Деление общественного сознания на формы А. К. Уледов считает гносеологическим планом рассмотрения структуры его. Социологическим же планом является деление общественного сознания на его различные стороны, к которым автор относит идеологию, общественную психологию и науку. Критерием такого деления автор считает социальную функцию, выполняемую той или иной стороной. Познавательную функцию выполняет наука, идеологическую — идеология, но автор не указывает, какую же социальную функцию выполняет общественная психология. Когда он пишет, что «идеологическая функция осуществляется не только всеми формами идеологии, но и общественной психологией», остается неясным, что автор под этим подразумевает. Познавательную функцию может выполнять не только наука, но и, например, философия. Идеологическую функцию в каждый конкретный момент могут выполнять различные учения, идеи и т. д., не имеющие специфически идеоло-

⁹ См. «Вопросы философии», 1965, № 11, стр. 135.

¹⁰ Г. М. Гак, Учение об общественном сознании в свете теории познания, стр. 182—188.

¹¹ А. К. Уледов, О структуре общественного сознания, «Философские науки», 1965, № 3.

¹² Там же, стр. 55.

гического значения, на чем дальше мы еще остановимся. А. К. Уледов совершенно справедливо, на наш взгляд, считает идеологию одним из видов теоретического сознания, к числу которых относит также и науку. Но тогда остается непонятным, почему структурным элементом общественного сознания автор признает не само теоретическое сознание, а элементы последнего, т. е. идеологию и науку. К тому же в теоретическое сознание включается не только идеология и наука, но и ненаучное теоретическое сознание, которое логично было бы тоже выделить как самостоятельный структурный элемент.

Многие авторы структурными элементами общественного сознания называют теоретическое сознание и обыденное, которое нередко отождествляется с общественной психологией или в которое общественная психология включается. В. Ж. Келле, кроме форм общественного сознания, выделяет различные уровни его, относя к ним теоретическое и обыденное сознание.¹³ Иногда автор теоретическое сознание называет научным (или научно-теоретическим),¹⁴ а различие идеологии и общественной психологии считает «частным случаем и своеобразным аспектом» подразделения сознания на теоретическое и обыденное.¹⁵ Таким образом, в структуру общественного сознания входят: обыденное сознание, включающее в себя общественную психологию¹⁶ и теоретическое сознание, включающее в себя идеологию и научные знания.¹⁷ А как же тогда быть с ненаучным теоретическим сознанием, идеализм ведь не назовешь обыденным сознанием. Может быть и сам термин «знания» недостаточно точен в данном случае? Знания могут быть получены и на эмпирическом уровне, а научные гипотезы на теоретическом уровне, строго говоря, нельзя назвать «знаниями». А. К. Уледов правильно, на наш взгляд, выступает против отождествления или включения общественной психологии в обыденное сознание, считая это «неправомерным», хотя в гносеологическом плане также признает подразделение общественного сознания на теоретическое и обыденное.

Если признать только теоретико-систематизированное и «обыденное сознание», то как же тогда рассматривать такие явления духовной жизни общества, как, например, искусство: произведения Л. Толстого, У Шекспира — это же не обыденное сознание, но и не теоретико-систематизированное. Значит еще должен быть выделен в структуре общественного сознания какой-то элемент, категория, отражающая эти явления. Ведь ти-

---

¹³ В. Ж. Келле, Структура общественного сознания, М., 1964, стр. 14.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 17.

¹⁶ Там же, стр. 46—47.

¹⁷ Там же, стр. 27.

пизация в искусстве — это не только «схватывание» и отражение «явления», но и «сути их». Не помогает здесь и «практическое сознание» — элемент, выделяемый в структуре общественного сознания А. Барановым.¹⁸

Формы общественного сознания, их внутреннее строение, могут быть рассмотрены в различных аспектах. Во-первых, как отражение тех или иных сторон бытия: какие стороны и уровни отражаются. Во-вторых, как формы деятельности, с точки зрения применяемых средств, методов. Люди, развивая свое материальное производство и общение, изменяют и свое «мышление и продукты мышления».¹⁹ В каждой форме общественного сознания можно выделить собственно сознание и продукты сознания, мышления, или «результат сознания» — по выражению В. И. Ленина.²⁰ В последнее время в нашей философской литературе (и в программе по философии для вузов) почему-то стали употреблять термин «политическое сознание» и даже «политическая идеология как форма общественного сознания», а не «политика»; «правосознание», а не «право», но «религия», а не «религиозное сознание», «мораль», а не «моральное сознание» и т. д., хотя логичнее было бы употреблять терминологию однопорядковую, т. е. либо формами общественного сознания называть только «политическое, правовое, моральное сознание»,²¹ научное, философское, художественное, религиозное и выделять формы определенных видов общественной деятельности: от материальной деятельности, пишут К. Маркс и Ф. Энгельс, «зависит всякая иная деятельность: умственная, политическая, религиозная и т. д.»,²² художественная, нравственная, философская, и, наконец, продукты сознания и деятельности. «Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления». К. Маркс и Ф. Энгельс выделяют «формы и продукты сознания».²³ Либо под формами общественного сознания понимать мораль, искусство, право, политику, философию, науку и религию, которые включают в себя собственно сознание, соответствующую общественную деятельность и продукты сознания и деятельности. «Если какая-нибудь эпоха воображает, что она определяется чисто «политическими» или «религиозными» мотивами — хотя «религия» и «политика» суть только формы ее действительных мотивов, —

---

¹⁸ А. Баранов, О структуре общественного сознания, Автореферат, Казань, 1961.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 25.

²⁰ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 167.

²¹ «Вопросы философии», 1965, № 10, стр. 82.

²² «Вопросы философии», 1965, № 11, стр. 128, или К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. 3, стр. 71.

²³ «Вопросы философии», 1965, № 10, стр. 100.

то ее историк усваивает себе это мнение».²⁴ Процесс живого общественного сознания и выражение его в определенных его продуктах — произведениях литературы, искусства, традициях, политике, праве, нормах нравственности, обычаях, религиозных обрядах и культах, достижениях науки и т. д., и представляют в совокупности то, что называется политикой, правом, моралью, искусством, философией, наукой, религией. В-третьих, — как структурные элементы общества в целом, с точки зрения их роли в регуляции общественных процессов. Этот аспект отражает также генезис форм общественного сознания, дает объяснение их взаимоотношению.

К основным элементам общественного сознания, взаимосвязи которых составляют его структуру, относятся: политика, право, мораль, искусство, наука, религия, мифология, философия, а также общественная психология, идеология, общественное мнение. Каждый из них обладает в свою очередь своей сложной структурой, множеством составляющих ее разнокачественных элементов. Так, право, понимаемое в широком значении, включает в себя собственно право в узком смысле этого слова — совокупность устанавливаемых или санкционируемых государством норм, соблюдение которых обеспечивается авторитетом государственной власти, а также правосознание — совокупность идей, взглядов, выражающих общее отношение людей к праву, законности, правосудию. Собственно право, в свою очередь, подразделяется на гражданское, государственное, международное, уголовное и т. д.. Философия распадается на учение о наиболее общих закономерностях мира, теорию познания, общее учение о человеке, об обществе, методологию научного познания, историю философии; этику, эстетику, аксиологию и т. д. При этом от содержания философских учений обычно зависит в той или иной мере и деление философии. Философия как форма общественного сознания включает в себя также мироощущение и т. д.

В формах общественного сознания можно также различать, как уже отмечалось, во-первых, сам процесс духовного производства: творчество, борьбу мнений, развитие и применение теории, воздействие политического, религиозного и т. д. учения на сознание людей, и, во-вторых, продукт уже заверщенного процесса духовного производства: литературное произведение, запечатленное в книге, картины, сформировавшиеся и ставшие достоянием общества, научные и философские теории и т. д.

В отличие от распространенного в природе отношения между структурами различных уровней, где развитие структур высшего порядка происходит обычно без изменения (или почти без изменения) субструктуры составляющих их элементов, в общественной жизни вообще, в общественном сознании в особенности, из-

---

²⁴ «Вопросы философии», 1965, № 10, стр. 103.

менения структур высшего уровня, как правило, связано с глубокими преобразованиями внутренних структур их элементов. Так, например, характерное для феодального сознания доминирование религии определило и особую структуру искусства, философии, морали, общественной психологии и т. д. Развитие современного общества привело к превращению технических, естественных и части гуманитарных наук в непосредственную производительную силу, к распаду философии в буржуазном общественном сознании и к глубокой ее перестройке (например, изменение взаимоотношения гносеологии, онтологии и методологии, исключение натурфилософии, особая роль общей социологической теории и т. д.)

Основные элементы общественного сознания группируются в некоторые более общие единицы: «формы общественного сознания», теоретическое и нетеоретическое сознание, идеология, общественная психология. Если деление на перечисленные выше основные элементы общественного сознания не может быть строгим в силу относительности границ между ними и частичного вхождения одних элементов в другие, то ряд последних общих единиц вообще не представляет собою «деления», поскольку эти единицы перекрещиваются и накладываются друг на друга. В то же время соответствующие им понятия выражают реальные существенные особенности и функции различных составных частей общественного сознания, в силу чего их выделение при рассмотрении структуры последнего является совершенно необходимым.

Отражение общественного бытия в общественном сознании может происходить на разных уровнях и различных ступенях. «Индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» — это те предпосылки человеческой истории, которые «можно установить чисто эмпирическим путем».²⁵ На этой ступени бытие может отражаться и на эмоциональном уровне; и на рациональном (несистематизированно-рациональное, рациональное низшего порядка). «Сознание, конечно, есть вначале осознание б л и ж а й ш е й чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида».²⁶ Чувственно-конкретное или эмоциональное сознание, отражение — область эмоций, чувств, настроений, потребностей и интересов, переживаемых обществом, группой, личностью. Это непосредственное, стихийное (социологический план) отражение и вместе с тем отношение. «Переживание отношение человека к окружающему составляет сферу чувств и

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 18.

²⁶ Там же, стр. 29.

эмоций. Чувство человека — это отношение его к миру, к тому, что он испытывает и делает в форме непосредственного переживания». ²⁷ Потребности и интересы переживаются и осознаются на этой ступени общественного сознания. Так, чувство патриотизма, как и другие гражданские чувства (стихийно возникающие и сознательно воспитываемые — социологический аспект), связано с рациональным отражением и отношением. Представления, которые создают себе индивиды, «суть представления либо о их отношении к природе» (могут быть элементы научных знаний, эстетическое отношение), «бессознательно художественная» переработка природы (бессознательное в социологическом, а не гносеологическом плане, бессознательное — равное неосознаваемому), «либо о их отношениях между собой» (моральные, правовые, политические взгляды, отражение национальных взаимоотношений и т. д.), «либо о том, что такое они сами». «Ясно, что во всех этих случаях эти представления являются сознательным выражением — действительным или иллюзорным — их действительных отношений и деятельности, их производства, их общения, их общественной и политической организации». ²⁸ Таким образом одна из сторон общественной психологии (эмоциональное и несистематизированно-интеллектуальное отражение) может рассматриваться как элемент структуры общественного сознания. Этот элемент входит во многие формы общественного сознания, играя различную роль в зависимости от их специфики. Особого рода отражением общественного бытия в общественном сознании является теоретическое сознание, включающее в свою очередь эмоциональный и рациональный уровни, систематизированно-рациональный уровень: научные и ненаучные теории, учения, религиозные, этические, эстетические, философские, правовые, политические. На теоретической ступени отражения существует рациональный уровень более высокого порядка, содержащий доказательства, системы, раскрытие сущности процессов, природы самого сознания и т. д. Имеется также и эмоциональный уровень более высокого порядка: проявление национального характера, психического склада класса, нации, традиций и т. д. — другой стороны общественной психологии, более устойчивой. Пронизанное классовым интересом и образующее определенную систему идей и взглядов класса, теоретическое сознание принимает вид идеологии. Общественная психология в классовом обществе носит классовый характер. Теоретическое сознание не просто совокупность взглядов, идей, мыслей, представлений и т. д., как на низшей, эмпирической ступени отражения, а систематизированная совокупность их, выражающая в правильном или искаженном виде сущность вещей, их закономерности.

²⁷ С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, М., 1946, стр. 458.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 24.

Отношения между людьми всегда имеют моральный аспект или оттенок. Отражение этого аспекта общественных отношений в сознании общества на эмпирической ступени — область нравственных чувств, представлений, связанных с непосредственным отражением этих отношений, выражение отношения к существующим в обществе нормам морали, обычаям, традициям и т. д. Затем — обычаи, традиции, нормы морали в качестве продукта, выработанного обществом, классом, социальной группой и передающегося от поколения к поколению по свойственным данным общественным явлениям законам. (И в первобытном обществе, где теоретическая ступень отражения отсутствует, имеется эмоциональный и рациональный уровень эмпирической ступени отражения). На основе этого отражения возникают различного рода теории морали, учения и т. д., включающиеся в свою очередь в общественные науки, и, наконец, наука о морали — этика, входящая составной частью в философию, как особую форму общественного сознания.

То же относится и к художественной форме сознания. Эстетическое отношение людей к окружающему их миру, природе в том числе. Отражение этого отношения в сознании — область эстетических чувств, представлений, вкусов, идеалов. Затем отражение этого отражения в различных видах искусства в целом, как продукт творчества, обобщения, типизации и т. д. Далее находится теоретическая ступень отражения — теории искусства, история литературы, искусства и т. д., входящие в общественные науки, и эстетика как компонент философии.

В сфере религиозной формы сознания отражение на эмпирической ступени — область религиозных чувств, настроений, связанных с ними представлений, мыслей, суждений, отражение отношения к инаковерующим и т. д. Религиозный культ, выработка определенных обрядов, передача их путем традиций, обычаев составляют другой слой в структуре этой формы. Теоретическая ступень отражения здесь — религиозные учения и идеология, теология. И, наконец, включающееся в число общественных наук — религиоведение, история религиозных учений и т. д.

Политическое сознание. Политические отношения, отношения между классами, нациями, социальными группами, чувства и представления, мысли, связанные с этими отношениями, с отношением к политике господствующего класса, к своей собственной (если речь идет о господствующем классе) Далее — соответствующая общественная деятельность государственной власти, руководящейся политической идеологией. Затем — политические теории, учения, история политических учений, включающиеся в общественные науки. Таким же образом обстоит дело и с правосознанием и правом, которые тесно связаны с политическим сознанием и политикой в целом.

Философская форма сознания. Отношение людей к окружающему их миру (и природному, и общественному), к своему положению в этом мире, общее представление об обществе, о смысле жизни, о счастье и т. п. выражается на эмпирической ступени в форме мировоззрения, в которое включаются все элементы знаний, имеющихся в распоряжении людей, и моральных, и эстетических, и религиозных, и политических, и научных. Мировоззрение тесно связано с эмоциональным отношением — мироощущением — чувством страха, неуверенности и других, сопровождающих эти представления. Затем — система взглядов, идей, т. е. философия в собственном смысле слова, история философии. Тоже относится и к научной форме сознания.

В области философии психический склад класса, нации может в той или иной мере проявиться в форме выделения на первый план тех или иных проблем, в манере изложения. Например, различие между английским и французским материализмом отвечает в какой-то степени, по мнению К. Маркса, различию между национальным характером англичан и французов.²⁹ Современный американский прагматизм как особенная форма субъективного идеализма, отвечает психологии энергичного монополиста.³⁰ Чем в больший упадок приходит класс, тем, как общее правило, непосредственнее становится зависимость философии от его психологии, настроений. Буржуазные философы иногда сами, по существу, признают это: «экзистенциальная философия выражает общее чувство времени: чувство упадка, бессмысленности и безысходности всего происходящего. Она поставила бытие под знак безнадежности, тревоги, страха, отчаяния»³¹

Общественное сознание, как уже отмечалось, имеет различные аспекты, основными из которых являются стороны, которые мы условно обозначим в качестве гносеологической и функциональной.³² К первой стороне относится прежде всего познавательное отражение самой общественной жизни, знание о тех или других сторонах ее и условиях, осознание и понимание определенных общественных задач и потребностей.

Различие между элементами общественного сознания, его формами в особенности, заключается в этой связи в известной мере в том, какие стороны действительности отражаются в этих формах. Здесь может быть довольно четко проведено различие, например, между правосознанием, моралью, философией. Этого

---

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 144.

³⁰ И. Лингарт, Американский прагматизм, М., 1952, стр. 4.

³¹ А. Хюбшер, Мыслители нашего времени, М., 1952, стр. 44.

³² Различение гносеологического и социологического аспектов общественного сознания проводится А. К. Уледовым, см. указанную выше работу, и В. Ж. Келле, см. указанную выше работу.

мы не можем, однако, сказать об отношении между искусством, некоторыми общественными науками, философией. Последние могут отражать один и тот же предмет действительности, различаясь по средствам, способам и формам отражения, которые являются для них специфическими.

По отдаленности от материальной, экономической жизни общества в познавательном отношении, по абстрактности отражения и степени непосредственности выражения общественной потребности формы общественного сознания располагаются в определенной последовательности, образуя многоярусную структуру. «Наиболее близким к действительности» К. Маркс и Ф. Энгельс считали политическое сознание.³³ В качестве следующего слоя они указывали на правовое сознание.³⁴ Следующие области — религия, философия «еще выше парят в воздухе».³⁵ Опираясь на эти высказывания основоположников марксизма, Г. В. Плеханов различал идеологию «первого, так сказать, низшего порядка», к которой он относил имущественное право, и идеологию «высшего порядка» (наука, философия, искусство и т. д.)³⁶ «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая».³⁷ Таким образом последовательность форм общественного сознания: политическое сознание, правовое сознание, мораль, религия, общественная наука, философия, надстраивающихся над материальной жизнью общества и пронизывающей последнюю общественной психологией, представляет собой структуру общественного сознания как отражения.

Указанная структура выражает также основные познавательные-отражательные взаимоотношения между самими элементами общественного сознания. Главный путь отражения действительности в искусстве проходит необходимо через призму общественной психологии, нравственного и правового сознания, а также — политических принципов, поскольку они приняли форму правовых и нравственных требований художника. Отражение ее в философии происходит в основном опосредствованно, путем синтеза и обобщения отражений бытия в сфере науки, политики, права, морали, искусства, религии. Необходимо повторить, что мы имеем здесь в виду лишь основные отношения. Они дополняются сложнейшими отношениями взаимоотражения, обратного

---

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 38; т. 37, стр. 416—417.

³⁴ Там же, т. 37, стр. 417—418.

³⁵ Там же, стр. 419.

³⁶ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, М., 1949, стр. 183.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 39, стр. 176.

отражения (например, отражения философских идей в политике, искусстве).

По той роли, которую играет в них собственно познавательный процесс, формы общественного сознания разделяются на две группы. Одну из них составляют наука и философия. В этих формах познавательная деятельность составляет их содержание. В политической, правовой, религиозной формах сознания и искусстве собственно познавательный момент играет хотя и немаловажную, но все же подчиненную роль. Поскольку сфера политических отношений, задач и идей становится областью специального теоретического исследования, происходит переход к общественной науке или философии. То же имеет силу и в отношении других форм, относящихся к этой группе. Теоретическое исследование их относится к области общественной науки или к области философии в зависимости от угла зрения, под которым оно осуществляется, и применяемых познавательных средств (в этом, например, заключается различие между эстетикой как философской дисциплиной и искусствоведением, историей искусства и т. д.). В пределах самих форм сознания отражение может происходить на различных уровнях, с различной глубиной, а также иметь теоретическое самовыражение (например, теория уголовного права в пределах правовой формы сознания; теория музыки, стихосложения и т. д. в пределах искусства; теология или богословие в пределах религии; история философии — в пределах философии) В области науки имеет место развитое различие между эмпирическим и теоретическим уровнями. Подчеркнем еще раз тонкость имеющих здесь место подразделений, их относительность, существование многих переходных форм. Объединение форм сознания в указанные группы отнюдь не означает их отождествления. Между тем справедливо подчеркивание общности, существующей между наукой и философией, научной философией марксизма в особенности, приводит у нас иногда к забвению того, что здесь мы имеем дело все же с разными формами общественного сознания, занимающими особые места в структуре общественного сознания. Отсюда проистекает, в частности, как тенденция к позитивистским извращениям, так и тяготение к натурфилософии. Это же ведет к фактическому отрыву философии от политики, к отрицанию значения в ней проблемы человека и других ее исторических проблем.

Рассмотрение общественного сознания осуществляется нами при отвлечении от того, как эти элементы реализуются в психике членов общества. Так, например, исключительно важным является изучить пути и особенности принятия марксистской идеологии в психике различных групп населения, превращения ее в убеждение, взаимодействие ее с привычками, художественными вкусами, научным знанием и т. д. Отношения реализации форм общественного сознания, изучаемые социальной психоло-

гней и педагогикой, нельзя смешивать с рассматриваемыми нами взаимосвязями его элементов, вытекающими из их гносеологической, социальной и исторической сущности. Такое смешение имеет, однако, место, как нам кажется, при определенном понимании так называемого «обыденного сознания».

Включая «обыденное сознание» в структуру общественного сознания, как его особый элемент или форму, в него иногда в свою очередь включают общественную психологию.³⁸ Общественное сознание делится таким образом на обыденное и теоретическое, а общественная психология включается в обыденное сознание. Возможно, имеет смысл выделять «обыденное сознание» и противопоставлять его тому, что логично было бы обозначить термином «не-обыденное сознание». Но включать его в структуру общественного сознания в противопоставлении теоретически-систематизированному нам не представляется правильным. Нам кажется также ошибочным смешение вопроса соотношения теоретически-систематизированного сознания с «обыденным сознанием» в структуре общественного сознания вообще с вопросом возникновения научной революционной теории и внесения ее в сознание класса. Ссылаясь на бесспорное положение о выработке научной идеологии отдельными обладающими специальной подготовкой теоретиками, некоторые авторы по существу проводят идею о том, что «обыденное сознание» есть сознание масс, а теоретически-систематизированное сознание есть достояние выдающихся личностей, руководителей, идеологов, теоретиков и т. д. Структура общественного сознания представляется указанными авторами, как состоящая из элементов, соответствующих делению общества на «массу», которой присуще «обыденное сознание», и «идеологов, теоретиков, ученых», «всех тех, кто имеет соответствующую подготовку и возможности»,³⁹ и которые являются носителями «научно-теоретического мышления». Возникает вопрос, не имеется ли в таком понимании «обыденного сознания» отголоска модных теорий «элиты», «интеллектуальной аристократии»,⁴⁰ противоречащих всему духу не

³⁸ См.: Ю. М. Серов, Общественное и индивидуальное сознание, М., 1964; В. А. Ядов, Идеология как форма духовной деятельности общества, Л., 1961; В. Келле, М. Ковальзон, Формы общественного сознания, М., 1959. Указанная точка зрения нами была критически рассмотрена в заметке «Общественная психология и «обыденное сознание», Ученые записки Тартуского государственного университета, Труды по философии, X, Тарту, 1966.

³⁹ В. Келле, М. Ковальзон, Формы общественного сознания, стр. 23; Ю. М. Серов, Общественное и индивидуальное сознание, стр. 14—15.

⁴⁰ Ярко выразил сущность теории «интеллектуальной элиты» еще Густав Лебон: «В настоящее время цивилизованный народ, с интеллектуальной точки зрения, можно рассматривать, как своего рода пирамиду со ступенями, основание которой заполнено темными массами населения, средние ступени — образованными слоями и высшие ступени, т. е. вершина пирамиды, — все меньшим отбором ученых, изобретателей, артистов, писателей, очень ничтож-

только марксизма, но и всей демократической идеологии вообще? Массой, писал В. И. Ленин, «высокомерно и пренебрежительно» называют буржуазные интеллигенты рабочих и крестьян, «простонародье».⁴¹ Буржуазная газета «Economist» (29 ноября 1851 год), писал К. Маркс, «кричит, что «невежественные, невоспитанные, тупые пролетарские массы» совершили предательство по отношению к «дарованиям, знаниям, дисциплине, духовному влиянию, умственным ресурсам и моральному авторитету средних и высших слоев общества». Тупой, невежественной и подлой массой была именно сама буржуазная масса»⁴²

Отмеченное положение из сферы развития политических взглядов и учений переносится, например, на область искусства. Народное творчество в связи с этим относится к «обыденному сознанию»,⁴³ следовательно, творчество выдающегося писателя придется отнести к сфере «теоретически-систематизированного» сознания.

При употреблении термина «обыденное сознание» делаются ссылки прежде всего на работу Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» и на некоторые места из произведений К. Маркса.⁴⁴ Но выражение «обыденное сознание» применяется классиками марксизма весьма нестрого и совсем не как научная категория. Ф. Энгельс отличает «диалектическое понимание природы», центральным пунктом которого является признание относительного значения противоположностей и различий, и воображаемую неподвижность и абсолютное значение, привнесенные «в природу только нашей рефлексией», «искусство оперировать понятиями не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием, а требует действительного мышления, которое тоже имеет за собой долгую эмпирическую историю, столь же длительную, как и история эмпирического исследования природы»⁴⁵, и что «освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания, покинувшего ту область, где достаточны были неподвижные категории, представляющие собою как бы низшую математику логики,

---

ной группой в сравнении с остальной частью населения, но которая одна определяет уровень страны на шкале цивилизации. Достаточно бы было им исчезнуть, чтобы видеть, как одновременно исчезло и все то, что составляет величие нации». Густав Лебон, Психология народов и масс, СПб., 1896, стр. 36.

⁴¹ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 198.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 194.

⁴³ См.: В. Келле, М. Ковальзон, Формы общественного сознания, стр. 24.

⁴⁴ См.: В. А. Ядов, указанная работа, стр. 24; В. Келле, М. Ковальзон, указанная работа, стр. 23; Ю. М. Серов, указанная работа, стр. 10.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 14.

ее применение в условиях домашнего обихода».⁴⁶ К. Маркс употребляет выражение «обыденное воззрение»⁴⁷ в значении познания, останавливающегося на поверхности экономических процессов и не проникающего в их сущность, ограничивающегося сферой видимости. Формы проявления экономических процессов «непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления», скрытая же за формой проявления основа может быть раскрыта лишь научным исследованием».⁴⁸

В применении классиками марксизма при рассмотрении логических и гносеологических, но отнюдь не социологических вопросов, выражение «обыденное сознание» соответствует метафизическому мышлению (в том числе и в области науки); не связанному с теоретическим исследованием и сознательным применением категорий мышления. Если в гносеологическом плане в индивидуальном сознании можно выделить уровень обыденного и научного сознания, то делать вывод о существовании двух типов индивидов (не говоря уже о двух типах общественных групп) с обыденным и научным сознанием совершенно неверно. У каждого индивида оба уровня взаимосвязаны, находясь лишь в различном соотношении.

Конечно, по своему происхождению, по своей сущности, средствам сознание человека во всех его аспектах является общественным. Но когда мы говорим в социологии об общественном сознании, имеются в виду моменты общественно-значимые, общие для социальных групп, отражающие определенные социальные процессы. В реальной действительности они представляют собою лишь моменты сознания живых людей, вплетенные в гораздо более многообразный мир их духовной жизни, в которой отражаются неповторимые, особенные, индивидуальные условия. Социология абстрагируется от этой бесконечной сложности, используя категории «формы общественного сознания», «идеология», «общественная психология».

Если необходимость выделения «обыденного сознания» в структуре общественного сознания является, как мы видели, весьма спорной вообще, то нам представляется совершенно несомненной неправомочность включения в «обыденное сознание» общественной психологии или их отождествления друг с другом. Такие элементы общественной психологии, как социальные чувства, настроения могут входить в то, что хотят охватить понятием «обыденное сознание», другие же ее элементы, такие, как социальный характер, образ мышления, интересы и т. д. проявляются и в «не-обыденном сознании». Традиции, обычаи являются к тому же часто в высокой мере «систематизированными».

---

⁴⁶ Там же, стр. 520, 21.

⁴⁷ Там же, т. 23, стр. 131.

⁴⁸ Там же, стр. 552.

Различие, которое существует между системами идей, образов и чувств, с одной стороны, и тем, как они реально воспринимаются, переживаются в психике человека в процессе его повседневной деятельности, с другой, нельзя смешивать с различиями между самими этими системами, их различными формами и уровнями.

Сознание в его марксистском понимании не сводится к познавательному отражению действительности, к знанию. Сознание включает в себя в частности также волевой компонент, проявляющийся в стремлениях, в активной деятельности, преобразовании действительности. Поэтому сведение форм сознания только к пассивному отражению тех или иных сторон действительности не может считаться правильным, а их соответствующее расположение нельзя абсолютизировать. Действенность политических принципов, тактических и организационных, сила влияния моральных норм не может быть полностью описана как только та или иная степень адекватности отражения. Не может быть сведено к пассивному отражению действительности и искусство. К. Маркс понимал искусство как особый вид творческой деятельности человека, перерабатывающей природу, формирующей материю по законам красоты. Вопрос природы искусства как формы деятельности обсуждается в настоящее время в марксистской литературе. Роже Гароди, исходя из отождествления сознания с отражением, понимаемым им в смысле пассивного отображения действительности, считает, что искусство — шире, чем форма сознания. Традиционное понятие «формы общественного сознания» требует уточнения, расширительного понимания его.⁴⁹ Напомним также, что и философия является не просто наукой о наиболее общих законах действительности, но и одновременно методологией революционного преобразования действительности, исторической инициативы. Взаимоотношение форм сознания, отвечающее их пониманию как видов деятельности не может полностью совпадать с их взаимоотношением по степени абстрактности отражения действительности. Так, в общественном сознании рабочего класса и социалистического общества его философия стоит в качестве руководства к действию ближе к непосредственной материальной производственной и политической деятельности, чем, например, искусство, сливаясь в этой своей роли с политическим сознанием.

При рассмотрении структуры общественного сознания необходимо иметь также в виду вторую, функциональную сторону последнего. Под ней мы понимаем ту необходимую роль, которую те или иные составляющие общественного сознания играют в поддержании существования, функционировании и развитии

---

⁴⁹ R. Garaudy: E. Fischer et le débat sur l'esthétique marxiste. — «Les lettres françaises», N 1.039 23—29 juillet 1964.

общественных систем. Они, в особенности некоторые из них (элементы общественной психологии, мораль, искусство, религия), имеют огромное значение и для психической деятельности личности. В этом их психологическая функция. В жизни общества как системы она служит условием осуществления данным явлением общественного сознания его определенной социальной функции, закрепленной историческим развитием и организацией общества на данном этапе. Учет психологической функции как важного условия осуществления социальной роли необходим для понимания последней. Так, например, невозможно правильно понять социальную роль религии, не учитывая особенностей механизмов действия последней на чувства, волю, мысль религиозного человека. Следует подчеркнуть, что марксизм требует при рассмотрении вопросов развития и структуры общественного сознания, вопреки мнению некоторых исследователей, увлекающихся современными методами структурного анализа, глубокого учета особенностей внутреннего мира человеческой личности. При рассмотрении общественного сознания под функциональным углом зрения становится особенно очевидной огромная разница между техническими, естественными и некоторыми другими науками (часть психологии, лингвистики, конкретные экономические дисциплины), с одной стороны, и теоретическими общественными науками, с другой стороны, существующая в современном обществе. В то же время в собственно познавательном отношении между ними различия такого порядка не существует.

К различию, функциональному по своей природе, относится различие между идеологией и неидеологическими компонентами общественного сознания. Мы не будем сейчас останавливаться на всех значениях термина «идеология», которые придавались ему в истории марксизма.⁵⁰ В современной марксистской литературе понятие «идеология» связывается, как правило, с выражением интересов определенных классов. Под «идеологией» мы понимаем систему идей и взглядов определенного класса или социальной группы, отражающих общественную жизнь сквозь призму классовых интересов и представляющих концентрированное выражение этих интересов в различных формах общественного сознания. Расширительное же применение термина «идеология» в значении концептуальной составляющей общественного сознания или его теоретической части вообще приводит к ненужному удвоению обозначений и к преуменьшению роли классовых интересов в духовной жизни. В основе этого, как нам кажется, не оправдывающего себя применения, лежит одностороннее рассмотрение общественного сознания, его струк-

---

⁵⁰ См.: В. Я. Ядов, Идеология как форма духовной деятельности общества.

туры только в познавательном плане. Конечно, в самой действительности познавательный и функциональный аспекты взаимосвязаны и переходят друг в друга. Сущность идеологии в современном развитом обществе действительно не может не составлять теоретическое выражение классовых интересов. Однако в реальной действительности столкновение классовых интересов в сфере общественного сознания происходит не только вокруг теоретического понимания основных проблем взаимоотношения классов и социальных групп и их организаций. В идеологической борьбе могут приобретать первостепенное значение и те или иные элементы форм общественного сознания, которые в гносеологическом смысле никаких отношений в общественном бытии теоретически не отражают. Так, например, учение чашников во время гуситских войн о причащении всех верующих хлебом и вином нельзя, очевидно, назвать «теоретическим выражением» классового самосознания средних слоев городского населения, идеологией которых являлось данное учение. Не будучи «теоретическим выражением» классовых интересов, оно в то же время их непосредственно задевало, поскольку требовало причащения вином также и мирян, а не только духовенства, что было направлено на ликвидацию господства католической церкви, а тем самым и немецких феодалов в Чехии. Резкое отрицание в сознании советской молодежи 20-х годов некоторых безобидных самих по себе явлений западно-европейской буржуазной культуры, таких например, как некоторые танцы; музыкальные стили и т. п., имело в тех условиях ожесточенной борьбы против буржуазного сознания за самоутверждение рождающегося нового общества идеологический характер. Джазовая музыка могла в определенных условиях, в определенных системных связях служить символическим выражением буржуазных и мелкобуржуазных чувств, настроений и идей. Идеологическое значение могут приобретать также многие положения и выводы науки, отражающие далекое прошлое. Вспомним, например, о том, остром значении, которое приобрел в период борьбы за укрепление русской государственности в XVIII веке вопрос происхождения Древнерусского государства. «Норманская» теория, относившаяся к событиям IX века, фактически означала отрицание способности русского народа к самостоятельному историческому развитию вообще. С изменением исторических условий, в новой системе идеологических отношений, эти же элементы могут утратить данное свое значение, выйти из круга проблем собственно идеологии. Это относится, вероятно, даже и к некоторым моментам философии и общественной науки. Так, например, развивающаяся в настоящее время теория и логика научного знания выделяется из нашей философской идеологии в особую дисциплину, идеологическим характером не обладающую. То же, вероятно, справедливо и по отношению к некото-

рым разделам конкретной экономической науки, конкретной социологии, психологии. Таким образом, те или иные явления и виды общественного сознания приобретают идеологический характер в историческом контексте классовых взаимоотношений, политической борьбы. Идеология, ядро которой всегда составляет прямое обобщенное выражение классовых интересов, охватывает также множество других моментов в общественном сознании и ее поле за их счет то сокращается, то расширяется. Здесь мы имеем дело с в высшей мере подвижной, динамической структурой. Для избежания ошибок как правооппортунистического, так и сектантско-догматического характера необходимо учитывать это постоянное перемещение форм сознания в фокусе идеологии, пульсацию ее поля. Конечно, это требует как глубокого партийного отношения ко всем явлениям общественной жизни, так и высокой степени научной и общей культурной подготовки и информированности.

Термин «духовные или культурные ценности» относится также к определенным моментам функциональной стороны общественного сознания. Ценности играют здесь роль критериев в выработанных обществом механизмах политической, правовой, эстетической, этической, общественной-психологической регуляции поведения человека в сфере надэкономических, «идеологических» отношений. Ценности в этом значении суть регуляторы наиболее высокого порядка духовной жизни общества, его нравственного, художественного, социально-политического, религиозного сознания и соответствующих форм поведения, а также мироощущения и самосознания. В них сливается функция психологического регулирования личности с функцией социального регулирования, вторая осуществляется через посредство первой. Ценности выступают как инварианты в потоках и преобразованиях общественной информации, фиксируют общие принципы поведения, отношения к жизненно важным сторонам действительности, необходимые для сохранения, развития данной социальной системы через упрочение и совершенствование ее духовной культуры. Ценности — результат истории общества. Превращение их во внутренние ориентиры и импульсы личности составляет источник надежности общественной системы, особенность соотношения ее структуры и элементов. Необходимым условием такого функционирования ценностей, которое направлено на упрочение данного общественного строя, является соответствие между ними, согласованность. Эффективность системы ценностей как регуляторов требует ее ступенчатой организации, во главе которой стоят определяющие высшие ценности. Иерархичность структуры ценностей соответствует общим принципам регуляции. Ярким примером использования этого принципа при разработке целостной архитектоники ценностей в прошлом может служить структура их в общественном сознании феодаль-

ного общества. Естественно следует ожидать, что в начавшейся в нашей литературе интенсивной разработке марксистской теории ценностей вообще, систематизации и уточнении ценностей социалистического общества в особенности, указанный момент получит достаточное научное развитие. В то же время иерархическая структура ценностей нашего общества, как общества бурно развивающегося, не исключает возникновения внутри нее отдельных и временных несоответствий и противоречий, не являясь жесткой, застойной системой, в противоположность структуре ценностей средневекового католицизма.

Определенные взаимоотношения, которые существуют в системе общественного сознания между общественной психологией в целом и ее отдельными компонентами в частности, с одной стороны, и идеологией и формами общественного сознания, с другой стороны, образуют также определенную структуру. Она охватывает как отражательную, так и функциональную стороны сознания. Формы общественного сознания могут соответствовать и отражать общественную психологию, надстраиваясь над ней, могут ее включать в себя, представлять ее более высокую организацию и развитие, могут вызывать к жизни особые социально-психические явления, вторичные по отношению к ним или идеологии, играть роль каналов информации на уровне элементов общественной психологии.

Известно, что формы общественного сознания не сводятся к идеологии. Среди тех их элементов, которые не входят непосредственно в поле идеологии, определенное место принадлежит общественной психологии. В нашей литературе отсутствует общепринятый специальный термин, который выражал бы всю эту часть общественного сознания в целом, которая не является общественной психологией. Ее составляет идеология и неидеологические формы общественного сознания или элементы форм общественного сознания, свободные от «примеси» общественной психологии. Иногда ее выражают термином «идеология», употребляя его тем самым в расширенном смысле. Выше мы уже привели доводы против такого использования данного термина. Эту часть общественного сознания можно было бы условно обозначить термином «концептуальная» (хотя мы и не считаем данный термин особенно удачным). Соотношение этой концептуальной компоненты и общественной психологии различно в различных формах общественного сознания. Право, наука и философия — наиболее рационалистические формы общественного сознания, которые почти полностью могут быть отнесены к концептуальной его части. Против этого не может служить возражением указание на то, что право, философия, наука создаются и развиваются в кипении страстей. Мы опять-таки подчеркиваем, что в данном возражении смешиваются различные вещи: право, философия, наука как системы понятий, обра-

зов, представлений с их реальным переживанием в психике личностей и общественных групп. В их внутреннюю структуру вызываемые ими эмоции не входят. Политическая форма сознания, будучи также весьма рационалистической, все же включает в себя непосредственно определенные чувства, страсти. Другую группу форм общественного сознания составляют мораль, искусство, религия. Общественной психологии в них принадлежит существенное место. Они являются не только формами идеологии и концептуального сознания вообще, но и в известном смысле формами организации социальных чувств, настроений и т. д.

Структура общественного сознания, или, как это можно было бы точнее сказать на основании уже проделанного нами рассмотрения, структуры общественного сознания представляя собою весьма устойчивые во многих отношениях образования в потоке изменяющихся взглядов, теорий, идей, образов, представлений, социальных чувств и т. д. Причина этой устойчивости лежит прежде всего в существовании некоторых общих моментов в практической жизни человека во всех формациях, в силе традиции, формирующей духовную деятельность общества в соответствии с законом преемственности, а также — до некоторой степени — и в общих свойствах психики. В силу этого деления на основные формы сознания, ряд взаимоотношений между последними, некоторые их внутренние подразделения и взаимосвязи с общественной психологией сохраняются с времен возникновения цивилизации и нет никаких оснований ожидать их исчезновения или полного изменения в будущем. Однако устойчивость структур относительна. При сохранении некоторых весьма абстрактных моментов происходит изменение структур в целом как при переходе от одной общественно-экономической формации к другой, так и внутри одной формации. В этом — динамический характер данных структур, требующий исторического подхода при их рассмотрении. В ходе исторического развития, во-первых, возникают некоторые новые формы общественного сознания, а некоторые — отмирают. Так, при столкновении науки на ее начальной ступени развития с мифологией в рабовладельческом обществе возникает философия, мифология же, как особая форма общественного сознания, отмирает. С развитием коммунистического общества, с установлением социальной однородности общества постепенно отомрут политика и право, которые заменят науки об управлении и мораль. Тогда же станет невозможным и существование религии. Во-вторых, крупные исторические периоды характеризуются обычно в сфере общественного сознания господством какой-либо одной формы сознания или идеологии. « В различные эпохи, — писал Г. В. Плеханов, — выступают на первый план различные идеологии и различные идеологические отрасли». ⁵¹ Так для периода

⁵¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XVIII, М.—Л., 1925, стр. 233.

расцвета общинно-родового строя характерно господство мифологической формы сознания. В античных Афинах и Риме главную роль играла политика,⁵² в Средние века — религия. Экономика развитого капитализма порождает тенденцию к одностороннему развитию и доминированию в структуре общественного сознания естественных и технических наук, что получает оправдание в буржуазной идеологии сциентизма и позитивизма. В то же время «капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии»⁵³ В структуре социалистического общественного сознания господствующая роль принадлежит идеологии марксизма-ленинизма, представляющей собою синтез философии, науки об обществе и политического сознания. Доминирование этой формы коренным образом отличается от отношений доминирования в структурах общественного сознания на более ранних ступенях общественного развития. Она не подавляет собою других форм, не превращает их в своих служанок, а, наоборот, стимулирует их быстрое самостоятельное развитие. Быстрый прогресс и высокое значение естественных и технических наук сохраняется. Однако оно освобождается от односторонней абсолютизации. В соответствии с тем, что высшей ценностью в структуре духовных ценностей становится человек, создаются условия для расцвета всех элементов общественного сознания, отвечающих его духовным потребностям, общественных наук всех видов, искусства в том числе. Это является одним из проявлений преодоления отчуждения в сфере сознания, гуманизации культуры и науки. В-третьих, происходят изменения в системе основных взаимовлияний элементов общественного сознания. Так, например, философия может в определенных условиях опираться в своих выводах в большей мере на естествознание (например, передовая буржуазная философия XVII века), на искусство и политическое сознание (русские материалисты XIX века).

Общественное сознание каждой эпохи включает в себя также и остатки прежних, передающихся благодаря преемственности в развитии форм сознания, более или менее развитых идей и взглядов, но не чувств и настроений, следующей эпохе, при господствующем сознании, соответствующем общественным отношениям в каждый определенный период времени. Поэтому имеет смысл различать общественное сознание определенной эпохи, строя, его состояние.⁵⁴ Например, общественное сознание капиталистического, буржуазного общества и буржуазное общественное сознание. Первое понятие значительно шире. То же

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 92.

⁵³ Там же, т. 26, часть I, стр. 280.

⁵⁴ А. К. Уледов различное соотношение элементов общественного сознания на разных исторических ступенях развития общества называет «состоянием общественного сознания», См. указанную выше работу.

самое относится и к общественному сознанию социалистического общества и социалистическому общественному сознанию. Поэтому, на наш взгляд, не правы авторы, считающие, что в социалистическом обществе может быть только социалистическое сознание, а то, что соответствует прежней эпохе, относится не к сознанию, а к «духовной жизни общества». «Пережитки прошлой идеологии и морали входят в духовную жизнь социалистического общества, внося в нее антагонизм, но не являются отражением социалистического общественного бытия».⁵⁵ Конечно, «духовная жизнь общества» — понятие более широкое, включающее в себя и общественное сознание, и духовное общение, и духовную деятельность, и продукты этой деятельности, и язык, и продукты духовного творчества, производства предыдущих эпох и т. д., поэтому входящее в духовную жизнь общества общественное сознание этого общества включает в себя все элементы сознания, и соответствующие господствующему в данном обществе общественному бытию, и не соответствующие ему. Можно согласиться и с тем, что социалистическое общественное сознание отражает социалистическое бытие, но общественное бытие любой эпохи, любого периода в развитии общества также включает в себя элементы старого и зародыши нового общества, нового общественного бытия. В общественном бытии как и в общественном сознании отражается вся сложность и противоречивость всех общественных явлений. Поэтому имеет смысл исследовать в каждый период развития общества «состояние общественного сознания», соотношение различных элементов в нем.

Мы рассмотрели в общих чертах системные отношения внутри общественного сознания. Странно было бы надеяться обнаружить в этой сфере какие-либо механические или геометрические отношения, образующие единую структуру, аналогичную анатомическому строению организма. В сфере духовного производства не может существовать структурных связей порядка связей внутри материального производства, экономической жизни. Намечаются разветвляющиеся структурные образования, иерархические взаимоотношения разных порядков, частично входящие и переходящие друг в друга. Мы отметили ряд структур в отражательно-познавательной стороне общественного сознания, в его социально-функциональном аспекте. За пределами нашего рассмотрения остались структуры, относящиеся к распределению духовной деятельности и ее продуктов, к присвоению последних среди членов общества; структуры, определяемые специфическими отношениями духовного и идео-

---

⁵⁵ П. С. Ильянин, К вопросу о соотношении категорий «общественное сознание» и «духовная культура общества», Ленинградский гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской, Тезисы докладов XIII научной конференции, Л., 1966, стр. 31.

логического отчуждения и их преодоление; структуры, относящиеся к организации движения продуктов духовной деятельности в обществе, каналов общественной информации, коммуникации. Большинство из указанных вопросов требует однако более широкого рассмотрения структуры общественного сознания и духовной культуры в целом в их зависимости от структуры общественного бытия, экономической и социальной жизни.

Поступила в редакцию 7 сентября 1968 г.

СУЩНОСТЬ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРАВА И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Я. З. Хайкин

Выяснение вопроса о взаимосвязи права и правового сознания имеет как теоретическое, так и практическое значение. С теоретической точки зрения очень важно наряду с дифференциацией элементов той системы, которую обычно именуют одним термином — надстройкой, видеть интеграцию этих же элементов (но, разумеется, не механическую сумму их) Поэтому появляется необходимость устанавливать не только специфику таких феноменов, как юридическая надстройка, которая, по словам К. Маркса, возвышается над базисом, и правовое сознание, соответствующее этому базису, но и взаимозависимость их. Для практики теоретическая ясность ответа на этот вопрос играет важную роль в силу того, что всякая правовая деятельность оказывается под контролем правового сознания и, следовательно, возникает необходимость в понимании сути их влияния друг на друга.

В нашей научной литературе проблема соотношения права и правового сознания трактуется обычно с двух противоположных позиций: либо право и правовое сознание признаются в качестве образующих единую идеологическую форму,¹ либо они рассматриваются как два различных явления, связанные между собой только отношением.²

---

¹ Наиболее развернуто такая точка зрения представлена в работе В. Келле, М. Ковальзон, *Формы общественного сознания*, Госполитиздат, 1959; См. так же: Э. Х. Степанян, *Об относительной самостоятельности идеологии*, МГУ, 1961, стр. 23; В. А. Ядов, *Идеология как форма духовной деятельности общества*, ЛГУ, 1961, стр. 23; Г. Я. Нестеренко, *Идеология, ее особенности и формы*, «Мысль», 1964, стр. 59. Своеобразна точка зрения Г. М. Гака («Учение об общественном сознании в свете теории познания», М., 1960). Автор рассматривает правосознание как часть права (стр. 110).

² Подробно эта точка зрения представлена в работе И. Е. Фарбера «Правосознание как форма общественного сознания», Юрлит, 1963. Так же этот вопрос излагается в «Философской энциклопедии» — см. «Право» и «Правосознание» (т. 4).

Очевидно для того, чтобы попытаться раскрыть истинное положение вещей и сделать достаточно обоснованные выводы, преодолевающие даже правильные феноменологические утверждения, необходимо прежде всего увидеть гносеологическую и социальную природу права и правосознания. Думается, только такой анализ может позволить установить границы единства и различия этих явлений.

Обычно понятие права раскрывается через его внешние характеристики. Например: «Право — совокупность устанавливаемых или санкционируемых государством общеобязательных правил поведения (норм), соблюдение которых обеспечивается мерами государственного воздействия, включая принуждение».³ Такое формально-логическое определение не может показать гносеологические корни права, хотя его принадлежность к идеологии косвенно указывается (совокупность, точнее нужно было бы сказать, система норм, формируемая государством).

Таким образом, возникает вопрос: что и как отражает право, будучи идеологической формой? В общем виде ответ известен: право отражает соответствующие условия общественного бытия. Но что это за соответствующие условия, лежащие в основании именно права, а не любой другой идеологической формы, пока остается неясным. Думается, ответ на этот вопрос следует искать в соотношении системы права как модели с системой оригинала. В качестве последнего безусловно выступает определенная сторона общественного бытия, то есть объект отражения.

Мы уже ранее пытались раскрыть структуру предмета морального сознания и права.⁴ Здесь только обозначим исходные посылки нашего анализа. Общественное бытие можно рассматривать как сложную динамическую систему, играющую стационарную роль для всех идеологических форм. В этой системе сравнительно легко обнаруживается тот «срез», который включает в себя структуру общественных интересов. Элементами структуры интересов оказываются личные или групповые интересы, принадлежащие структуре интереса определенного социального подразделения (рода, класса, нации и т. п.). В рамках такой социальной общности связь личных (элементных) и общественных (структурных) интересов выступает в качестве внутренней. И хотя между элементным и структурным аспектами системы интересов всегда проявляется противоречие,⁵ оно

³ «Философская энциклопедия», 1967, т. 4, стр. 331.

⁴ См. «Предмет морального сознания», Ученые записки Тартуского университета, вып. 124, Труды по философии, т. VI, 1962; «Взаимодействие норм права и морали при переходе к коммунизму», Ученые записки Тартуского университета, вып. 130, Труды по философии, т. VII, 1963, стр. 5. Различие понятий «объект» и «предмет» в данном изложении не учитывается.

⁵ См.: И. Б. Новик, О моделировании сложных систем, «Мысль», 1965, стр. 93.

разрешается методом саморегуляции (в данном случае — моралью) Но иное положение складывается, когда общественная организация раскалывается на классы. Противоборство классовых (структурных) интересов угрожает целостности всей общественной системы. Для ее сохранения общество ищет определенную эмерджентность и находит ее в государстве. Государство как выразитель структурного интереса экономически господствующего класса стремится не только подавить структурные интересы эксплуатируемых классов, что достигается в процессе его политической деятельности, но и подчинить себе все личные (элементные) интересы, независимо от того, к какой структуре они принадлежат. Вполне понятно, что такое подчинение прежде всего оказывается внешним (принудительным) Но чтобы скрыть эту «внешность» государство провозглашает свой интерес в качестве общеобщественного. Узаконение этого порядка осуществляется в форме права.

Все сказанное позволяет нам попытаться определить право следующим образом: это форма отражения того противоречия между динамическими подсистемами интересов антагонистических классов, стремление к разрешению которого для поддержания целостности всей системы опирается на принудительное подчинение личных и групповых интересов особому интересу государственной власти, выдаваемому за интерес всего общества.

Гносеологическая сущность права, таким образом, определяется тем, что общественное сознание, имея дело с огромным разнообразием системы общественного бытия, и в частности с различными комбинациями общественных интересов, путем ограничения этого разнообразия выделяет тот общественно-потребный объект, на котором вырастает данная системная форма отражения.⁶

Теперь с этих же позиций следует посмотреть на правовое сознание. Для целей нашего анализа наиболее удобно будет обратиться к такому пониманию правового сознания, согласно которому оно функционирует вне системы права как нечто самостоятельное. Например: «Правосознание — совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным, одна из форм общественного сознания».⁷ В данном случае нас не интересует «законность» перечисленных в определении формально-логических признаков правосознания. Важно обратить внимание на один момент — правосознание здесь рассматривается как что-то относящееся к праву.

Но это «что-то» — форма общественного сознания. По всем законам исторического материализма общественное сознание

⁶ Об информационном содержании принципа ограничения разнообразия см.: И. Зема н, Познание и информация, «Прогресс», 1966.

⁷ «Философская энциклопедия», т. 4, стр. 336.

формируется прежде всего как отражение общественного бытия, а уже затем можно говорить об его отношении к другим идеологическим образованиям. Поэтому основание правового сознания следует искать не в праве, а в условиях общественного бытия.

Как мы видели, право само является результатом осознания материальных условий жизни. Фиксирование этого результата осуществляется «путем превращения *общественного сознания в общественную силу* посредством *общих законов*».⁸ Это процесс аналогичный тому, который имеет место и в других сферах общественного сознания (например, в политическом сознании, которое закрепляется в программах, заявлениях и т. п. документах). Разумеется правовая форма, оснащенная силой государства, реализует прежде всего правовую идеологию господствующего класса. Эксплуатируемые классы своего права не имеют. По-видимому, такая особенность права и приводит к рассмотрению его в отрыве от правового сознания, а правового сознания как относящегося к праву.

Но негосподствующие классы также осознают специфические условия общественного бытия и формируют свое правовое сознание, отнюдь не сводя его к отношению к действующему праву. Если какой-нибудь революционный класс ограничивается в своем осознании действительности лишь отношением к праву, то это может свидетельствовать только о неразвитости его теоретического сознания вообще и правового в частности. Поэтому, например, теоретическая незрелость первых революционных шагов пролетариата характеризовалась тем, что «пролетариат вначале перенял от противника юридический способ мышления и в нем искал оружие против буржуазии»⁹. Лишь самостоятельное освоение действительности придает правосознанию революционного класса необходимую теоретическую форму. Рабочий «класс не может в юридической иллюзии буржуазии найти исчерпывающее выражение своих жизненных условий. Он может сам вполне осознать эти свои жизненные условия только в том случае, если будет рассматривать вещи такими, какие они есть в действительности, а не сквозь юридически окрашенные очки».¹⁰ Отсюда следует, что развитое правовое сознание революционных классов предполагает осознание действительных условий своей жизни, а не действующих юридических форм, что правовое сознание этих классов развивается не как простая оппозиция праву господствующего класса, а как стремление к утверждению своего правового сознания также в качестве общественного. «Каждый борющийся класс должен, поэтому, формулировать свои притязания как *требования правового харак-*

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 198.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 497.

¹⁰ Там же, стр. 498.

тера в виде программы».¹¹ Правда, такая самостоятельность и программная системность требований из-за преимуществ господствующей идеологии достигается не сразу, но здесь важно то, что эта тенденция все время дает о себе знать и сила ее прямо сказывается на возможностях правового сознания господствующего класса. В конечном счете эта борьба классовых правовых идеологий определяет характер юридической деятельности государства.¹²

Таким образом, правовое сознание выступает в качестве такой общественной формы, которая отражает то же противоречие внутри сложной динамической общественной системы между подсистемами антагонистических классов, что и право; эта форма выражает необходимость разрешения такого противоречия с позиций данного класса, рассматривающего свой интерес в качестве общеобщественного и стремящегося к реализации его в своем праве.

Идентификация правового сознания и права показывает, что их различие не есть различие сознания и еще чего-то внешнего для него, а есть дифференциация самого правового сознания на его элементы. В этом смысле право как особым образом оформленное правосознание господствующего класса и оснащенное не только возможной, но и действительной принудительной силой этого класса, оказывается специфическим элементом правовой формы общественного сознания. И отношение к нему, таким образом, является «внутренним» делом самого правового сознания.

Структура правового сознания может быть представлена так.

На уровне обыденного правового сознания, которое проявляет себя как эмпирическое отражение условий общественного бытия и знание внешних связей и отношений доступных ему непосредственно, постижение явлений жизни осуществляется сопоставлением отдельных фактов с действующими нормами права. При этом нормы права рассматриваются не с точки зрения их функциональной роли, а с точки зрения результатов их применения. Осознание лишь ближайших связей придает обыденному сознанию характер разрозненных представлений о правовой жизни. Потребность сознания в «правовом языке» из-за его эмпиричности оценок произвольно подменяется «языком закона». Именно здесь, на уровне обыденного сознания наиболее четко обнаруживается сведение правового сознания к отно-

---

¹¹ Там же, стр. 515.

¹² Мы не рассматриваем здесь вопрос о том постоянном формирующем воздействии на право, которое оно вынуждено испытывать как со стороны эксплуатируемых классов, так и тех группировок экономически господствующего класса, которые не имеют непосредственной политической власти. Во всяком случае важно обратить внимание на замечание Ф. Энгельса о том, что резкое, несмягченное, неискаженное выраженное в законах господство одного класса чрезвычайно редко. (См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 418).

шению к действующему праву. Инстинктивная мудрость, как писал Г. В. Плеханов, следует за фактическим положением дел. Поэтому осознание стеснительности какой-либо нормы права требует немного больше мудрости, чем для осознания того, что неудобно носить слишком узкую обувь. И лишь в периоды революционного подъема обыденное правовое сознание проявляет известную возможность формулировать такие требования, которые оказываются не только результатом отношения к закону, но и отражением действительных потребностей общественного развития. Примером этому может служить «Народная хартия» чартистов, которая, по оценке Ф. Энгельса, выражала стремление поставить на место буржуазного закона закон пролетарский. Однако достаточно обоснованные позитивные правовые требования в рамках обыденного сознания по существу невозможны. Таковую задачу берет на себя теоретическое правовое сознание.

Теоретическое правовое сознание выступает в идеологической форме. Здесь правовое сознание постигает внутренние связи, сущность объекта отражения путем рациональной обработки фактических данных. Простейшей логической формой, выражающей необходимость разрешить противоречие в самом объекте, отражение которого позволяет его рассматривать в качестве объекта регулирования, становится норма поведения. Среди последних специальное место занимают нормы, возведенные в закон, то есть нормы права. Все эти нормы образуют как бы низший слой теоретического правового сознания — нормативные правовые взгляды. Над ним формируются нормы более высокого логического порядка — принципы-идеи, наиболее глубоко выражающие правовые взгляды, и в том числе идеи, санкционированные государством — принципы права. Переход к принципам есть по существу переход от собственно правового сознания к научному знанию. Последнее принимает форму системы юридических наук, исследующих различные области правовой жизни.

Единство всех элементов правового сознания особенно четко обнаруживает себя в развитом социалистическом обществе. Сдвиги, которые происходят в общественной структуре в результате социалистических преобразований, устраняют из сферы правового сознания классово-враждебные взгляды, делают связь социалистического права с правовыми взглядами и идеями в рамках социалистического правосознания непосредственной, а отношение к праву трансформируется в соотношение различных элементов сознания под углом зрения взаимодействия теории и практики. Благодаря этому правовое сознание в целом, а не только право, наделяется такой дополнительной общественной силой, которой не могло иметь ни одно предшествующее общество.

До сих пор мы рассматривали право и правовое сознание

как определенные гносеологические явления. Такой подход позволил выяснить специфику структур права, правовых взглядов и идей как однородных форм отражения. Но эти же структуры имеют свои функции, свойства и качества, которые определяются структурами и определяют социальную роль данной формы отражения. Рассмотрение взаимосвязи права и правового сознания в этом аспекте может, по-видимому, выполнить роль известной проверки надежности тех выводов, которые были сделаны выше.

В первую очередь следует обратить внимание на способ реализации права. Функция системы норм права — регулирование общественных отношений. При этом общественным отношениям придается правовая форма, соответствующая предписаниям норм права. Здесь функция норм права как бы «отчуждает» себя от породившей ее структуры и воплощается в иную структуру — правовые отношения. Этот переход свидетельствует как о том, что правовые отношения должны быть причислены к разряду идеологических, так и о том, что право выступает в качестве представителя сферы общественного сознания, ибо только идеологические отношения формируются сознательно и складываются, предварительно проходя через общественные формы осознания материальных условий жизни.

Теперь необходимо установить, какую функциональную роль играют правовые взгляды и идеи, включенные нами вместе с правом в структуру правового сознания. Вопрос может быть поставлен так: если правовые взгляды и идеи однопорядковы с правом, то должны быть такие идеологические отношения, которые выходят за рамки правовых отношений; если таких идеологических отношений нет, то тогда действительно правовое сознание может проявляться только в его отношении к праву как к внешнему для себя и может не обладать регулирующей функцией, направленной на общественные отношения.

Практика правовой жизни свидетельствует о наличии таких регулирующих отношений. Можно сослаться на такие факты. Известно, например, что в период социалистических революционных преобразований в связи с отменой буржуазного законодательства ряд отношений, возникавших в политической, аграрной, жилищной областях, складывались как новые правовые отношения при полном отсутствии соответствующих норм права. Здесь, очевидно, признание тех или иных отношений, имеющих правовое значение, опиралось на достаточно зрелую правовую программу пролетариата, бравшего власть в свои руки. Однако важно обратить внимание на то обстоятельство, что эта программа в то время еще не была выражена в праве, а отношения признавались правовыми. Совсем недавно приводились примеры признания в ряде колхозов новых отношений, возникающих в связи с переходом к денежной оплате трудодней,

в качестве имеющих правовую силу, хотя в то время юридических нормативных актов по этому вопросу не было. Специфические условия формирования правовых отношений возникают в гражданском праве в связи с применением закона по аналогии (ст. 4 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и соответствующие статьи ГК союзных республик). При применении принципа аналогии допускается возможность регулирования имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений, хотя и не предусмотренных законом, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства (то есть в силу правовых взглядов и идей), порождающих определенные правовые отношения. В связи с этим важно учесть, что применяя закон по аналогии, суд признает то или иное отношение подлежащим его компетенции, но до такого решения это отношение уже должно рассматриваться в качестве принадлежащего к правовой сфере, хотя норм, непосредственно указывающих на это, нет.

Мы не ставим перед собой задачи всестороннего анализа этих и других подобных моментов правовой жизни. Но уже сказанного, по-видимому, достаточно для того, чтобы сделать вывод о единстве регулирующих функций права, правовых взглядов и идей и об известной регулирующей самостоятельности каждого из компонентов правового сознания.

Как мы уже видели, такая самостоятельность относительна. Только приписывание ей абсолютного значения и приводит к рассмотрению права и правового сознания в качестве рядом положенных феноменов. Но с другой стороны, здесь нет и абсолютной несамостоятельности. Последнее обстоятельство позволяет сделать дополнительные выводы.

Структура правового сознания (элементом ее является право), вырастающая над объектом отражения, структура правовых отношений, реализующая функции правового сознания в сфере объекта отражения, преобразованного, таким образом, в объект регулирования, составляют правовую систему. Надстроечный характер этой системы очевиден и поэтому ее относят к надстройке, понимаемой в широком смысле.

Но внутри этой системы есть зона (подсистема), обладающая специфическими качествами. Это зона, функционирующая под эгидой права. Ее система складывается из структуры, оформленной в виде системы норм права, и структуры правовых отношений, возникающей при применении норм права. Как установление норм права, так и их применение — функция государства, его органов. Поэтому такую систему вместе с теми государственными учреждениями, которые приводят ее в движение, следует рассматривать как политическую и юридическую надстройку в том узком смысле, который придавал ей К. Маркс в предисловии «К критике политической экономии».

В связи со сказанным, целесообразно правовые отношения, возникающие в процессе правоприменительной деятельности, то есть в рамках надстройки в узком смысле, именовать юридическими отношениями в отличие от более широкой системы правовых отношений, включающей в себя и отношения, не являющиеся, в нашем понимании, юридическими, то есть возникающие вне пределов применения права.¹³

Таковы некоторые моменты, имеющие, на наш взгляд, принципиальное значение для правильного понимания сущности взаимосвязи права и правового сознания. Но, как мы это видели, не только для этого. Анализ такой взаимосвязи позволяет также «упорядочить» ту группу надстроечных явлений, которая выступает в качестве специфического регулятора общественной жизни.

Поступила в редакцию 7 сентября 1968 г.

---

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс всегда именовали такие волевые отношения юридическими. В нашей юридической литературе вместо такой градации делается попытка различать «конкретные» и «общие» правовые отношения. См.: Общая теория советского права (под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самошенко), Юрлит, 1966, стр. 275—278.

ПЛАНЫ ВЫПУСКНИКОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЦЕННОСТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ

М. Х. Титма

Выбор профессии регулируется в обществе различного рода механизмами. По отношению к индивиду их можно разделить на внешние и внутренние. В результате воздействия соответствующего общественного строя, характера разделения труда, культуры, потребности в профессиях, системы подготовки и подбора кадров, содержания и местонахождения профессиональной деятельности, в обществе складываются определенные внешние рамки и объекты выбора профессий, которые не зависят от индивида. Сам выбор же определяется на основе тех критериев, исходя из которых он оценивает ситуацию, конечно, если регуляция не происходит и тут при помощи внешнего (принудительного) механизма. В социалистическом обществе этими критериями должны являться внутренние «механизмы» поведения человека, т. е. элементы его психической структуры. Все более определяющее значение среди них приобретают ценности. Посредством данных регуляторов общество управляет процессом распределения людских ресурсов, т. е. процессом выбора профессии. Наиболее примитивно это осуществляется непосредственно через изменение престижа профессии. Но обычно престиж конкретной профессии создается через ее стимуляцию в обществе. Выражения этой стимуляции во внутренней структуре индивида — ценности профессии, на основе которых индивид осуществляет оценку профессии.

На основе функций, которые выполняет профессиональная деятельность в жизни человека, в его психике образуются специфические ценности, регулирующие его поведение в процессе выбора профессии. Основными группами ценностей профессии являются:

- А) ценности профессии, выражающие аспекты самой сущности трудового процесса.
- Б) ценности профессии, выражающие внешние функции про-

фессиональной деятельности (является средством существования, дает определенную позицию и престиж в обществе и т. д.).

В основном эти ценности регулируют выбор профессии вне принудительных ситуаций.

Выпускникам после окончания школы предстоит определить прежде всего общий вид своего выбора. Пойти ли учиться дальше, или поступить на работу? В государственном масштабе для них создается определенная объективная ситуация в виде возможностей продолжать учебу, пройти военную службу, пойти на работу или продолжить учебу на вечерних факультетах. Несходность субъективных планов молодежи и государственных планов отмечается многими исследователями.¹ Но довольно дискуссионным является вопрос о том, должны ли субъективные намерения совпадать с государственными планами и является ли такое положение оптимальным для регуляции данного процесса в обществе? В действительности, по крайней мере во всех нам известных исследованиях, отмечается существенный разрыв между государственным планом и субъективными намерениями молодежи, как видно из таблицы 1.

Данные разных социологов неодинаковы. По-видимому, какую-то часть различия в данных можно объяснить расхождениями в методике, технике и процедуре обследования, но основными являются все-таки различия в социальной действительности, т. е. в субъективных планах молодежи.² Как видно из таблицы, уровень социальных стремлений наиболее низок в ЭССР и выше всех — в Свердловске. Основания таких различий, по нашему мнению, надо искать в основном в той ценностной системе, которая возникла в тех или иных районах страны у молодежи в процессе социализации. Для объяснения связей между ценностями профессии и планами выпускников подвергнем анализу взаимосвязи между этими двумя показателями.

В мае 1966 г. было проведено массовое репрезентативное обследование выпускников средних школ ЭССР. Была использована анонимная анкета, заполнение которой осуществлялось одновременно всеми выпускниками одной из школ или одного класса под наблюдением нашего сотрудника. Причем как правило, во время первых уроков учебного дня. Для избежания стереотипного «школьного» хода мышления обследование проводилось без участия учителей и в неклассных помещениях. Заполняя анкету, каждый ученик сидел на отдельной скамье. На основе анализа пробных обследований, проведенных с 1963 по

¹ См. по данному вопросу: В. Н. Шубкин, Методологические вопросы анализа общественных явлений, Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук, Москва, 1966; В. Н. Шубкин, Молодежь вступает в жизнь, «Вопросы философии», 1965, № 5, стр. 57—70.

² У Н. А. Айтова были массово обследованы школьники всех классов с IX—XI.

1965 гг., автор уточнил объект обследования. Выпускники, как показывает анализ, являются наиболее подходящим объектом

Таблица 1

Исследование Намерение выпускников	Выпускники ЭССР 1966	Новосибирская область ³ 1963	Казань 1964	Уфа ⁴	Свердловск Кировский район	Свердловск ⁵ Орджоникидзевский район
Учиться	58,48%	80%	71,5%	65,3%	92%	84,6%
Учиться и работать	12,04%	12%	10,2%	22,5%	0,8%	—
Работать	21,45%	8%	7,3%	3,7%	2,0%	14,2%
Не определились или не ответили	8,48%	—	—	—	5,2%	1,2%
Всего опрошено	2260		2000	2500	246	567

обследования начальной стадии выбора профессии. Районирование массива производилось на основе двух признаков: этническо-территориального и по степени плотности населения в месте проживания анкетироваемых. Проводилась направленная этими двумя признаками пятидесятипроцентная случайная выборка из всех выпускников дневных средних школ с обучением на эстонском языке.⁶

Всего обследовано 2260 выпускников. Чтобы поддержать внимание опрашиваемого, анкета была оформлена в виде брошюры с использованием иллюстраций и различных шрифтов. Эту же цель преследовал порядок постановки вопросов: за более легкими следуют более трудные, причем во второй части анкеты помещены, в основном, вопросы, касающиеся социальных фактов.

Выпускникам предложили набор определенных выше ценностей профессии, состоящий из одиннадцати единиц, и предложили ранжировать каждую из них в отдельности по шкале интенсивности (очень важное, средне важное, не важное)

Для более четкого сопоставления субъективных оценок разных групп выпускников квантифицируем шкалу интенсивности внутри оценки по всем ценностям, умножая процент оценивающих «очень важно» на +1, «средне важно» на 0 и «неважно» на -1. Таким образом, если преобладает у выпускников в отно-

³ См.: В. Н. Шубкин, Молодежь вступает в жизнь, «Вопросы философии», 1965, № 5, стр. 62.

⁴ См.: Н. А. Аитов, Образование рабочих и их труд, «Вопросы философии», 1966, № 11, стр. 23.

⁵ См.: Я. М. Ткач, Жизненные планы выпускников полной средней школы, в сб. Жизненные планы молодежи, Свердловск, 1966, стр. 89—93.

⁶ См. подробнее о нашей методике и технике обследования: Сборник трудов эстонской сельскохозяйственной академии, Труды по философии 11, 54, Тарту, 1967, стр. 80—100.

шении данной ценности позитивная оценка («очень важное требование»), тогда получаем средний процент с плюсом; если негативная оценка («неважное требование»), тогда с минусом. Такое взвешенное среднее дает нам возможность более четко сопоставить оценки ценностей профессии у разных групп выпускников. Выясняется доминирование той или иной оценки у определенной группы выпускников.

При помощи шкалы выбора измеряется доминирующая ценность среди рассматриваемых ценностей (выпускники отметили среди предложенного им набора ценностей одну, как наиболее важную) Именно эта ценность выступает основным критерием при выборе и выражает ориентацию выпускника.

Жизненные планы выпускников обследовались нами при помощи полужакрытого вопроса. На основе ответов можно различать следующие группы выпускников:

1) 1316 (58,5%) выпускников предполагают продолжить учебу. В условиях Эстонии это количество почти равно государственному плану приема студентов в вузы и техникумы.

2) 271 (12,04%) выпускников намерены работать и вечером учиться.

3) 108 (4,8%) собираются сначала выбрать материально хорошо оплачиваемую работу и потом продолжать учебу.

4) 301 (13,4%) пойти на работу по избранной специальности.

5) 63 (2,8%) пойти на работу по приобретенной в средней школе специальности, а если не понравится, посмотреть дальше, что делать.

6) 45 (2%) должны проходить воинскую службу и не озабочены поэтому выбором профессии.

7) 62 (2,75%) совершенно не думали об этом.

В таблице номер 2 приведены взвешенные оценки ценностей профессии выпускников, предполагающих работать, учиться и т. д.

Ниже в таблице дается процент выпускников, у которых доминирует та или иная ценность при выборе, среди опрашиваемых, имеющих те или иные жизненные планы. Анализом приведенных материалов можно установить особенности формирования жизненных планов.

Самоусовершенствование в качестве ценности профессии имеет наибольшее значение для тех, кто собирается учиться дальше. Почти одинаково оценивают ценность самоусовершенствования выпускники, намеренные работать по специальности, приобретенной в школе, поступить на службу в армии, и те, которые не думали о выборе профессии. Их сравнительно низкая оценка указанной ценности профессии в двух случаях поддерживается еще малым проявлением данного критерия в качестве доминирующей ценности. Такие различия совершенно логичны, ибо стремление к дальнейшей учебе основывается в первую оче-

Таблица 2

Ценность профессии Намерение после школы	Само- увершенство- вание	Твор- чество	Исполь- зование способ- ностей	Полез- ность народно- му хо- зяйству
учиться	89,4	51,1	75,8	38,4
работать и вечером учиться сперва выберу хорошо оплачиваемую работу, чтобы потом учиться дальше	87,8	48	71,6	47,2
работать	88,8	31,5	65,7	25,9
работать по специальности приобре- тенной в школе	85,4	35,2	64,8	49,8
в армию, и не думал	79,4	25,4	71,4	30,2
не думал	82,2	31,1	62,2	31,1
	81,6	22,6	46,8	54,9

Процент выпускников, у которых данная ценность является доминирующей.

учиться	34,7%	17,3	15,3	8,5
работать и вечером учиться сперва выберу хорошо оплачиваемую работу, чтобы потом учиться дальше	36,2	12,5	15,5	8,1
работать	37,0	5,6	14,8	4,6
работать по специальности приобре- тенной в школе	32,2	11,3	16,3	13
в армию, и не думал	33,3	14,3	7,9	11,1
не думал	24,4	11,1	13,3	13,3
	22,6	8,1	10,0	19,4

редь именно на ценности самоусовершенствования. Высокую оценку самоусовершенствования теми, кто намерен избрать материально хорошо оплачиваемую работу, можно объяснить двояко: во-первых, эта группа имеет цель саморазвития, но вынуждена работать потому, что материально не достаточно обеспечена; во-вторых, для нее самоусовершенствование приобретает индивидуалистический характер в виде самоцели.

Малое усвоение данной ценности характеризует неопределенность и ограниченность жизненных планов. Это подтверждает низкая оценка самоусовершенствования выпускниками трех последних групп. Такой вывод укрепляется оценкой ими творчества, как критерия выбора профессии. Интенсивность проявления указанной ценности у трех последних групп выпускников в таблице наименьшая. В то же время необходимо отметить, что среди выпускников, намеренных поступить на работу по приобретенной в школе специальности, есть группа, для которой творчество является основным критерием выбора.

В отношении выпускников, желающих выбрать материально хорошо оплачиваемую работу, оценка творчества, а особенно ее

малое проявление в качестве доминирующей ценности, указывает на то, что самоусовершенствование приобрело для них индивидуалистический характер.

Очень сильно выделяются своей оценкой творчества выпускники, стремящиеся продолжать учебу (примерно на треть они превосходят тех, которые намерены работать). Эта оценка поддерживается и большим числом выпускников, у которых творчество выступает в качестве доминирующей ценности. Все это указывает на большую роль данной ценности в выработке намерений продолжать учебу. Для тех, кто хочет поступить на работу, творчество имеет значительно меньшее значение.

Выпускники с разными жизненными планами оценивают использование личных способностей сходно с предыдущими ценностями. Наиболее высокой является оценка использования личных способностей у тех выпускников, которые намерены учиться дальше. Сравнительно высокая оценка (ни один не считает «неважным» использование способностей) и у тех выпускников, которые намерены работать по специальности, приобретенной в школе. Учитывая же наименьшее проявление использования личных способностей у них в качестве основного регулятора выбора профессии, можно сделать вывод, что эта высокая оценка основывается на высокой оценке приобретенной в школе способности. Тем более, что во всех других оценках ценностей самовыражения они образуют вместе с двумя другими последними группами совокупность выпускников, которые наименее оценивают эти критерии выбора профессии. Гораздо ниже других оценивают указанную ценность выпускники, которые не думали еще о выборе профессии.

В целом ценности самовыражения содействуют возникновению у выпускников намерений учиться дальше. Выпускники, намеренные учиться дальше, во всех отношениях более высоко оценивают ценности первой группы. Особенно четко в этом отношении выделяются они при оценке творчества. При этом те, которые намерены только учиться, оценивают выше ценности самовыражения, чем те, которые намерены учиться и работать. В качестве основного регулятора выбора ценности самовыражения выступают у них соответственно у 67,3% и у 64,2% выпускников. Этим указанные выпускники выделяются.

У тех выпускников, которые намерены работать после окончания школы, оценка рассматриваемых ценностей по шкале интенсивности во всех случаях ниже, чем у предыдущей группы (отметим, что наиболее сильна эта разница в отношении творчества, что конечно совершенно ненормально). Именно эти выпускники после выбора профессии желают заняться непосредственно самовыражением, т. е. работой.

С ними довольно сходна и группа выпускников, намеревающаяся выбрать материально хорошо оплачиваемую работу.

Выпускники, желающие работать по специальности, приобретенной в школе, характеризуются сравнительно низкой оценкой ценностей самовыражения по шкале интенсивности, и лишь использование личных способностей оценивается ими сравнительно высоко, но эта оценка связана с конкретной способностью, развитой в школе.

Резко отличаются от других выпускники, предполагающие пойти на действительную службу в армию и не думавшие о выборе профессии. Их характеризует общая низкая оценка ценностей самовыражения по шкале интенсивности и проявление данных ценностей в качестве основного критерия при выборе у менее половины (соответственно у 48,8% и 40,7%) выпускников. Их оценки сходны, но во всех случаях выпускники, не думающие о выборе профессии, характеризуются более низкими оценками. В целом можно сказать, что ценности самовыражения не содействуют возникновению таких жизненных планов.

Отношение к народному хозяйству довольно четко подтверждает наше мнение, что указанная ценность — ценность высшего порядка, имманентно не входящая в рассматриваемые отношения, не может быть основой для регуляции выбора профессии, особенно в качестве основного регулятора. Выпускники, не думающие о выборе профессии и намеренные пойти на действительную службу в ряды Советской Армии (не намеренные, по существу, сами делать какой-то выбор) характеризовались в отношении ценностей самовыражения наиболее негативно, но полезность народному хозяйству, как регулятор, выступает у них в качестве основного критерия при выборе профессии значительно больше других групп выпускников (соответственно у 19,4% и 13,3%). Это поддерживается сравнительно высокой оценкой и по шкале интенсивности у выпускников, не думавших о выборе профессии. У данных групп явно не сформировалась четкая система ценностей профессии, и они усвоили указанный критерий на уровне определенной знаковой формы.

Совершенно закономерной является низкая оценка полезности народному хозяйству выпускниками, намеренными искать хорошо оплачиваемую работу, и лишь у немногих из них она выступает в качестве основного критерия выбора. Трудно объяснить сравнительно низкую оценку и проявление в качестве основного регулятора данной ценности у выпускников, намеренных учиться дальше. Наиболее вероятно — это следствие социальной политики, которая учёбу довольно часто относит к личным проблемам индивида, а отнюдь не делает упор на её полезность народному хозяйству (известная формулировка, что государство дало вам возможность учиться в то время, когда другие должны работать). Не будем тут указывать на необоснованность такого утверждения, а отметим лишь социально-психологические его

последствия: значит учёба не работа, и в общем она не необходима государству, а является личным делом каждого. Среди выпускников, стремящихся учиться, группа, намеревавшаяся работать и учиться, выше оценивает данную ценность, и их оценка сходна с оценкой выпускников, которые хотят работать после окончания школы. У последних полезность народному хозяйству выступает больше в качестве основного критерия выбора профессии. В этом отношении все выпускники, желающие учиться дальше, составляют однородную группу и чётко отличаются от намеревавшихся работать.

Ценности вознаграждения профессиональной деятельности оцениваются неодинаково выпускниками с разными жизненными планами, как показывает таблица 3.

Таблица 3

Ценность профессии ⁷ Профессия	Заработок	Оценка непосредственной среды	Стабильное будущее	Позиция в обществе	Чистая работа
учиться	17,7	31,1	-9,5	-41,2	-35,6
работать и вечером учиться	15,9	34,3	-5,2	-35,1	-24,4
сперва выберу хорошо оплачиваемую работу; чтобы потом учиться дальше	52,6	42,0	+3,7	-29,7	-5,5
работать	14,3	22,9	-4,0	-39,1	-19,1
работать по специальности, приобретенной в школе	27,0	44,5	+1,5	-39,7	-11,1
в армию и не думал	40,0	28,9	+4,5	-31,1	-17,8
не думал	22,5	30,7	-4,9	-37,1	+8,1

⁷ В оценке «руководства людьми» нет значительных различий между выпускниками с неодинаковыми жизненными планами.

Материальное вознаграждение совершенно закономерно является наиболее важным для выпускников, намеренных выбрать хорошо оплачиваемую работу после окончания школы. Лишь четыре выпускника из них могут быть отнесены безусловно к тем, кто вынужден работать и собирается учиться дальше (они считают хороший заработок «не важным»). Хорошо оплачиваемая работа является для этих четырех лишь средством для продолжения учебы. Материальное вознаграждение, как регулятор, определяющий их намерение выбрать хорошо оплачиваемую работу, появляется у сравнительно большого числа выпускников, у которых оно является основным критерием: 12% из выпускников данной группы.

Высокая оценка выпускниками, предполагающими пойти на действительную службу в ряды Советской Армии, указанной ценности в какой-то мере объясняется тем, что данную группу составляют юноши (у юношей оценка материального вознаграждения наполовину выше, чем у девушек: 28,6 и 14,3 соответственно), но не только тем. На это указывает сравнительно высокий процент выпускников, для которых материальное вознаграждение является основным при выборе профессии.

Выше оценивают материальное вознаграждение и те выпускники, которые хотят работать по специальности, приобретенной в школе, и те, кто не думал о выборе.

Те выпускники, которые намерены учиться и работать, наиболее низко оценивают материальное вознаграждение. При этом надо учитывать, что большая часть школьников, построивших свои жизненные планы на основе материального вознаграждения, осуществила свои планы и бросила учёбу, ибо она не сулит им большего материального вознаграждения. Также часть из них, наиболее сильно управляемых данным регулятором, выделены в особую группу (намеревающиеся выбрать хорошо оплачиваемую работу).

Оценка непосредственной среды наиболее важна для тех, кто намерен работать по приобретенной в школе специальности или по хорошо оплачиваемой специальности. Такое выделение данных выпускников может быть обусловлено дефицитом социального признания со стороны ближайшего окружения, т. е. одноклассников (в одном случае проявляется ограниченность жизненных планов, в другом — явно эгоистические жизненные планы, оба обуславливают низкую оценку непосредственной среды и дефицит в указанной оценке). Другие группы выпускников составляют относительно гомогенную совокупность в отношении к рассматриваемой ценности, лишь выпускники, намеренные работать после окончания школы, оценивают ниже данный регулятор.

Почти полностью совпадает регуляция выбора профессии через обеспечение стабильного будущего (по материалам настоящего исследования) с регуляцией через материальное вознаграждение профессиональной деятельности. Наиболее высоко по шкале интенсивности оценивают обеспечение будущего выпускники, поступающие на действительную службу в Советскую Армию, желающие выбрать хорошо оплачиваемую работу или специальность, приобретенную в школе. У выпускников, намеренных выбрать специальность, приобретенную в школе, это поддерживается ещё сравнительно высоким процентом выпускников, у которых этот регулятор является основным критерием при выборе (7,9%). Среди других выпускников выделяются негативной оценкой данной ценности лишь те, которые стремятся учиться дальше.

Достижение видного положения более важно для тех выпускников, которые намерены выбрать хорошо оплачиваемую работу или пойти на действительную службу в Советскую Армию. В отношении же других выпускников этот регулятор никаких различий не обуславливает.

Чётко вырисовывается значение ценности «чистой и требующей мало времени работы». Данный регулятор тесно связан с жизненными планами выпускников. Более тридцати процентов выпускников, не думавших о выборе профессии, считают её «очень важной», и данная группа является единственной, где эти выпускники преобладают. Очень близко к ним по своему отношению к указанной ценности стоят выпускники, намеренные выбрать хорошо оплачиваемую работу или работать по специальности, приобретенной в школе. Все эти группы в своих планах проявляют мещанскую идеологию. Наименее действует данный регулятор у выпускников, желающих учиться.

Как показывает анализ, внешнее вознаграждение профессиональной деятельности в качестве регулятора процесса выбора профессии наиболее характеризует выпускников, намеренных выбрать хорошо оплачиваемую работу, или пойти на действительную службу в Советскую Армию, или работать по специальности, приобретенной в школе. Наименьшее же значение имеют они для выпускников, стремящихся учиться дальше. При этом чётко обнаруживается влияние ценностей внешнего вознаграждения на первые планы выпускников. В предыдущем анализе мы рассмотрели влияние ценностей профессии на жизненные планы выпускников. Сейчас же выводим некоторые особенности ценностей профессии у выпускников с разными жизненными планами:

1) Выпускники, намеренные учиться дальше, характеризуются очень высокой оценкой ценностей самовыражения и низкой оценкой вознаграждения профессиональной деятельности. Это указывает на возможности направления большого числа школьников учиться дальше, что для Эстонии является довольно важной проблемой⁸. Во-первых, можно сделать упор на ценности самовыражения. Но такая политика имеет определенный предел, ибо учеба не может быть столь сильно регулируема в отличие от других планов. Довольно высокая оценка выпускниками, стремящимися учиться ценностей самовыражения указывает на ограниченность усиления влияния этих ценностей. Проявление такого рода регуляторов в принципе имеет предел (все 100% считают их «очень важными»).

Во-вторых, есть возможность использовать для этого ценности внешнего вознаграждения профессиональной деятель-

---

⁸ В ЭССР почти во всех вузах ощущается отсутствие конкурса, а на некоторых отделениях ежегодно наблюдается недобор.

ности. Сравнительно низкая оценка указанных регуляторов выпускниками, намеренными учиться дальше, указывает на малое значение вознаграждения профессиональной деятельности при регуляции данного вопроса в обществе. Речь идёт не о повышении оценки вознаграждения профессиональной деятельности теми выпускниками, которые намерены учиться дальше, а о том, чтобы выпускники, поведение которых можно регулировать через вознаграждение профессиональной деятельности, предпочли бы учёбу, а не другие планы или вообще не имели конкретных планов.

Такое положение указывает на то, что учёба в их субъективном восприятии меньше даёт возможностей для осуществления данных ценностей. Тут встаёт вопрос о том, имеет ли вообще смысл направлять молодежь с такими ценностями в данную сферу профессиональной деятельности? Несомненно положительно, что выпускники с ценностями самовыражения предпочитают идти учиться дальше, но если их одних не достаточно для удовлетворения потребностей народного хозяйства? Да и в принципе, ведь ценности профессии не являются объективной основой регуляции данного процесса, и они отнюдь не всегда основываются на способностях. Регуляция через них неизбежно приводит к потере людских ресурсов. При такой регуляции мы не учитываем динамичность психической структуры, в том числе и системы ценностей у индивида, её изменчивый характер. А это значит, что мы заведомо отрицаем возникновение в процессе жизни новых ценностей, т. е. развитие ценностной структуры личности. Моральный принцип не может здесь быть основой социальной политики и поэтому нам кажется правомерным использовать вознаграждение профессиональной деятельности в качестве регулятора при определении рассматриваемых планов и формировании намерений учиться дальше у выпускников, а их отбор осуществлять по способности. Это означает изменение социальной действительности, ибо создавшееся положение в регуляции выбора профессии выпускниками есть её результат.

Во-первых, надо увеличить значение стимуляции самой учёбы и профессий, приобретаемых через неё (на практике больше использовать вознаграждение профессиональной деятельности). В этом смысле неправильным является осмысление значения учёбы как возможности заниматься учёбой на государственные деньги. Современное воспроизводство общественных отношений невозможно без того, чтобы определенная часть граждан не получила соответствующего образования. Это является необходимостью для общества, а не каким-то благодеянием. Без этого немыслим сам процесс воспроизводства определенных общественных отношений. Другое дело, что в нашем обществе осуществляется классовый подход к данной проблеме и обеспечивается возможность учиться всем, кто желает и способен. А это озна-

чает, что индивид может занять место в общественных отношениях, которое соответствует его способностям и моральным качествам. Такие возможности коренным образом отличаются от буржуазного общества, где обеспечиваются классовые привилегии буржуазии. Учёба является, таким образом, необходимым трудом для общества и должна иметь такое значение. Это предъявляет и соответствующие требования (к сожалению, в настоящее время именно из-за внешней стимуляции, которая создаёт дефицит в учащих, эта требовательность очень низка). В первую очередь, создание большего конкурса может поднять качество учёбы, ибо конкурс улучшает качество принимаемых студентов и в то же время даёт возможность с них больше требовать (эксматрикуляция означала бы уже конец учёбы, а не «передышку» на полгода или год) Такое поднятие конкурса наиболее эффективно можно произвести за счет резкого увеличения внешнего вознаграждения самой учёбы или профессиональной деятельности, которая требует высшего образования. Кстати, в некоторых случаях это применяется (вузы с повышенной стипендией).

Во-вторых, надо в пропаганде и в воспитательной работе более гибко проводить формирование отношения к вознаграждению профессиональной деятельности. Нельзя их огульно отрицать, особенно в связи с «возвышенными» профессиями, требующими высшего образования.

2) Выпускники, предполагающие работать после окончания школы, разделяются на четыре группы. В отношении тех, кто намерен работать и учиться, и которые составляют переходную группу между стремящимися только учиться или только работать, можно сказать, что они сходятся в своих оценках с выпускниками, намеренными учиться дальше.

Ярко своеобразной является группа выпускников, желающих выбрать хорошо оплачиваемую работу. Если в отношении ценностей самовыражения у них оценка почти такая же, как у тех, кто хочет работать по избранной специальности, то в других оценках проявляется индивидуализм этой группы. Совершенно логична очень высокая оценка ими материального вознаграждения профессиональной деятельности. Но является ли необходимой связь между такой оценкой и сравнительно высокой оценкой «чистой и требующей мало времени работы» и «стабильного будущего», а также низкой оценкой полезности народному хозяйству. По нашему мнению, в значительной мере это является и следствием неправильной воспитательной работы, где высокая оценка материального вознаграждения связывается с индивидуалистическими ценностями. Конечно, определенная связь есть и в самой сущности высокой оценки материального вознаграждения у части выпускников, но это не является необходимостью. Данная группа наиболее поддаётся регуляции через внешнее

вознаграждение профессиональной деятельности, но сравнительно высокая оценка ценностей самовыражения дает возможность полагать, что их жизненные планы можно переключать с внешней стороны трудового процесса на его сущность или на учебу

Сравнительно негативная оценка ценностей внешнего вознаграждения выпускниками, намеревающимися работать по избранной специальности, создает опасное положение, при котором ломка ценностей может создать трудности в регуляции поведения. Если работа не даст возможностей самоусовершенствования, творчества или использования личных способностей, то возможны два выхода из создавшейся ситуации. Во-первых, перемена работы; во-вторых, ломка ценностей, при которой все приведенные аспекты профессиональной деятельности обесцениваются. А то, что ценности вознаграждения профессиональной деятельности не включены в их систему ценностей, создаёт дефицит, который может быть восполнен любыми регуляторами, в том числе и «небесными»⁹ или совсем «земными» (в виде водки и сопутствующих ей «ценностей») Это требует того, чтобы в воспитательной работе больше использовались ценности внешнего вознаграждения.

Последняя группа выпускников, стремящихся работать по специальности, приобретенной в школе, отличается от всех других выпускников, намеренных работать. Эти выпускники значительно ниже оценивают ценности самовыражения, оценивая лишь сравнительно высоко способность, развитую в школе. Среди них есть определенная группа творчески относящихся к данной профессиональной деятельности. Но большинство из них имеют неразвитую систему ценностей, которая проявляется в их оценке других ценностей.¹⁰

3) Группа выпускников с неопределенными жизненными планами характеризуется очень низкой оценкой ценностей самовыражения. Выпускники, предполагающие поступить на действительную службу в ряды Советской Армии, всё-таки больше оценивают в данной группе выпускников ценности самовыражения. Они сравнительно высоко оценивают материальное вознаграждение профессиональной деятельности и возможность достижения видного положения в обществе. Это указывает на определенное значение для них внешнего вознаграждения профессиональной деятельности и возможность возникновения неопределенности жизненных планов.

Выпускники, не думавшие о своих планах, имеют неразвитую систему ценностей профессии вместе с ограниченными жизненными планами. Высокая оценка «полезности народному хо-

---

⁹ См.: Ю. А. Левада, Социальная природа религии, М., 1965.

¹⁰ В связи с отменой производственного обучения нет необходимости в дальнейшем анализе данной группы.

зайству» явно находится в противоречии-с другими ценностями их ценностной системы. Это дает основание сделать вывод, что они усвоили лишь данную знаковую форму, но отнюдь не её содержание. По существу данная группа будет совершать выбор профессии случайно, у нее не выработаны регуляторы, через которые можно было бы им руководить.

Таким образом, необходимо выработать у человека социально приемлемые регуляторы выбора профессии, которые способны руководить его поведением в условиях нашей действительности. При этом нельзя ставить целей, которые не реализуемы в настоящее время (например, чтобы все искали в работе возможности самовыражения). Необходимо указывать, что наше общество не способно еще в настоящее время создать для всех возможности удовлетворения этих ценностей. Это означает, что ценности самовыражения должны поддерживаться ценностями, основывающимися на внешнем вознаграждении профессиональной деятельности. Значит не правомерно противопоставлять внешнее вознаграждение и моральные ценности. Только совмещая их, можем мы создать предпосылки к возникновению более развитых систем ценностей. Если же определенный труд, например, плохо вознаграждается, то наверное не у одного человека на таком труде ломаются «очень высокие» ценности. Таким образом, очень важно уже в школе дать картину реальной жизни и не создавать иллюзий в отношении будущего. Это должно идти по линии раскрытия трудностей, которые необходимо преодолеть для достижения возможности самовыражения в профессиональной деятельности, не обедняя при этом жизненных планов молодежи.

Поступила в редакцию 10 сентября 1968 г.

ВЗГЛЯДЫ М. А. БАКУНИНА НА РЕВОЛЮЦИЮ

Р. Н. Блюм

Конец XIX и начало XX века — это, пожалуй, период наибольшего развития анархического движения. Теоретики анархизма претендовали на то, что они создали наиболее последовательное революционное учение, и всячески противопоставляли свой радикализм «умеренному» или даже «реформистскому», с их точки зрения, марксизму. Рассмотрим поближе анархистские взгляды на революцию, как они формулировались в трудах самого видного представителя революционного анархизма М. А. Бакунина.¹

Чтобы разобраться в этих взглядах необходимо совершить небольшой экскурс в историю анархизма. Известно, что его идейными отцами были Штирнер и Прудон, идеологи, деятельность которых совпадала по времени с началом творческого развития Маркса и Энгельса. Это обстоятельство имеет не только биографическое значение. В 40-х гг. прошлого столетия прогрессивная социальная мысль пыталась разрешить, в сущности, центральную проблему — проблему освобождения человека, человеческой личности, проблему снятия отчуждения. Эта проблема отнюдь не была новой. Еще французские просветители и их ученики — французские революционеры полагали, что революция, наконец, разобьет оковы, и человек обретет утерянную им свободу. Практика революции и в особенности наступившей после нее контрреволюции показала всю иллюзорность надежд на освобождение человека, разрушила миф о «спасительной, гуманистической» функции революции. Царство разума оказалось, по словам Энгельса, идеализированным царством буржуазии, социально-экономическое угнетение приняло лишь новые формы, а разрекламированное политическое равенство — следствие по-

---

¹ Помимо революционного анархизма, в конце XIX в. известное распространение имели переволлюционные «мирные» разновидности анархизма. К ним относятся: индивидуалистический анархизм (Текер), отрицающий коммунизм и признающий лишь пассивное сопротивление. Имели место определенные «мирноанархистские» черты в творчестве Л. Н. Толстого и Ф. Ницше.

литической революции, — не пошло дальше равенства перед законом и вполне мирно совмещалось с замаскированным деспотизмом — деспотизмом государства.

По разному реагировали на возникшую ситуацию социальные мыслители, стремящиеся найти пути освобождения человечества. Эти различия, пожалуй, больше всего проявлялись в отношении к революции, процессу, под знаком которого проходило общественное развитие почти всего XIX века.

Все бедствия, все несчастья, свалившиеся на голову трудящихся, разгул корыстолюбивых интересов, порочность и продажность правящих классов есть результат революции, поэтому всякая революция опасна и вредна, и нужно делать все, чтобы ее предотвратить — вот образец типичного рассуждения утопистов сен-симонистского, фурьеристского направлений, а также сторонников икарийского коммунизма Кабе. Нет, сама по себе революция необходима и благодетельна, но не такая, какой она была до сих пор — возражали им революционные утописты-коммунисты Дезами, Пийо и некоторые другие. Все революции до сих пор, — полагали они, — были политическими, нужна же революция социальная, ибо политическая лишь меняет форму деспотизма, а социальная ликвидирует деспотизм раз навсегда и устанавливает подлинное социальное равенство.

На несколько другой, так сказать, личностный план обращали свое внимание немецкие младогегельянцы. И социальная, и политическая революция в одинаковой степени порочны, утверждали они, ибо всякая революция представляет из себя массовое движение и уже тем самым подавляет личность, ограничивает свободу индивида. Раз это так, то пути и средства освобождения личности лежат в стороне от массовой революции, «Масса» оказывается истинным врагом духа.

Индивидуалистическая критика революции свойственна и М. Штирнеру, который, как известно, прошел через младогегельянскую школу. Обращаясь к урокам французских революций, он не без основания отмечает, что «когда после революции наступала реакция, то выяснилось, что *собственно* была революция».² А выяснилось то, что индивид, судьба которого больше всего и заботила М. Штирнера, не получил желанной свободы. «Не *единичный человек* (а только он — *человек*) сделался свободным, а *буржуа, citoyen, политический человек*, который потому именно и не *человек*, а экземпляр человеческого рода, и именно *буржуазного* рода, *свободный буржуа*».³ Из этой, по существу, правильной констатации Штирнер делает пессимистический вывод относительно освободительной миссии революции.

---

² Макс Штирнер, Единственный и его собственность, СПб, 1907, ч. 1, стр. 317.

³ Там же, стр. 318.

При этом ход его рассуждений примерно следующий: революция носит политический характер, она создает новые учреждения, воплощается в форме государства, а всякое государство есть деспотизм, независимо от того, монархия оно или республика — в государственной жизни человек всегда остается рабом. Следовательно, революция как средство освобождения человека должна быть отвергнута.

Верный своему основополагающему принципу индивидуализма и эгоизма, Штирнер противопоставляет массовой революции индивидуалистическое, эгоистическое восстание. «Нельзя рассматривать революцию и восстание как однозначные понятия. Революция заключается в разрушении порядков существующей организации или *status'a*, государства или общества, а поэтому она — *политическое* и *социальное* деяние; восстание же, хотя и ведет неотвратимо к разрушению современного строя, но оно исходит не из него, а из недовольства людей собою. Революция имела целью новые *учреждения*, восстание приводит нас к тому, чтобы мы не позволяли больше *«устраивать»* нас, а сами себя устраивали. Восстание — не борьба против настоящего, ибо если оно произойдет, настоящий строй сам погибнет; оно — высвобождение моего «я» из подавляющего меня настоящего. Если я высвобождаюсь из настоящего, то оно мертво и начинает гнить. Так как моя цель не разрушение настоящего, а мое возвышение, *вос-стание* над ним, то и цель и деяние мое не политическое или социальное, а направленное на меня и мою особенность, т. е. эгоистическое».⁴

Итак, вместо революции восстание, бунт, вместо борьбы против существующего политического и социального строя — недовольство людей собою, вместо действительного освобождения — эгоистическое возвышение. Иными словами, абсолютизация, преувеличение «личностной» стороны революционного процесса приводит Штирнера к созданию абстрактной, крайне идеалистической конструкции, сущностью которой является «старая иллюзия, будто только от доброй воли людей зависит изменить существующие отношения и будто существующие отношения — не что иное, как идеи».⁵ Эти слова из «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса, где, среди прочего, дана также критика штирнеровской концепции революции⁶, раскрывают философский смысл противопоставления революции восстанию.

Решение вопроса не в выделении тех или других сторон реального революционного процесса, не в превращении их в единственную суть революции, не в игнорировании всего комплекса перемен, который присущ этому виду социального изменения, а в анализе революционного процесса как единого целого.

⁴ Там же, ч. II, стр. 186.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 376.

⁶ Там же, стр. 374—387.

Именно на эту сторону дела обращал внимание К. Маркс, отмечая, что если бы Штирнер «интересовался действительными, «существующими» во всякой революции индивидами и их отношениями то, может быть, он понял бы, что каждая революция и результат ее обуславливались этими отношениями, обуславливались потребностями, и что «политическое или социальное деяние» никоим образом не представляло собой противоположность «эгоистическому деянию».⁷

Другой «отец» анархизма Прудон на словах признавал революцию как необходимое средство освобождения человека. В работе «Общая идея революции XIX в.» он уделяет этому вопросу довольно большое внимание. Здесь мы читаем, что, если есть «достаточная причина для революции, никакая человеческая власть не может помешать этой революции произойти»,⁸ что «в XIX веке существует достаточная причина для революции»,⁹ что эта революция должна совершиться во имя отрицания власти правительства, во имя анархии. Все это звучит вполне революционно. Но лишь дело доходит до конкретного понимания революции, революционизм оборачивается самым заурядным реформизмом. Революция или, как ее называет Прудон, социальная ликвидация совершается «мирно и дружелюбно, не нанося ущерб ничьим интересам», ее орудием «должно быть кредитное учреждение, называемое Народным банком».¹⁰ Неясным все же остается, как реально может осуществиться эта социальная ликвидация, представляющая коренное преобразование общества. Классовую борьбу как средство уничтожения капитализма Прудон отрицал, организацию трудящихся, по-существу, тоже. Ведь, по Прудону, «прочь партии; прочь власть; полная свобода человеку и гражданину Такова в трех словах вся наша политическая и социальная вера».¹¹

К сказанному надо добавить, что Прудон резко отрицательно относился ко всем прошедшим революциям, в первую очередь, к Великой французской. Они порочны, поскольку имели ярко выраженный политический характер и создали политические институты еще больше поработившие человеческую личность.¹²

⁷ Там же, стр. 375—376.

⁸ Анархия по Прудону. Издание социально-революционной партии. 1873, стр. 3.

⁹ Там же, стр. 14.

¹⁰ Там же, стр. 42—43.

¹¹ Там же, стр. 118.

¹² «Личность человеческая! Как могла ты шестьдесят веков терпеть такое унижение? Ты величаешься святой и священной, тогда как на деле ты неустанная даровая блудница твоих холопов, твоих солдат и твоих попов! Ты знаешь это и терпишь это! Тобой управляют, то есть тебя караулят, инспектируют, шпионят, направляют, регламентируют, подводят под законы, классифицируют, учат, набивают чужими мнениями, контролируют, ценят, оцени-

Для анархистской теории революции наибольшее значение имеют работы М. А. Бакунина — основателя так называемого революционного анархизма. Ф. Энгельс отмечал, что бакунинский анархизм в целом много воспринял как у Штирнера, так и у Прудона.¹³ Что касается той стороны его учения, которая нас интересует, то в этом вопросе взгляды революционера и коллективиста Бакунина противоположны реформистским иллюзиям Прудона и в значительной мере индивидуализму Штирнера (хотя нельзя не видеть известной приемственности между бунтарскими идеями этих двух анархистов).

Изложение теории революции М. А. Бакунина представляет серьезные трудности. Дело не только в том, что она не разработана в цельном виде в какой-либо одной или в нескольких работах, дело скорей в том, что, во-первых, идейная эволюция М. А. Бакунина прошла ряд этапов, достаточно различающихся между собой, а, во-вторых, его сложившиеся анархистские взгляды отнюдь не отличаются последовательностью и внутренней логичностью и содержат многочисленные противоречия.

Не останавливаясь подробно на эволюции взглядов и на противоречиях между различными этапами,¹⁴ рассмотрим основные

вают, урезают, заставляют повиноваться себе люди, неимеющие на то ни права, ни знания, ни достоинства. Тобой управляют, то есть при каждом твоём действии, при каждом сношении, при каждом движении твоём тебя отмечают, записывают, сосчитывают, назначают тебе продажную цену, отмечают тебя клеймом, привешивают к тебе ярлык, патентуют, разрешают, дозволяют тебя, расписываются на тебе, сдерживают, взнуздывают, переделывают, поправляют и исправляют тебя! Под предлогом общественной пользы и общего интереса тебя грабят, дрессируют, эксплуатируют, монополизируют, обкрадывают, давят, мистифицируют, а при малейшем сопротивлении, при малейшей жалобе начинаются усмирения, взыскания, унижения, поругания, травля, торможение, заушения; тебя обезоруживают, вяжут, сажают в тюрьму, расстреливают, жарят в тебя картечью, судят, приговаривают, ссылают, приносят тебя в жертву, продают, передают и в довершении надуют, дурачат, оскорбляют, бесчестят! Вот, что такое правительство, вот, что такое его правосудие, его мораль! И после этого есть еще демократы, находящие в правительстве добрые стороны; есть социалисты, отстаивающие эту гнусность во имя Свободы, Равенства и Братства; есть пролетарии, являющиеся кандидатами в должность президента Республики — лицемеры!» (Там же, стр. 108—109).

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 280.

¹⁴ Обстоятельное изложение эволюции взглядов М. А. Бакунина дано в обширном и глубоко исследовании Ю. Стеклова («Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность», т. 1, М., 1926, т. II, М., 1927, т. III, М., 1927, т. IV, М., 1927). Можно указать также на статью видного исследователя творчества М. А. Бакунина Вяч. Полонского в первом издании БСЭ, т. 4. К сожалению, более «свежих» работ о М. А. Бакунине в советской литературе очень мало. В течение долгого времени его, как и других теоретиков народничества, предали почти полному забвению. Они фигурировали лишь в одном качестве — «злейших врагов марксизма». (См. об этом статью М. Г. Седова, Советская литература о теоретиках народничества. В кн. «История и историки», М., 1965). Только в последнее время появилось несколько работ. Упомянем главу в книге А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова, Идеологи русского народничества. ЛГУ. 1966, а также брошюру Н. Пирумовой, Михаил Бакунин. М., 1966.

положения теории революции М. А. Бакунина, как они сложились ко второй половине 60-х и первой половине 70-х гг.

1. Необходимость революции М. И. Бакунин выводит из прирожденных способностей или инстинктов человека. Уже наши предки отличались от других животных «двумя ценными способностями: *способностью мыслить* и *способностью, потребностью бунта*».¹⁵ Все человеческое развитие, как индивидуальное, так и коллективное базируется на трех основных принципах: 1. человеческой животности, 2. мысли, 3. бунте. «Первому соответствует собственно *социальная и частная экономия*; второму — *наука*; третьему — *свобода*».¹⁶

Итак, поскольку прирожденной способностью человека является бунтарство, то по самой своей природе он бунтарь, протестант, борец, а значит для революционных выступлений всегда имеется благодатная почва в самой натуре человека. Если это так, то почему же человек далеко не всегда бунтует, почему он десятилетиями, столетиями терпит рабство и угнетение? На этот вопрос М. А. Бакунину ответить трудно (ссылками на невежество масс вряд ли можно что-либо объяснить). И спекулятивная конструкция, не опирающаяся ни на какие реальные факты, повисает в воздухе. Между прочим, этот грубо материалистический тезис неизбежно привел его автора к идеализму, когда дело дошло до более конкретного анализа исторических обстоятельств.

Это можно показать на следующих двух примерах. Так, объясняя причину покорности масс, М. А. Бакунин видел её в идеологическом отчуждении, которое он описывает весьма точно и ярко (нельзя не увидеть в этом описании предвосхищение некоторых важных идей современной философии) «Громадное большинство человеческих индивидов не только среди невежественных масс, но точно также в образованных и привилегированных классах хочет и думает лишь то, что все вокруг них думают, чего все хотят. Они верят, конечно, будто хотят и думают самостоятельно, но на самом деле они лишь рабки, по рутине, с ничтожными, едва заметными изменениями воспроизводят чужие мысли и желания. Это рабство, эта рутинная, неиссякаемый источник общих мест, это отсутствие бунта воли, инициативы мысли индивидов — главные причины безнадежной медлительности исторического развития человечества».¹⁷ А это значит, что, несмотря на бунтарский инстинкт, историческое развитие совершается медленно благодаря отсутствию «бунта воли» и «инициативы мысли». Противоречие, бросающееся в глаза.

Другой пример. Очень часто М. А. Бакунин апеллирует к расовым особенностям народов, к их «народному духу», тогда,

¹⁵ М. А. Бакунин, Избр. соч., т. II, Пб-М., 1920, стр. 144.

¹⁶ Там же, стр. 147.

¹⁷ Там же, стр. 261—262.

когда речь идет об условиях развертывания революционной борьбы в той или другой стране. «Нельзя ожидать немецкой революции», потому что «в уме, характере, темпераменте немца чрезвычайно мало революционных элементов»,¹⁸ природа немецкого народа более расположена «к последовательным и медленным реформам, нежели к революции»,¹⁹ Испания и Италия никогда не сделаются сильными государствами, «потому, что народный дух, как той, так и другой, влечет их неотвратно к совершенно иной цели»,²⁰ «по всей природе и по всему существу своему, славяне решительно племя не политическое, т. е. не государственное»²¹ — подобные замечания отнюдь не случайны, они отражают важнейшую сторону бакунинской концепции революции, которая, таким образом, пытается снять противоречие между бунтарским инстинктом, присущим всему человечеству, с одной стороны, и реальной готовностью к революции того или иного народа, с другой. Как видим, здесь на помощь приходит «народная воля», «народный дух» и т. п. атрибуты идеалистического понимания истории, которые мало что могут объяснить.

Проповедь бунтарства является, пожалуй, самой характерной чертой в деятельности М. А. Бакунина. Этим он непосредственно продолжает традицию, идущую от М. Штирнера. Но в то же время надо отметить существенные различия между двумя основоположниками анархизма. В отличие от крайнего индивидуализма Штирнера Бакунин — коллективист. Бунт, им провозглашенный, — это активный протест человека против окружающей его действительности, человека, действующего среди других, вместе с другими и для других.

Бунтарство и коллективизм — это такие стороны бакунизма, которые всегда вызывали уважение со стороны последовательных революционеров. За многочисленными преувеличениями, за отчетливым стремлением к абсолютизации революционного чувства, за вытекающей из этого явно авантюристической и утопической тактикой нельзя не видеть вдохновляющего призыва к борьбе против любых форм подавления личности, непримиримости ко всякому угнетению, социальной несправедливости и неравенству, смелости в ниспровержении всего отживающего, реакционного, рутинного, т. е. всего того, что составляет лучшие (отнюдь не прирожденные) черты человека. М. А. Бакунин воспевал и пропагандировал революционную непокорность, а «непокорность, по меткому выражению Оскара Уайльда, — с точки зрения всякого, кто знает историю, есть основная добродетель человека. Благодаря непокорности стал возможен прогресс — благодаря непокорности и мятежу».

---

¹⁸ Там же, т. I, стр. 315.

¹⁹ Там же, т. II, стр. 96—97.

²⁰ Там же, т. I, стр. 88.

²¹ Там же, стр. 104.

Кстати говоря, В. И. Ленин едко высмеивал те филистерские, по его словам, рассуждения, которые характеризуют анархиста чуть ли не как бандита.²² Для В. И. Ленина революционная активность была тем качеством, которое он ценил превыше всего.²³

С этой точки зрения бакунизм сыграл большую положительную роль в развитии русского революционного движения. Именно его «бунтарская» сторона была своеобразным ферментом, ускорившим процесс революционизации молодежи в 70-е гг. прошлого века.²⁴

2. Необходимость революции М. А. Бакунин связывает также с наличием так называемого общечеловеческого интереса. Под ним он понимает такой интерес, который преобладает «над всеми другими, более частными и исключительно народными интересами, и тот народ или те народы, которые находят в себе призвание, т. е. достаточно понимания страсти и силы, чтобы предаться ему исключительно, становятся главным образом народами историческими».²⁵ В разные времена эти интересы были различными. В средние века преобладал интерес католической церкви, затем интерес общечеловеческого возрождения и религиозного бунта. Французская революция выдвинула новый общечеловеческий интерес — идеал человеческой свободы на исключительно политической основе. «В настоящее время существует для всех стран цивилизованного мира только один всемирный вопрос, один мировой интерес — полнейшее и окончательное освобождение пролетариата от экономической эксплуатации и от государственного гнета. Очевидно, что этот вопрос без кровавой ужасной борьбы разрешиться не может и что настоящее положение, право, значение всякого народа будут зависеть от направления, характера и степени участия, которое он примет в этой борьбе».²⁶

²² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 103.

²³ «Быть революционером значит ломать все вредное, отжившее самым решительным, самым беспощадным образом». (Полн. собр. соч., т. 34, стр. 166).

²⁴ «Главное в бакунизме для русских условий была борьба с существовавшим общественно-политическим строем, борьба с самодержавием, и это имело революционное значение. Не учитывая этого, невозможно понять ни всего значения авторитета Бакунина, ни громадной роли целого ряда организаций, которые проповедывали в своих программах идеи Бакунина. Стоит вспомнить хотя бы «Землю и волю» 70-х годов. Никто не станет отрицать, что она была бунтарской по своей идеологии, но, очевидно, невозможно отрицать и ту революционную роль, которую она сыграла в русском освободительном движении. Нельзя не различать роль бакунизма в России и в странах развитого капитализма Западной Европы. Как идеологическое оружие борьбы с капитализмом бакунизм — сила реакционная, но нельзя отрицать революционность бакунизма в борьбе с пережитками феодализма. В этом суть его громадного влияния в России». (М. С. Седов, Указ. статья, стр. 261).

²⁵ М. А. Бакунин, Избр. соч., т. 1, стр. 115.

²⁶ Там же, стр. 118.

В цитированных положениях нетрудно заметить влияние философии истории Гегеля, ведь именно у великого немецкого диалектика мы находим деление народов на исторические и неисторические (это влияние несомненно и в положениях о «народном духе»).

Итак, под общеисторическим интересом М. А. Бакунин понимает ту объективную социальную задачу, которая стоит перед человечеством в каждый данный период, и, которая должна быть разрешена революционным путем. Но назвать эту задачу общеисторическим интересом явно недостаточно, по-видимому, куда более важным является установить, в чем конкретно и детально состоит эта задача, почему именно она может быть названа главной. А это, в свою очередь, требует подробного экономического и социального анализа. Именно этого необходимого анализа мы в работах М. А. Бакунина не находим.

3. Было бы неверным думать, что М. А. Бакунин вообще сбрасывал со счета экономическую детерминированность исторических событий, в том числе и революций. Он был знаком с материалистическим пониманием истории, которое оказало на него известное влияние (о чем он сам несколько раз писал). Но признание первичности экономической жизни носит скорее декларативный характер, и не служит методом исследования общественных явлений, что, пожалуй, больше, чем в других частях его учения, сказывается на теории революции.

Мы уже видели выше, что необходимость революции М. А. Бакунин выводит из инстинктов, расовых особенностей и общечеловеческого интереса. Все эти моменты имеют весьма отдаленное отношение к экономике. Но двум, несомненно, экономическим факторам в бакунинской теории революции отводится особое место, они считаются важнейшей, если не решающей причиной революции. Речь идет, во-первых, о нищете масс, о таких экономических условиях, которые превращают большую часть народа в лишенных собственности бедняков, пауперов, в обездоленный и нищий люмпен-пролетариат, и, во-вторых, об эксплуатации или рабстве, в котором находится большинство народа.²⁷

Ход рассуждения достаточно тривиален: нищета и рабство ведут человека к отчаянию, а «когда он доведен до отчаяния, возмущение его становится уже более возможным. Отчаяние — острое, страстное чувство. Оно вызывает его из тупого, полусонного страдания и предполагает уже более или менее ясное сознание возможности лучшего положения только надо мно-

---

²⁷ «В русском народе существует в самых широких размерах те два первых элемента, на которые мы можем указать, как на необходимые условия социальной революции». «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», М., 1964, стр. 43.

го, очень много всякого рода обид, притеснений, страданий и зла, чтобы довести его до отчаяния».²⁸

Отсюда, между прочим, непосредственно следует один из важных принципов анархистской политической программы: «чем хуже, тем лучше». Дело доходило до того, что М. А. Бакунин требовал от своих сторонников, чтобы они всячески способствовали увеличению зла и бед в обществе. 22 параграф пресловутого «Катехизиса революционера», предписывающего правила поведения членов революционного товарищества, прямо говорит: «товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию».²⁹

М. А. Бакунину самому ясно, что ни от нищеты, ни от отчаяния нет прямого пути к социальной революции. Он сам справедливо замечает, что они не в состоянии поднять народные массы и могут лишь возбудить «личные и местные бунты». Но поскольку он не видит других действительно глубоких причин (экономических и социальных), то на первый план в конечном счете выдвигаются субъективные моменты, вроде «общенародного идеала», вырабатывающегося «всегда исторически из глубины народного инстинкта», или «общего представления о своем праве и глубокой веры в это право». «Когда такой идеал и такая вера в народе встречаются вместе с нищетою, доводящею его до отчаяния, тогда социальная революция неотвратима, близка, и никакая сила не может ей воспрепятствовать».³⁰

Спору нет, без определенной зрелости революционного сознания ни одна революция невозможна. Но ведь само революционное сознание есть производное от существующих социальных изменений, в конечном счете, экономических. Сводить же экономические причины лишь к нищете, значит оставаться на поверхности событий. (Достаточно поставить вопрос: разве самые бедствующие народы являются самыми революционными?)

Вот почему К. Маркс с полным правом мог заметить, что экономические условия революции для Бакунина не существуют. «Воля, а не экономические условия, является основой его социальной революции».³¹

4. Как же конкретно представлял себе М. А. Бакунин ход социальной революции? Революция, с его точки зрения, будет носить универсальный характер, т. е. она будет не национальной, а интернациональной, мировой. «Экономическая и социальная революция может осуществиться лишь переступив через искус-

²⁸ М. Бакунин, Избр. соч., т. 1, стр. 95.

²⁹ Ю. Стеклов, Указ. соч., т. III, стр. 472.

³⁰ М. Бакунин, Избр. соч., т. 1, стр. 95.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 615.

ственные и зловердные границы государства, путем солидарной деятельности всех, или по крайней мере, большей части наций, составляющих цивилизованный мир».³² Как можно видеть, в этом вопросе нет расхождений с марксистскими взглядами. Коренные расхождения наблюдаются в понимании самого характера революционного процесса. Для М. А. Бакунина революция прежде всего и главным образом — процесс универсального разрушения. «Не может быть революции без широкого и страстного разрушения, разрушения спасительного и плодотворного, потому что именно из него и, только посредством него, зарождаются и возникают новые миры».³³

Правда, сам М. А. Бакунин не раз сам писал о единстве процессов разрушения и творчества. Его любимым девизом были слова: «Дух разрушающий есть дух созидающий». (*Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust*). Из этих слов, пожалуй, можно сделать вывод, что мы имеем дело с пониманием диалектического соотношения разрушительной и творческой стороны революции. Но такое заключение, на наш взгляд, было бы поспешным. Анализ высказываний М. А. Бакунина не оставляет сомнений, что он фактически игнорирует творческую сторону. Игнорирование проявляется и в отсутствии сколько-нибудь ясного представления о возникающих после революции «новых формах свободной общественности»,³⁴ и в постоянном подчеркивании необходимости универсального разрушения (социальной ликвидации),³⁵ и в расчете на разбойничий мир как на один из главных элементов революции, и в стремлении дать простор дурным страстям и инстинктам народных масс, и, наконец, в постоянном отождествлении революции с бунтом. Недаром в «Катехизисе революционера» — этом сборнике основных принципов революционного действия анархизма — прямо говорится, что революционер «знает только одну науку — науку разрушения».³⁶

³² М. Бакунин, Избр. соч., т. III, стр. 139—140.

³³ Там же, т. I, стр. 90.

³⁴ Представления о будущем обществе сводятся, пожалуй, к повторяющемуся во многих работах тезису: «Будущая социальная организация непременно должна быть реализована по направлению снизу вверх, посредством свободной ассоциации или федерации рабочих, начиная с союзов, коммун, областей, наций и кончая великой международной федерацией». (М. Бакунин, Избр. соч. т. IV, стр. 259). Вряд ли этого плана достаточно для творческой созидательной революции.

³⁵ Отказ от разработки путей будущего развития М. А. Бакунин обосновывал, во-первых, тем, что народ мудр и сам стихийно определит эти пути, и, во-вторых, тем, что рассуждения о будущем вообще преступны, потому что «они мешают чистому разрушению, задерживают ход начала революции, и, следовательно, отдалают ее конец. Мы должны отдаться безраздельно разрушению, постоянному, безостановочному, неослабному, пока не останется ничего из существующих общественных форм для разрушения». (Цит. по Ю. Стеклову, Указ. соч., т. III, стр. 465).

³⁶ Там же, стр. 468.

5. Хотя революция должна осуществить тотальное разрушение, тем не менее, с точки зрения М. А. Бакунина, есть общественные институты, вредная роль которых столь велика, что их следует уничтожить немедленно раз и навсегда. Таким институтом является государство, поэтому первоочередная и главная задача революции состоит в уничтожении государства и всего того, что связано с ним. Ненависть и крайне отрицательное отношение анархистов к государству общеизвестны. Гораздо менее известно, на чем основывается эта ненависть. Поэтому было бы интересно обратиться к аргументам М. А. Бакунина, обосновывающим необходимость немедленного разрушения государства, как главную цель и смысл социальной революции.³⁷

Всякое государство, независимо от его формы, есть насилие, господство, а, следовательно, рабство и эксплуатация. Без рабства государство немыслимо. *Qui dit Etat dit domination et qui dit domination dit exploitation* (кто говорит государство, говорит господство, а кто говорит господство, говорит эксплуатация)

«Государство как это превосходно доказал Прудон, есть историческое освящение всех форм деспотизма, всех привилегий, политическая основа для всяких форм экономического и социального порабощения, сама сущность и центр всякой реакции»³⁸

Далее утверждается, что всякая власть, независимо от ее характера и социального содержания, действует развращающе как на правителей, так и на подданных.³⁹ Даже в том случае, когда к власти придут бывшие «работники», бывшие угнетенные, они, превратившись в правителей, «станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной; будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усомниться в этом, тот совсем не знаком с природой человека».⁴⁰

Итак, в самой природе человека лежит внутренняя порочность государственной власти.⁴¹ М. А. Бакунин формулирует

---

³⁷ «Торжество социальной революции» — это значит — «сокрушение всего, что называется государством» (М. Бакунин, Избр. соч., т. 1, стр. 79).

³⁸ Там же, т. IV, стр. 185.

³⁹ «Власть действует столь же развратительно на тех, кто облечен ею, сколько и на тех, кто принужден ей покоряться. Под тлетворным влиянием ее одни становятся честолюбивыми и корыстолюбивыми деспотами, эксплуататорами общества в свою личную или сословную пользу, другие — рабами». (Там же, т. 1, стр. 238).

⁴⁰ Там же, стр. 295.

⁴¹ «Природа человека, всякого человека, такая, что дайте ему власть над собою, он вас притеснит непременно, поставьте его в положение исключительное, вырвите его из равенства, он сделается негодяем. Равенство и безвластие, вот единственные условия нравственности для всякого человека. Возьмите самого яростного революционера и посадите его на всероссийский престол, или дайте ему власть диктаторскую и он через год сделается хуже самого Александра Николаевича». (Михаил Бакунин, Наука и насущное революционное дело, Вып. 1, 1870, стр. 17.)

даже универсальный социальный закон: «Человек политически или экономически привилегированный есть человек развращенный интеллектуально и морально. Вот социальный закон, не признающий никакого исключения, приложимый одинаково к целым нациям, классам, сообществам и индивидам».⁴² Поскольку зло и вредность государственной власти так тесно и непосредственно связано с природой человека, то конечная причина эксплуатации, по крайней мере политической, (а она, как это вытекает из бакунизма, представляет из себя главную пружину любого угнетения) по-видимому, лежит в самом человеке, в его социально-биологической сущности. Если это так, то вряд ли в каком-то обозримом будущем возможно представить себе такой общественный порядок, который был бы способен обеспечить свободу человека. Ведь в таком случае любое управление (а необходимость управления в безгосударственном строе признается М. А. Бакуниным)⁴³ фатально, независимо от социальной среды, содержит в себе возможность угнетения и подавления других людей. Иными словами, подобный тезис вступает в явное противоречие с главной целью и идеалом анархизма. С другой стороны, ссылка на человеческую природу, как на последнюю решающую инстанцию, кстати говоря, излюбленный прием утопического социализма, ничего в конечном счете не может объяснить, так как не разрешает вопрос, а отодвигает его.⁴⁴

Другие аргументы против государства говорят нам о том, что пока оно будет существовать должна остаться централизация, бюрократический аппарат, а, следовательно, управление меньшинства, стремящегося захватывать, покорять, душить, что государство неизбежно порождает нищету масс. Все это в итоге сводится к основному тезису: государство — абсолютное зло, пока оно будет существовать, народ не может быть свободен, он будет неизбежно находиться под властью привилегированного меньшинства, живущего за его счет и угнетающего его.

Бросается в глаза бедность аргументации М. А. Бакунина. Собственно говоря, абсолютное отрицание государства и связанных с ним политических отношений покоится на двух, в своей сущности, эмпирических фактах. Во-первых, на широко наблюдаемой в истории насильнической, угнетательской функции государства, и, во-вторых, на реально существующей в среде самых широких масс народа ненависти к государству, в первую оче-

⁴² М. Бакунин, Избр. соч., т. II, стр. 167.

⁴³ См. там же, стр. 24.

⁴⁴ «Ссылаться на человеческую природу — т. е. на природу человека вообще, взятого независимо от определенных общественных отношений, — значит покидать почву исторической действительности и опираться на отвлеченное понятие, а этот путь прямо ведет в утопию. И чем чаще наши авторы апеллируют к человеческой природе, тем яснее обнаруживают они перед нами утопический характер своих собственных теорий». (Г. В. Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 127).

редь, к исполнительному аппарату, который и осуществляет эту функцию. Названные два весьма важных факта должны были бы быть основой научного анализа причин существования таких социальных феноменов, раскрытия механизма их функционирования, понимания их социальной роли. Всего этого практически нет в трудах М. А. Бакунина и его последователей.

Таким образом, М. А. Бакунин и его ученики могут быть охарактеризованы как представители романтической критики государства. Подобно романтической критике вообще, они сильны, так сказать, в отрицательном плане, в показе антинародной, антигуманистической сущности эксплуататорского государства, в раскрытии его аморальной природы, в указании на необходимость уничтожения государства, в подчеркивании таких негативных сторон государства как бюрократизм, привилегии для меньшинства, злоупотребления властью, социальное неравенство, зависимость низших от высших и как следствие угодничество, раболепие и другие отвратительные моральные качества и т. д. Эта критика преимущественно носит моральный характер, что вообще присуще романтической критике.⁴⁵ Мы вовсе не хотим сказать, что подобная критика во всех отношениях неудачна. Наоборот, она дает очень и очень много ценного материала, без которого анализ социальных отношений не может быть полным, а привлечение к революционной борьбе сколько-нибудь широких масс вряд ли возможным. С этой стороны анархизм разделяет положительную сторону утопического социализма вообще (известно, как высоко оценивали критический аспект утопического социализма основоположники марксизма) Недостаток анархической критики государства в ее односторонности и поверхностности. Отсюда вытекает, между прочим, и неумение сформулировать, отвечающую реальной социальной обстановке, позитивную программу борьбы против эксплуататорского государства в революции. Более того, план немедленного уничтожения всякой государственной власти в ходе революции и отказ от использования ее в интересах революционного пролетариата, в случае его осуществления, неизбежно привел бы к поражению революции. Вот почему В. И. Ленин с полным основанием писал: «Анархистское представление об отмене государства путанно и *неревOLUTIONно* Анархисты именно революции-то в ее возникновении и развитии, в ее специфических задачах по отношению к насилию, авторитету, власти, государству видеть не хотят».⁴⁶

Необходимо отметить и другой позитивный момент во взглядах М. А. Бакунина и его последователей на революцию и госу-

---

⁴⁵ Романтика «вовсе не интересуется изучением действительного процесса и выяснением его; ему нужна лишь *мораль против этого процесса*». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 157).

⁴⁶ Там же, т. 33, стр. 63.

дарство. Они постоянно подчеркивали ту несомненно правильную мысль, что ни один революционер не в праве забывать об обязательности борьбы за ускорение процесса отмирания государства. На такой позиции всегда стояли подлинные марксисты. «Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как цели»⁴⁷, — отмечал В. И. Ленин. В этой связи нужно сказать, что многократно повторяющаяся критика Бакуниным марксистов за стремление увековечить государство явно бьет мимо цели.

6. Из рассмотрения М. А. Бакуниным причин революции непосредственно вытекает и его представление о тех социальных силах, которые могут быть субъектом революции, т. е. социальное положение которых делает их объективно и субъективно революционерами. Поскольку одной из важнейших, если не самой важной, причин революции является нищета и порожденное ею отчаяние, то совершенно логично заключить, что основной силой революции должен быть самый нищий, самый бедствующий слой народа. В зависимости от конкретных условий различных стран этот слой представлен разными социальными группами и классами. В отсталых, недостаточно капиталистически развитых странах, таких как Россия, Италия, Испания роль главной революционной силы М. А. Бакунин отводил крестьянству. В относительно развитых европейских странах эту роль, по его мнению, выполнит люмпен-пролетариат, понимаемый как вообще нищенский пролетариат, который резко противопоставляется так называемому привилегированному, т. е. относительно более имущему и культурному слою пролетариата. В нищенском пролетариате «и только в нем, отнюдь же не в буржуазном слое рабочей массы, заключается и весь ум, и вся сила будущей социальной революции»⁴⁸ Для обозначения этой главной «силы» и «ума» будущей социальной революции используются такие характеристики как «дикий зверь», «грубая, дикая сила», «дикий и голодный пролетариат», «чернорабочая чернь» и т. п. И это не полемические красоты, а достаточно яркое выражение сути концепции.

То, что эти слои народа рассматриваются как единственная революционная сила (о месте интеллигенции в теории революции М. А. Бакунина речь пойдет ниже), полностью согласуется с отождествлением революции и бунта, с выдвижением на первый план стихийных, разрушительных действий, с идеализацией эмоциональной, инстинктивной, а рациональной стороны народных движений. Вполне логично отсюда вытекает апологизация любого проявления активного протеста, лишь бы он носил характер бунта против существующей власти. Так, М. А. Бакунин

⁴⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 60.

⁴⁸ М. Бакунин, Избр. соч., т. 1, стр. 61.

истолковывал в революционном и даже социалистическом духе целый ряд крестьянских движений, которые носили прямо контр-революционный характер.⁴⁹

Но наиболее рельефно выступают внутренние слабости бакунинской концепции, ее полная оторванность от реальной жизни, в превращении разбойничьего, воровского мира чуть ли не в главный элемент предстоящей революции. «Разбойник в России — настоящий и единственный революционер, — революционер без фраз, без книжной риторики, — революционер непримиримый, неутомимый и неукротимый на деле, — революционер народно-общественный, а не сословный. Когда оба бунта, разбойничий и крестьянский, сливаются, порождается народная революция».⁵⁰ Хороша та революция, важнейшим элементом которой выступает уголовный мир. Трудно представить себе более нелепое сочетание. Но таков смысл концепции движущих сил революции Бакунина, доведенный до ее логических следствий.

Оценка М. А. Бакуниным движущих сил революции свидетельствует, что его концепция отражает особенности революций прошлого, которые сопровождались стихийными крестьянскими выступлениями, бунтами и войнами, но она практически не учитывает тенденций современного ему общественного развития (за исключением, пожалуй, одного пункта — возможности слияния крестьянского движения с пролетарским). Иными словами, она смотрит в прошлое, а не в будущее.

Из утверждения, что революция должна быть сделана руками необразованных, неграмотных, «диких» масс, вытекал и другой весьма странный, но логически неизбежный вывод, который коротко можно сформулировать так: недоверие и даже вражда к образованности и науке, антиинтеллектуализм. Действительно, анархистская всесокрушающая революция направлена против «буржуазно-образованного мира», поэтому она должна разрушить не только буржуазную эксплуатацию, но и основанную на ней буржуазную цивилизацию.

С другой стороны, типичное для анархизма своеобразное «обожествление» инстинктов, чувств и разума народных масс приводит М. А. Бакунина к парадоксальным утверждениям, что народу, готовящемуся к революции, наука вообще не нужна и учить его чему-либо не нужно. «Как ни огромно значение науки в послереволюционном будущем для народа, в настоящее время, т. е. для той революции, которая должна поставить его на ноги и дать ему действительную возможность учиться, она решительно не имеет для него ни малейшего смысла, просто для него не-

---

⁴⁹ См.: М. Бакунин, Избр. соч., т. IV, стр. 172.

⁵⁰ Цит. по Ю. Стеклову, Указ. соч., т. III, стр. 459—460.

доступна и ему не нужна».⁵¹ Народ лучше знает, что ему надо, его надо не учить, а бунтовать.

Нельзя не отметить, что в отношении к науке взгляды М. А. Бакунина крайне противоречивы. По-видимому, в этих противоречиях обнаруживается неразрешимый психологический конфликт между разумом образованного и культурного человека и чувствами и стремлениями бунтаря. Как культурный человек М. А. Бакунин ясно сознает значение науки — «разрушение науки было бы преступлением перед человечеством»,⁵² как бунтарь он проповедует «бунт жизни против науки». Как образованный человек, он прекрасно видит, что невежество народа есть одна из важнейших причин его порабощения, как бунтарь, преклоняющийся перед стихийностью народных выступлений, он считает, что народ учить нечему, что народ обладает практическим опытом, представляющим собою «своего рода традиционную науку, которая в известных отношениях стоит теоретической науки».⁵³ Как культурный человек, он советует молодежи учиться, быть много и хорошо знающими людьми, чтобы использовать свои знания для революции, как бунтарь, ставящий своей целью немедленную революцию, он требует от той же молодежи бросать учебу, университеты, академии, школы и идти бунтовать народ.

Хотя бакунинская критика официальной науки содержит некоторые позитивные моменты, в целом она несомненно носит реакционный характер, поскольку отражает реакционные стороны, неизбежно присутствующие в крестьянских и мелкобуржуазных массовых движениях. Антиинтеллектуализм, широко распространенный и в массовых движениях XIX столетия, есть прямое выражение их мелкобуржуазного характера. Реакционный характер антиинтеллектуализма виден хотя бы из того факта, что им широко пользовались и пользуются самые черносотенные представители правящих классов для травли прогрессивной интеллигенции, студенчества и разложения революционного движения. Здесь, как это часто бывает, крайности сходятся.

Отлучение науки от революции, фактический отказ от научного анализа условий ее развития и перспектив будущего — еще одно свидетельство слабости и направленности в прошлое бакунинской теории революции.

7 Но не на всю интеллигенцию — носительницу буржуазной цивилизации, кладет М. А. Бакунин крест. Та часть интеллигенции, в особенности молодой, которая смело рвет с буржуазным мировоззрением и бытом, которая идет в народ с твердым намерением его бунтовать, играет в бакунинской модели револю-

⁵¹ М. Бакунин, Наука и насущное революционное дело, стр. 1.

⁵² М. Бакунин, Избр. соч., т. II, стр. 197.

⁵³ Там же, стр. 202.

ции весьма существенную роль. Ведь перед ней стоит задача организовать, именно организовать, революцию.

Как же сочетать постоянные утверждения о стихийности, неорганизованности, анархичности революционного процесса с тезисом о необходимости его организовать? Вот что мы читаем в «Программе международного социалистического альянса», составленной М. А. Бакуниным: «Общество исходит из убеждения, что революция никогда не делается личностями или даже подпольными организациями. Они происходят как бы сами собой, вызванные силой вещей, ходом событий и фактов. Все, что может сделать хорошо организованное тайное общество, это, во-первых, помочь рождению революции, распространяя в массах идеи, соответствующие их инстинктам, и организовать — не революционную армию, ибо армией должен быть всегда народ, а нечто вроде революционного главного штаба, составленного из лиц преданных, энергичных, разумных и в особенности искренних, а не честолюбивых и тщеславных, друзей народа, способных служить посредниками между революционной идеей и народными инстинктами».⁵⁴ Этот штаб должен состоять из небольшого количества людей — даже на большую страну достаточно двух-трех сотен.

Итак, бакунинская модель анархистской стихийной революции оказывается в конечном счете не столь уж и стихийной и анархической. Она никак не может обойтись без ненавистой анархистам организации. И это понятно, ибо ни одно настоящее революционное движение не может обойтись без организации, без руководства и направления. В противном случае оно способно привести только к стихийным бунтарским выступлениям, которыми легко могут воспользоваться контрреволюционные элементы в своих реакционных целях. Поскольку М. А. Бакунин, как последовательный революционер, серьезно относился к революции, он не мог не стремиться к созданию революционного руководства, тайной организации, даже, вступая в определенном отношении в противоречие с основными принципами своей теории.

Бакунинская тайная организация построена на началах строгого централизма, она имеет иерархическую структуру, подразделяет революционеров на высшие и низшие разряды. В период революции эта организация выступает в качестве «незримой диктатуры», руководя массами без их ведома и согласия, действуя скрытно и тайно. Нельзя не видеть, что подобная структура противоречит таким основополагающим принципам анархизма, как полная свобода личности, нестесняемая никакими рамками внешнего принуждения, как принцип равенства и полного доверия к самостоятельному творчеству масс.

Сформулировав, по-существу, расходящийся с анархизмом

⁵⁴ Ю. Стеклов, Указ. соч., т. III, стр. 70—71.

тезис о необходимости в целях подготовки и проведения революции иметь дисциплинированную и хорошо сознающую свои цели организацию, М. А. Бакунин, именно потому что он был анархистом, свел ее задачи почти исключительно к заговору. Он яростный противник политической партии, как и вообще политической борьбы. Тайная организация должна вести пропаганду в массах и организовывать «прямые действия»⁵⁴ (*action directe*) — восстания, бунты и т. п. акции, которые должны побуждать народ к революции. Между прочим, анархисты — последователи М. А. Бакунина возвели «прямые действия» в свой главный метод. Вот весьма характерное высказывание одного из теоретиков русского анархизма А. Борового: «Революционаризм, в противоположность так называемой «реальной политике», отпавляющейся от соотношения «реальных» сил, есть метод дерзаний, есть прямое нападение на окружающую среду. В большинстве случаев, особенно в эпохи политических кризисов, точный учет сил бывает невозможен. значительная часть реальных сил всегда находится в потенциальном состоянии. В них надо разбудить скрытую энергию, надо вызвать к жизни дремлющие силы. Раскрепощение человеческой личности знаменуется переходом ее к методу «прямого воздействия», революционному методу, немедленному утверждению в жизни своей творческой воли. Революционный метод становится единственно возможной, единственно нравственной формой человеческой деятельности».⁵⁵

Такой революционаризм исходит из наивной веры, что массы всегда готовы к выступлению, что условия для революции всегда налицо, что костер полностью готов и надо лишь поднести спичку, чтобы он вспыхнул. Увы, действительность оказывается намного сложнее подобных проектов. И отказ от научного анализа объективных и субъективных предпосылок революции, полное игнорирование того факта, что лишь из революционной ситуации вырастает революция, может только нанести (и в действительности нанес) колоссальный ущерб революционному движению.

---

⁵⁴ В. И. Ленин характеризовал анархический метод мышления, как слепую веру «в чудодейственную силу всякого *action directe*; выхватывание этого непосредственного воздействия «из общей социально-политической конъюнктуры без малейшего ее анализа» (Полн. собр. соч., т. 17, стр. 190—191). Идея «прямого действия» или «пропаганды действием» принадлежит Бакунину, но сам термин введен его учениками. Ю. М. Стеклов пишет в связи с этим: «Впервые эта знаменитая формула появилась в печати в июне 1877 г., когда «Бюллетень Юрской федерации» возвестил предстоящую лекцию Косты на тему: «Пропаганда фактом» (*Propagande par le fait*). Но тактика эта задолго до того была уже сформулирована Бакуниным и итальянскими бакунистами применительно к социально-политическим условиям крестьянских и ремесленных стран». (Ю. М. Стеклов, Первый Интернационал, М.—Л., 1923, стр. 358).

⁵⁵ А. Боровой, Анархизм, М., 1918, стр. 101 и 103.

Таким образом, и в этом пункте бросается в глаза сходство анархизма с утопическим социализмом,⁵⁶ и его ориентированность на активизм и заговорщичество, свойственное революционерам прошлого.

8. Нетрудно видеть связь тактики «прямого действия» и заговора с полным отрицанием необходимости политической борьбы и политической революции. Известно, что это отрицание — один из краеугольных камней всего анархизма. В бакунинской теории революции аполитизм особенно отчетливо выступает в вопросе о соотношении социальной и политической революции.

Поставленный еще в конце XVIII и начале XIX века этот вопрос был, пожалуй, в центре внимания всех революционных теорий прошлого столетия. И это неслучайно. В нем как в фокусе сходятся различные проблемы социальной революции. В то же время его решение весьма отчетливо выражает классовую позицию, которую занимают защитники той или другой теории революции.

Во второй половине XIX века можно, на наш взгляд, достаточно четко выделить три решения проблемы взаимосвязи политической и социальной революции, соответствующие трем основным классовым силам, так или иначе принимающим участие в революционной борьбе. Три классовые силы — это буржуазия, мелкая буржуазия и пролетариат.⁵⁷ Три решения проблемы: буржуазные революционеры — сторонники политической революции; мелкобуржуазные радикальные революционеры — сторонники социальной революции; пролетарские революционеры — сторонники единства (но не тождества) политической и социальной революции. (Речь, естественно, идет о тех теориях, которые так или иначе признавали неизбежность революции)

Типичным представителем мелкобуржуазного радикального революционаризма был М. А. Бакунин. Прежде чем перейти к характеристике его взглядов на соотношение политической и социальной революций, отметим одно важное обстоятельство. Сама проблема этого соотношения имеет, по крайней мере, два основных аспекта. Первый — политическая и социальная революции, как два различных по своему характеру, а, следовательно, и по своим задачам, преобразования, иными словами, различие буржуазно-демократической и социалистической революций, сюда же относится проблема соотношения демократических и социалистических задач; второй — непосредственные политические задачи, которые решает революция, ее отношение к госу-

---

⁵⁶ «Проповедь и пример — альфа и омега старых утопистов и анархистов». (В. С. Базаров, Анархический коммунизм и марксизм, Спб, 1906, стр. 30).

⁵⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 257—267. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 231.

дарству, иными словами, политические задачи социальной революции.

Рассмотрим как обстоит дело с указанными аспектами в бакунинской теории революции. Вначале нужно отметить резкую и справедливую критику М. А. Бакуниным буржуазного революционизма с его стремлением ограничить революцию лишь завоеванием политических свобод, с его попытками устранить народные массы от революционной борьбы под лозунгом «все для народа, ничего посредством народа». «Когда строят план невинной революции, имеющей вполне определенную цель заменить существующую власть новой, необходимо сохранить во что бы то ни стало пассивность масс, которые не должны потерять драгоценную привычку повиноваться, и хорошее настроение и спокойствие буржуа, которые не должны переставать командовать и господствовать. Следовательно, нужно избегать во что бы то ни стало экономического и социального вопроса».⁵⁸

М. А. Бакунин хорошо видел, что буржуазная (политическая) революция не освобождает трудящихся, что она сохраняет и поддерживает «все священные основы современного общества, все эти экономические и юридические институты, необходимым следствием которых является действительное рабство народа».⁵⁹ Видел он и социальный смысл буржуазных политических свобод. Но выводы, которые были сделаны из правильной констатации поражают своей категоричностью, крайним радикализмом и полным отсутствием исторической точки зрения. Раз политическая революция носит буржуазный характер, то она должна быть совершенно отвергнута, и вообще должно быть отвергнуто «всякое политическое действие не имеющее непосредственной и прямой целью торжество рабочего дела над капиталом».⁶⁰ Раз политическая революция не приводит к немедленному экономическому освобождению работников, то всякая политическая борьба на руку только буржуазии, народу же она может принести только вред. Отсюда вытекает, что никакой другой политики кроме буржуазной вообще быть не может, всякая «политика, которая предшествует социализму и которая ведется, стало быть, вне его, т. е. против него, может быть исключительно буржуазной».⁶¹ Значит, все то, что вне социализма — против него.

Практически это означает полный отказ от борьбы за реформы, за улучшение положения рабочего класса в рамках капитализма, бойкот всех демократических сил и движений, отказ от участия в буржуазно-демократической революции, наконец, отказ от создания политической партии пролетариата. Вот с та-

---

⁵⁸ М. Бакунин, Избр. соч., т. V, стр. 169.

⁵⁹ М. Бакунин, Избр. соч., т. II, стр. 45.

⁶⁰ Цит. по.: Ю. М. Стеклов, Первый Интернационал, стр. 183.

⁶¹ М. Бакунин, Избр. соч., т. V, стр. 17

кой программой М. А. Бакунин и его последователи выступили против марксистов и потерпели полное поражение. История показала насколько слабой, нереалистической и практически вредной оказалась эта анархистская программа. С другой стороны, марксистские положения о том, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, что без борьбы за демократию невозможна борьба за социализм,⁶² что возможности превращения революции в перманентную революцию требуют самого активного участия пролетариата в буржуазно-демократическом преобразовании, выдержали историческую проверку.

Перейдем к рассмотрению другого аспекта проблемы. Здесь речь пойдет уже не о различных по характеру своему революциях, а о двух сторонах одной и той же революции, призванной осуществить социализм, о политической и социальной ее стороне. С точки зрения К. Маркса, высказанной им еще в 1845 г., всякая социальная революция является в то же время политической, а сколько-нибудь глубокая политическая революция не может не быть социальной. Это общая особенность всех социальных революций, включая и социалистическую. Но такое единство социального и политического переворота не означает их тождества. Выполнение политических задач социалистической революции — установление диктатуры пролетариата, по Марксу, — необходимое условие осуществления ее социальных задач.

На совершенно других позициях стоял М. А. Бакунин. В «Государственности и анархии» он пишет, что нельзя себе представить социальный переворот без политического, как и, наоборот, ибо «оба переворота идут рука об руку и в сущности составляют одно».⁶³ Казалось бы, между этим положением и вышеприведенным тезисом К. Маркса нет разницы. Но это не так. М. А. Бакунин отстаивает тот взгляд, что политический и социальный переворот полностью сливаются, что они тождественны и вообще нет смысла их отличать. «Политическая революция не должна быть ничем иным, как только немедленным и прямым осуществлением полной и всецелой социальной ликвидации».⁶⁴

Таким образом, политическая революция не имеет никаких самостоятельных задач, кроме одной отрицательной, сводящейся к полному и немедленному разрушению государства со всеми

---

⁶² «Было бы коренной ошибкой думать, что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 253.)

⁶³ М. Бакунин, Избр. соч., т. 1, стр. 36.

⁶⁴ М. Бакунин, Избр. соч., т. IV, стр. 17.

его атрибутами. «Политическая революция, происходящая одновременно с социальной революцией и действительно неотделимая от нее, являющаяся, так сказать, ее отрицательным выражением или проявлением, будет уже не преобразованием, а грандиозной ликвидацией государства и радикальным уничтожением всех политических и юридических институтов .»⁶⁵

С этих позиций М. А. Бакунин подвергает резкой критике марксистскую идею диктатуры пролетариата. Критика эта опирается на рассмотренный выше метафизический принцип, считающий любое государство, любую власть абсолютным злом, и она полностью игнорирует идеи К. Маркса о новом типе государства, которое, так сказать, запрограммировано на самоуничтожение.

Внутренняя порочность бакунинской концепции политической и социальной революции состоит в ее абсолютной неконструктивности, по этой причине она вообще не может служить каким-либо руководством к действию. Интересно наблюдать как М. А. Бакунин вынужден смягчать свои принципы, когда дело доходило до конкретных советов революционерам в преддверии революции. Мы уже выше упоминали о противоречиях, возникших в связи с проблемой революционной организации. А в «Письме к французу» речь идет, не больше не меньше, как о революционной власти. «Что же должны делать революционные власти — спрашивает М. А. Бакунин, правда, добавляя при этом, что их должно быть как можно меньше, — что должны они делать, чтобы расширить и организовать революцию? *Они должны не сами делать ее, путем декретов, не навязывать ее массам, а вызывать ее в массах. Они должны не навязывать им какую-нибудь организацию, а, вызвав их автономную организацию снизу вверх, под сурдинку действовать, при помощи личного влияния, на наиболее умных и влиятельных лиц каждой местности, чтобы эта организация насколько возможно отвечала нашим принципам. — Весь секрет нашего торжества в этом*».⁶⁶ В этом организационном плане мы встречаемся с такими отнюдь не анархистскими атрибутами, как революционная власть, организация революции, автономная организация, влиятельные (авторитетные) лица. Разве меняет дело, что навязывание массам «автономной организации» происходит «под сурдинку»?

Если сам М. А. Бакунин не всегда мог следовать своим принципам, то что говорить о его учениках. Попытка сколько-нибудь серьезного осуществления на практике революционной борьбы бакунинского аполитизма потерпела полный провал. Об этом свидетельствует деятельность анархистов в испанской революции,⁶⁷ провал так называемых Болонской и Беневетской попы-

⁶⁵ Цит. по.: Ю. Стеклов, Указ. соч., т. III, стр. 228.

⁶⁶ М. Бакунин, Избр. соч., т. IV, стр. 177.

⁶⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 457—474.

ток (попытки поднять анархистское восстание в различных частях Италии в 1874 и 1877 гг.), а также постепенный отказ от аполитизма значительной части русских революционеров — бунтарей 70-х гг и распространение среди них идеи о необходимости политического переворота.⁶⁸

Эти факты лишний раз свидетельствуют о том, что анархисты, говоря словами Г. В. Плеханова, отрицают «созидающую роль государства в социалистической революции именно потому, что не понимают задач и условий этой революции».⁶⁹

9. Как было отмечено в начале статьи, все теории революции ставили перед собой задачу найти истинные пути освобождения человеческой личности, пути снятия всех форм отчуждения человека. Найти пути освобождения человека, обеспечения его свободного развития — таков исходный пункт и главная цель теории революции М. А. Бакунина. «Уважение человеческой личности есть высший закон человечества великая настоящая цель истории, единственная законная, это — гуманизация и эмансипация — очеловечение и освобождение, реальная свобода, реальное благосостояние, счастье каждого живущего в обществе индивида».⁷⁰ Но человек никогда не живет вне общества, ибо вне общества он остался бы только диким животным. «Человек становится человеком и достигает как сознания, так и осуществления своей человечности лишь в обществе и лишь коллективной деятельностью всего общества». Поэтому, утверждает М. А. Бакунин, — «я могу назвать себя и чувствовать себя свободным лишь в присутствии и по отношению к другим людям».⁷¹ Исходя из этого, он отвергает точку зрения идеализма, согласно которой человеческий индивид остается свободным лишь вне общества, и противопоставляет ей выводы материализма, «которые согласно с тем, что происходит в реальном мире, выставляют индивидуальную свободу людей, как необходимое следствие их коллективного развития человечества».⁷² С другой стороны, «коллективная свобода и благосостояние реальны лишь тогда, когда они представляют собою сумму индивидуальных свобод и процветаний».⁷³

---

⁶⁸ В отличие от бакунистов народовольцы «положительно решали вопрос об использовании государства в целях подготовки революции, выдвинув лозунг политической борьбы с правительством за демократизацию существующего строя, как самостоятельную задачу революционной борьбы». В. А. Твардовская, Проблема государства в идеологии народничества (1873—1883). «Исторические записки», т. 74, 1963, стр. 185.

⁶⁹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. I, 1920, стр. 110.

⁷⁰ М. Бакунин, Избр. соч., т. II, стр. 196.

⁷¹ Там же, стр. 264.

⁷² Там же, стр. 263.

⁷³ М. Бакунин, Избр. соч., т. II, стр. 196.

Все эти положения, если отбросить несколько телеологический способ выражения, безусловно справедливы. Нельзя не увидеть в них повторение важного тезиса Маркса и Энгельса из «Манифеста Коммунистической партии», отмечающего, что коммунизм это такое общество, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». В то же время они показывают насколько коллективист и материалист Бакунин стоит выше индивидуалиста и идеалиста Штирнера и многих других, похожих на него в этом пункте, философов. Но последнем за Бакуниным дальше. Хотя свобода есть «настоящая цель истории», но до сих пор человечество находилось под гнетом какой-либо безжалостной абстракции: бога, отечества, могущества государств, национальной чести, прав исторических, прав юридических, политической свободы, общественного блага».⁷⁴ Абстракции потому, что за всеми этими идеями и институтами полностью исчезает реальная жизнь, реальный и живой человеческий индивид, пропадают миллиарды людей, составляющие «живой и страдающий материал истории»

Среди всех абстракций, отвергающих и попирающих человеческую личность, наиболее зловещую роль играет, по мнению М. А. Бакунина, государство. Именно оно — «самое вопиющее, самое циническое и самое полное отрицание человечества».⁷⁵ Оно не только подавляет и порабощает человеческую личность, но и морально ее растлеывает, заставляя совершать преступные дела под флагом патриотизма и государственного интереса. Яркое раскрывающая антигуманистическую, аморальную природу эксплуататорского государства, М. А. Бакунин пишет: «Вся история древних и современных государств является лишь рядом возмутительных преступлений; короли и министры в прошедшем и настоящем, во все времена и во всех странах, государственные люди, дипломаты, бюрократы и военные являются, если их судить с точки зрения простой морали и человеческой справедливости, достойными сто раз, тысячу раз виселицы или каторги; ибо не существует ужаса, жестокости, святотатства, клятвопреступления, обмана, низкой сделки, цинического воровства, бесстыдного грабежа и грязной измены, которые бы не совершались, которые бы не продолжали ежегодно совершаться представителями государств, без всякого другого извинения, кроме эластичного, столь удобного и вместе с тем столь страшного слова: государственный интерес».⁷⁶

Анализ работ М. А. Бакунина не оставляет сомнений, что главным и самым непосредственным врагом человеческой личности в них выступает именно государство. Что касается других

⁷⁴ Там же, стр. 197.

⁷⁵ Там же, т. III, стр. 190.

⁷⁶ М. Бакунин, Избр. соч., т. III, стр. 191.

видов угнетения и, в первую очередь, экономического, то им уделяется несравненно меньшее место и значение. Так, от констатации тотального отчуждения Бакунин переходит в сферу, по-существу, лишь политического отчуждения.

Это сужение проблемы неизбежно накладывает свой отпечаток на решение вопроса об освобождении личности. Оно приводит к тому, что несомненно важная проблема снятия политического отчуждения в ходе социальной революции повисает в воздухе, не будучи подкреплённой изучением конкретных путей ликвидации других форм отчуждения. Остается совершенно неразработанным, как и во всем бакунизме, конструктивный аспект проблемы. Идеал «автономной личности в автономной общине» не только расходится с тенденциями технологического и научного развития, но и противоречит утверждениям самого М. А. Бакунина, согласно которым полное развитие человеческих способностей может быть обеспечено «лишь коллективным материальным и интеллектуальным, мускульным и нервным трудом целого общества».⁷⁷ (подчеркнуто нами. Р. Б.)

С другой стороны, сосредоточение огня против государства связано с полным отрицанием (правда, далеко непоследовательным) всех форм власти и выдвиганием на первый план неограниченной свободы человека, заключающейся в том, «чтобы не повиноваться никакому другому человеку и руководствоваться в моих действиях лишь моими собственными убеждениями».⁷⁸

Такая полная свобода в обществе, как это многократно показано, в принципе невозможна. В революции, которая обязательно требует организации, ее сторонникам делать нечего, в этом, собственно, убедился и сам Бакунин, о чем уже шла речь выше. Здесь хотелось бы обратить внимание и на другую сторону дела. В революционной борьбе проповедь неограниченной свободы, доведенная до своего логического завершения, как это не парадоксально, превращается в требование совершенно противоположного свойства. Носители неограниченной свободы — руководители и организаторы революционной борьбы — оказываются «свободными» подавлять свободу других людей, совершенно игнорировать их права, они считают себя «свободными» от общепринятых моральных норм, берут себе на вооружение обман и клевету, становятся по ту сторону добра и зла. И все это ради достижения революционных целей. Если к этому добавить обстановку, в которой «разнузданы дурные страсти» (одно из требований бакунизма), то возникает ситуация, где ни о каком преодолении отчуждения говорить не приходится, ситуация, названная К. Марксом «казарменным коммунизмом».

---

⁷⁷ Там же, т. II, стр. 267.

⁷⁸ М. Бакунин, Избр. соч., т. II, стр. 266.

Обрисованная возможность не остается лишь логическим следствием из ошибочных посылок. История революционного движения XIX и XX века знает примеры подобных превращений. Да и в самой практической деятельности Бакунина есть период, который подтверждает, что отмеченное превращение отнюдь не является только гипотетическим. Вспомним его активное участие в авантюристических предприятиях Нечаева. В документах, составленных самим М. А. Бакуниным (или, по крайней мере, при его самом деятельном участии), встречаются такие поучения: «Яд, нож, петля и т. п.! Революция все равно освящает в этой борьбе Жертвы указываются нескрываемым народным негодованием! Это назовут терроризмом! Этому дадут громкую кличку! Пусть, нам все равно!». ⁷⁹ В «Катехизисе революционера» мы читаем: «с целью беспощадного разрушения революционер может и даже часто должен жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть». ⁸⁰ И эти иезуитские средства рекомендуются использовать в революционной борьбе, имеющей цель освобождение человеческой личности и ликвидацию всякой форм отчуждения! ⁸¹ Конечно, такими методами достичь такой цели невозможно, ибо «цель, для которой требуются неправомерные средства, не есть правая цель». ⁸²

К чести М. А. Бакунина надо сказать, что он, решительно порвав с Нечаевым, в дальнейшем высказывался совершенно в противоположном смысле. «На иезуитском мошенничестве ничего живого, крепкого не построишь революционная деятельность ради самого успеха своего дела должна искать опоры не в низких и подлых страстях без высшего, разумеется, человеческого идеала, никакая революция не восторжествует». ⁸³ И в другом месте: «Народа никогда и ни под каким предлогом и для какой бы то ни было цели обманывать не следует. Это было бы не только преступно, но и в видах достижения революционного дела вредно .» ⁸⁴

Теория революции М. А. Бакунина, рассмотренная нами в ее основных чертах, весьма рельефно выражает и определенный этап революционного движения XIX века и известные социально-психологические особенности огромной массы революционного крестьянства, мелкобуржуазных слоев города и мелкобур-

---

⁷⁹ Ю. Стеклов, Указ. соч., т. III, стр. 465.

⁸⁰ Там же, стр. 470.

⁸¹ Подробнее о «нечаевщине» см.: Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак, Нечаевщина и ее современные буржуазные «исследователи». «История СССР», 1960, № 4; так же, Юрий Карякин, Антикommунизм, Достоевский и «достоевщина». «Проблемы мира и социализма», 1963, № 5.

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 65.

⁸³ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906, стр. 455.

⁸⁴ «Революционное народничество 70-х годов XIX века», стр. 48.

жуазного пролетариата (т. е. такого слоя пролетариата, который по своему генезису, взглядам, ценностям, обычаям еще тесно связан с мелкобуржуазным миром), составляющих в революционных движениях конца XIX и XX веков наиболее значительную (по крайней мере, количественно) силу. «В отличие от марксизма, представляющего идеологию развитого пролетариата крупной промышленности и пытающегося выражать общие интересы рабочего движения в целом, бакунизм является идеологией, в которой смешаны были стихийные порывы обездоленного люмпен-пролетариата и смутные стремления крестьянства отсталых стран, только начавших вступать в полосу капиталистического развития».⁸⁵

Как последовательный и страстный революционер М. А. Бакунин посвятил себя борьбе за революцию против мира угнетения и привилегий, как гуманист и защитник страдающего человечества он боролся за свободу человеческой личности, как неутомимый борец он будил в людях чувство протеста против социального неравенства, обмана и несправедливости. Но как мелкобуржуазный идеолог он смотрел не вперед, а назад, в сущности, тащил революционное движение к уже пройденным этапам борьбы, пытался привить, как хорошо сказал Ю. М. Стеклов, *«организационные формы первичных буржуазно-демократических, революционных и национальных движений заговорщического типа к массовому политическому движению современного социалистического пролетариата»*.⁸⁶

Поскольку классовая база, которая порождает и воспроизводит анархистские идеи и практические программы, существует до сих пор, то не приходится удивляться, что многие идеи бакунинской теории революции продолжают жить в революционных движениях разных частей мира и сегодня. Они находят свое выражение во взглядах многих современных революционных деятелей. Такие черты анархистской доктрины, как убежденность в постоянной готовности народных масс к немедленной революции, как тактика «прямого действия», как недоверие к развитым и высокооплачиваемым слоям пролетариата и ориентировка на нищие и обездоленные его слои, как антиинтеллектуализм, как отрицательное отношение к реформам, как одобрение всякого бунтарского выступления независимо от его объективной роли, как политический дилетантизм — нетрудно встретить в наши дни. Актуальность изучения бакунизма в этой связи не подлежит сомнению.

В заключении приведем совершенно правильную, на наш взгляд, оценку деятельности М. А. Бакунина, данную в юбилейной статье Н. Ю. Колпинского и В. А. Твардовской, оценку, ко-

⁸⁵ Ю. Стеклов, Первый Интернационал, стр. 290.

⁸⁶ Ю. Стеклов, М. А. Бакунин, т. I, стр. 351.

торая относится и к его теории революции: «М. А. Бакунин принадлежит к тем историческим личностям, деятельность которых трудно оценить какой-либо однозначной формулой, выделив в ней только положительные или только отрицательные стороны Бакунина, быть может, наиболее рельефно выразил природу «двуликого Януса» — мелкого производителя, ненавидящего старый мир угнетения и эксплуатации и вместе с тем связанного с ним множеством нитей».⁸⁷

Поступила в редакцию 9 сентября 1968 г.

---

⁸⁷ Н. Ю. Колпинский, В. А. Твардовская, Бакунин в русском и международном освободительном движении. «Вопросы истории», 1964, № 10, стр. 95.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Л. Н. Столович

История эстетической мысли и ее современное развитие выдвигает разнообразные концепции сущности и значения эстетического воспитания. Это различие во взглядах, а подчас их полярная противоположность, обусловлены многими социальными и гносеологическими факторами. Последние, как нам представляется, заключаются в трудности постижения сущности эстетического воспитания, которая является диалектически противоречивой.

В наиболее общем виде эстетическое воспитание можно рассматривать как формирование определенного эстетического отношения человека к миру. Из такого понимания природы эстетического воспитания вытекают его две основные функции.

С одной стороны, в процессе эстетического воспитания формируется *определенно-направленное* эстетическое отношение человека к природной и общественной действительности. Это осуществляется главным образом благодаря тому, что у индивида вырабатывается в той или иной мере осознанная ориентация в мире эстетических ценностей. Личность приобщается к эстетическим ценностям, образовавшимся в определенной социальной среде. И с точки зрения этой социальной среды она может считаться «эстетически воспитанной», если ее эстетические восприятия и переживания прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического будут соответствовать представлениям о характере этих эстетических ценностей, выработанных в данном конкретном обществе. И напротив, совершенно нетерпимым кажется такое отношение человека к эстетическим ценностям, которое можно было бы назвать «эстетическим дальтонизмом», когда прекрасное воспринимается как безобразное, безобразное переживается как прекрасное, трагическое вызывает комическую реакцию и т. п. Важнейшим средством формирования такого рода ценностной ориентации становится искусство, поскольку оно отражает жизненные явления,

эстетически оценивая их с точки зрения определенного идеала. По словам Аристотеля, привычка «испытывать горестное или радостное настроение при восприятии того, что подражает действительности, ведет к тому, что мы начинаем испытывать те же чувства и при столкновении с житейской правдой»¹.

Но этим не исчерпываются задачи эстетического воспитания. С другой стороны, в нем формируется и развивается эстетическое *отношение* человека, сама его способность эстетического восприятия и переживания, его эстетический вкус, идеал, способность к творчеству эстетических ценностей в искусстве и вне его (в любой сфере трудовой деятельности, в быту, в поступках и в поведении).

Таким образом, эстетическое воспитание обладает двумя сторонами, составляющими единство противоположностей: оно определяет эстетически-ценностную ориентацию человека, и оно развивает его эстетически-творческие способности. Это основное противоречие эстетического воспитания в различных общественно-исторических системах выражается по-разному. Поэтому и в эстетике на первый план может выступать то одна, то другая сторона противоречия. В истории идей эстетического воспитания мы встречаем две концепции, строящиеся на абсолютизации одной из этих сторон. Примером одной из такого типа концепций является учение Платона об эстетическом воспитании. Примером другой — определение задач эстетического воспитания, вытекающее из эстетической теории Канта.

Несомненно ценным представляется утверждение Платоном огромного значения эстетического воспитания, которое он связывает с другими видами воспитательной деятельности. По его мнению, «музыкальное искусство нельзя понять без всего в совокупности воспитания»². Эстетическое воспитание, с платоновской точки зрения, воздействуя на личность человека в целом, определяет его нравственное сознание. Платон впервые поставил вопрос о государственной организации дела эстетического воспитания.

Однако конкретная характеристика этой организации опирается как на учение Платона о прекрасном, так и на социальную сущность его политического идеала. Исходя из принципа: «Люди в большей своей части куклы и лишь чуть-чуть причастны истине»³, античный мыслитель моделирует такую систему эстетического воспитания, которая требует жесточайшей регламентации художественного творчества и выражает крайний антидемократизм. Воспитание набожности, верности богам, а посредством этого всем порядкам в освящаемом ими государ-

¹ Аристотель, Политика, М., 1911, стр. 366.

² Платон, Законы. — Творения, т. XIII, Пб., 1923, стр. 38—39.

³ Платон, Законы. — Творения, т. XIV, Пб., 1923, стр. 23.

стве, — таково основное направление воспитательного воздействия, предписываемого искусству. Поскольку толпе не доступно знание идеи Красоты, то все руководство воспитанием средствами искусства возлагается на правящую касту, которая должна изгнать из идеального государства «подражательное» искусство — искусство, отражающее действительность. Платон полагает, что человек непосредственно подражает тому, что изображено, и потому искусство не должно изображать «ничего безнравственного, постыдного, низкого и непристойного»⁴. Художникам предписываются сюжеты со счастливым концом, когда порок наказан, а добродетель торжествует. Во имя воспитательного значения искусства порицается выражение в нем скорби и смеха. Музыка предписываются определенные лады и ритмы и даже инструменты. Изгнание — самый лучший способ избавиться от тех, кто не желает «творить надлежащим образом». Любопытно отметить, что Платон сам отлично понимает неизбежную коллизию между нравственной и эстетической функцией насаждаемого им искусства и последовательно вторую приносит в жертву первой: «Никто не осмелится воспевать не одобренную решением законохранителей Музу, даже если он будет петь слаще Фамира или Орфея»⁵.

Итак, по Платону эстетическое воспитание преследует только одну цель — всецело подчиняется нравственному воспитанию в определенном духе, т. е. не ставит перед собой иной задачи, кроме направления ценностной ориентации индивида в интересах некоей общественной целостности. Задача же развивать творческие потенции личности даже не могла быть поставлена Платоном, потому что, по его мнению, художественное творчество — сверхчеловеческая способность. Платон, пожалуй, впервые высказывает мысль о том, что искусство, отражающее жизнь, формирует многосторонне развитого человека. Но именно поэтому такое искусство неприемлемо для его идеального государства («у нас человек не двойтся и не развлекается многими делами, а делает каждый одно»⁶)

Хотя Кант не считал суждение вкуса познавательным суждением, основой эстетического удовольствия, по его теории, является «свободная игра» и гармония познавательных способностей человека — рассудка и воображения при суждении о прекрасном, разума и воображения при представлении о возвышенном⁷

Спонтанность в действии познавательных способностей «со-

---

⁴ Платон, Политика или государство. — Сочинения, ч. III, Спб., 1863, стр. 172.

⁵ Платон, Законы. — Творения, т. XIV, стр. 53.

⁶ Платон, Политика или государство. — Сочинения, ч. III, стр. 164.

⁷ См.: Иммануил Кант, Критика способности суждения, — Сочинения в шести томах, т. 5, М., 1966, стр. 219.

действует восприимчивости души к моральному чувству»⁸ Поэтому развитие культуры познавательных способностей и морального чувства способствует эстетическому мировосприятию, а культура душевных сил рассматривается Кантом как пропедевтика ко всякому изящному искусству. С другой же стороны, изящные искусства, также, как и науки, делают людей более цивилизованными и подготавливают их тем самым «к такому устройству, при котором властвовать должен только разум»⁹

Исходя из эстетической теории Канта и развивая ее, Фридрих Шиллер усматривал в эстетическом воспитании единственное средство восстановления утраченной в современном обществе целостности человеческой личности. Только искусство должно, по эстетическому учению немецкого поэта и мыслителя, опять воссоединить чувство и разум, наслаждение и труд, усилие и награду и создать «эстетическое государство»¹⁰.

Таким образом, у Канта и Шиллера мы обнаруживаем такую концепцию эстетического воспитания, которая делает акцент на развитии средствами искусства высших духовных способностей человека и посредством этого происходит разрешение важных социальных проблем. Подобный эстетический утопизм, трактующий искусство как прямое и единственное средство социального преобразования, проявляется и в современной эстетической мысли (отчасти у Д. Дьюи, Г. Каллена, Д. В. Готшалка и др.)

Марксистская эстетика полагает, что эстетическое воспитание не в состоянии заменить революционное преобразование общественных отношений, в которых господствует отчуждение человека. Но эстетическое воспитание и его основной агент — искусство — может и должно способствовать этому социальному преобразованию обеими своими социальными функциями: формированием эстетически-ценностной ориентации и развитием его эстетически-творческих потенций. Следует особо отметить, что предполагается гармоническое единство этих диалектически-противоречивых функций эстетического воспитания.

Конфликт между основными функциями эстетического воспитания возникает тогда, когда сами эстетические ценности, в духе которых воспитывается человек, выражают интересы реакционных слоев общества, а потому являются антигуманистическими в своей сути. Печальным примером культивирования таких «ценностей» может служить система воспитания фашистских государств, призванная укреплять тот «новый порядок», частью которого были газовые камеры Освенцима и Майданека. Для восприятия этих антигуманистических «ценностей» отнюдь не тре-

⁸ Там же, стр. 198.

⁹ Там же, стр. 467.

¹⁰ Фридрих Шиллер. Письма об эстетическом воспитании. — Статьи по эстетике, М.—Л., 1935, стр. 291.

буется развития человеческих творческих способностей. Наоборот, необходимо их всячески притупить. Можно, конечно, при том даже сохранить художественное образование. Но к чему это приводит, блестяще показано в одном из эпизодов польского кинофильма «Пассажирка», эпизоде, имеющем документальную основу: в воскресный день обслуживающий персонал концентрационного лагеря слушает концерт классической музыки, исполняемой обреченными на смерть заключенными

Если же предполагается формирование личности в духе подлинно эстетических ценностей, т. е. таких ценностей, которые, по нашему убеждению, выражают развитие свободы и свободное развитие человека и общества, то отмеченные выше основные функции эстетического воспитания не только не вступают в конфликт, но гармонически обуславливают друг друга. Ведь сами таким образом понимаемые эстетические ценности возникают в процессе творческой деятельности людей как в области искусства, так и вне его. И постижение этих ценностей не может не носить творческий характер.

Основные функции эстетического воспитания определяют его место в общественной жизни. Та сторона эстетического воспитания, которая помогает человеку ориентироваться в эстетических ценностях, находится в прямой связи с нравственным воспитанием человеческой личности. Мы всецело поддерживаем традицию истории эстетической мысли, усматривающую единство между эстетическими и этическими ценностями. Основанием этого единства является то, что и те и другие ценности, в конечном счете, способствуют поступательному развитию общества и совершенствованию личности человека. Поэтому красота, помимо других своих свойств, — чудесный регулятор взаимоотношения людей, без которого эти взаимоотношения не могут быть в полной мере человеческими. Благодаря красоте люди тянутся к добру еще до того, как разберутся в нем досконально. Обладая этическим аспектом, эстетическое воспитание играет громадную социальную роль.

Однако мы далеки от того, чтобы единство нравственного и эстетического воспитания трактовать как простое их тождество: Нравственное воздействие на человека возможно, в принципе, и без эстетического. Более того, безупречные с этико-дидактической стороны произведения могут быть художественно малозначительны. Ни в коем случае не умаляя этический аспект эстетического воспитания, мы не можем не видеть в нем и другие аспекты, которые также социально важны.

Как говорилось выше, эстетическое воспитание призвано также развивать эстетически-творческие потенции человеческой личности. Полноценное эстетическое отношение человека к миру — всегда творческое отношение, даже тогда, когда эстетические

ценности не создаются, а только воспринимаются. В эстетическом переживании действуют в органическом сплетении все основные духовные способности человека: ощущения, эмоции, воля, интеллект, воображение. В советской эстетической науке доказательно аргументировалась мысль о том, что эстетическое отношение человека, в том числе и в особенности, отношение, концентрируемое в искусстве, является моделью творческого процесса вообще. И поэтому эстетическое воспитание развивает все духовные способности человека, необходимые в различных областях творчества. Можно ли утверждать, что многие часы, которые провел, играя на скрипке, Альберт Эйнштейн, были похищены у науки? По свидетельству самого великого физика, «в научном мышлении всегда присутствует элемент поэзии. Настоящая наука и настоящая музыка требует однородного мыслительного процесса»¹¹.

Эстетическое воспитание способствует всякой творческой деятельности потому, что раскрывает эстетическую ценность творчества, которое доставляет высшее наслаждение, будучи проявлением всех лучших человеческих способностей, удивительной силой, созидающей новое, небывалое в мире, будучи свидетельством могущества человека и безграничности его свободы. С эстетической точки зрения, творчество — это самовозрастающая красота. И великое значение красоты, в частности, заключается в том, что она является одним из важнейших духовных стимулов творческой деятельности человека, без которой не может осуществляться поступательное развитие общества.

Опираясь на эти соображения, мы не можем разделить пессимистический взгляд на судьбу художественного творчества в эпоху бурного научно-технического прогресса. На первый взгляд кажется, что культивирование эмоций мешает строгости мышления, а суровая логика науки должна парализовать мир чувств. Однако развитие интеллекта в научном познании мира как раз благотворно воздействует на развитие художественной культуры. В самом искусстве, художественно обогащая его, усиливается интеллектуалистическая тенденция. А с другой стороны, возрастает потребность в искусстве как в средстве восполнения «эмоциональной недостаточности» у представителей научно-технической интеллигенции¹². Сама техника обладает эстетическими закономерностями своего развития, на основе которых и возникло промышленное искусство. И техника, в свою очередь,

---

¹¹ D. Marianoff, Einstein. An Intimate Study of a Great Man, N. Y., 1944, p. 163.

¹² Показателен такой факт: в 1963 г. в Москве из каждых десяти обладателей годовых абонементов на концерты серьезной музыки семь — представители естественных и точных наук; конкретно-социологические исследования также показывают, что у этой части интеллигенции в целом лучший художественный вкус.

предоставляет художественному творчеству новые выразительные средства.

Конечно, состояние искусства в современном мире далеко не идиллично, но причиной этого является не прогресс научного знания, а целый ряд социальных факторов, действие которых и приводит к тому, что Хосе Ортега-и-Гассет называл «дегуманизацией искусства». В обществе, где существует отчуждение человека, искусство само превращается в один из видов этого отчуждения, если оно не восстает против него.

Эстетическое воспитание человека осуществляется многими путями (это и бытовая среда его жизни, обстановка его трудовой деятельности, эстетическая сторона нравственных отношений, спорта и т. п.), но основным средством целенаправленного эстетического воздействия на личность нельзя не признать искусство, так как именно в нем концентрируется и материализуется эстетическое отношение. Поэтому художественное воспитание — воспитание потребности в искусстве, развитие его чувствования и понимания, способности к художественному творчеству — составляет неотъемлемую часть эстетического воспитания в целом. Призма искусства направляет восприятие эстетических ценностей жизни. Обращаясь к искусству, человек вступает в лабораторию творческой деятельности. Искусство, являясь творческим отражением действительности, воплощая в себе объективную и субъективную стороны эстетического отношения, способно осуществлять обе основные функции эстетического воспитания: ценностно-ориентировочную и творческую. Разрыв же между этими двумя функциями эстетического воспитания в обществе взаимосвязан с нарушением в самом искусстве гармонии между объективным и субъективным, познавательным и творческим началами. При этом художественное воспитание вступает в конфликт с другими сторонами эстетического воспитания.

Социальными основаниями несоответствия между основными функциями эстетического воспитания являются антагонизмы между интересами личности общества, т. к. для первой непосредственно важно развитие ее творческих потенциалов, а для второго — эстетически-ценностная ориентация индивидов во имя укрепления общественной целостности.

Идеал коммунизма, по учению Карла Маркса, предполагает «подлинное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом»¹³. На социальной основе общества, в котором «свободное развитие каждого является условием развития

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 588.

сех»¹⁴, не может быть конфликта между функциями эстетического воспитания. И это воспитание, сочетающее формирование еловеческой личности в духе подлинно человеческих эстетических ценностей и развитие творческих потенций каждого человека, само необходимо для созидания коммунизма. Музыка Поставковича, скульптура Мухиной, фильмы Эйзенштейна, поэзия Маяковского, пьесы Брехта — вот некоторые образцы тех художественных ценностей, которые участвуют в реальном процессе эстетического воспитания в социалистическом обществе для строительства коммунизма. И поскольку коммунизм рассматривался основоположником его научной теории как тождественный гуманизму¹⁵, то в эстетическом воспитании строителей коммунизма участвуют все художественные ценности, воплощающие в себе гуманистические идеалы, будь то античная пластика и трагедия или творчество Чаплина и Хемингуэя.

Благодаря тому, что эстетическое отношение человека к миру объединяет все духовные способности человека, эстетическое воспитание — незаменимое средство формирования всесторонне и гармонически развитой личности прекрасного будущего.

Поступила в редакцию 7 сентября 1968 г.

---

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 447.

¹⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 588.

К ПРОБЛЕМЕ ДОЛГА В ЭТИКЕ КАНТА

Э. Х. Сийман

Этику Канта часто характеризуют словами «реакционная», «раболепная»¹ или «консервативная», «реакционная»². Канту вменяется даже то, что кое-кто использовал его учение о нравственности в реакционных целях³. Такой «критике» великого философа противопоставляется действительно научная критика этики Канта в некоторых работах⁴.

Учение Канта противоречиво. Это было обусловлено немецкой действительностью, как в свое время отметили К. Маркс и Ф. Энгельс⁵. Реакция при наступлении на материализм и марксизм использовала философию Канта в своих целях, извращая ее при этом. Но не может же Кант нести ответственность за то, что делали реакционеры. Фашисты спекулировали не только философией Канта, но и другими человеческими ценностями. На то, что буржуазия сделала Канта своим оружием в борьбе со стремлениями рабочего класса, указал Г. В. Плеханов. Но он же пишет, что критик марксизма К. Шмидт плохо понял как марксизм, так и философию Канта⁶.

В этике Канта, разумеется, имеются стороны, которые нужно подвергать критике. Метафизическая односторонность Канта должна быть преодолена с позиции диалектического материализма. Но при изучении философов прошлого, в частности, Канта нужно выдвинуть на первый план не их недостатки, не то, что

¹ См.: А. А. Карапетян, Критический анализ философии Канта, Ереван, 1958, стр. 35.

² См.: Б. А. Размустов, Категория долга в этике. Автореферат диссертации. Воронеж, 1963.

³ См.: Е. Т. Федоренко, Основы марксистско-ленинской этики, Киев, 1965, стр. 148.

⁴ Следует назвать такие работы, как В. Ф. Асмус, Философия Иммануила Канта, М., 1957; его же, Этика Канта, в кн.: И. Кант, Сочинения в шести томах, М., 1965, т. 4, ч. 1; О. Г. Дробницкий, Мир оживших предметов, М., 1967; Г. Бандзеладзе, Опыт изучения системы марксистской этики, Тбилиси, 1963.

⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 182—184.

⁶ См.: Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 100—113.

они недодали, не ограниченность своим временем и классовой принадлежностью, а те положения, которые сохранили свою ценность для настоящего и будущего.

Целью данной статьи является не подробный анализ этики Канта. Автор указывает лишь на некоторые аспекты проблемы долга в связи с рядом других этических понятий.

1. Понятие нравственности

Многие недоразумения возникают из того, что споря о словах, мы вкладываем в них разное содержание («идолы рынка» Бэкона). Так происходит и с понятием нравственности. Оно у Канта, с одной стороны, и в марксистской этике, с другой, имеет неадекватный объем. Слово «нравственность» у Канта означает понятие с более узким содержанием, чем в нашем сознании. Мораль Канта опирается лишь на разум, исключая чувственность. Человек нравственен лишь постольку, поскольку он разумен. В марксистской же этике преобладает точка зрения, выраженная А. Г. Харчевым: «Как форма общественного сознания, мораль включает в себя социальный и индивидуальный, рациональный и эмоциональный мотивы, разум и интуицию, то есть в ней проявляются все богатство и вся многогранность человеческого духа. Она опирается на все духовные силы человека»⁷ При изучении Канта мы обязаны учитывать это различие, уважать последовательность Канта и не требовать от него того, чего он не может дать.

Известная эпиграмма Шиллера⁸, которая приводится во многих работах, посвященных этике Канта, обнаруживает именно такое непонимание Канта. Поступок, совершенный из склонности, по мнению Канта, не является моральным. Но слово «моральный» у Канта означает лишь то, что относится к морали, оно является термином. В нашем же разговорном языке «моральный» используется как синоним прилагательных «хороший», «похвальный». «Неморальный» у Канта не то же самое, что «аморальный», «плохой», «достоинный порицания». Это слово указывает лишь на то, что не имеет никакого отношения к морали, что является морально безразличным. Кант, правда, прямо об этом не говорит, но такое понимание морального вытекает из понятия «дозволенный поступок», который определяется следующим образом: «Поступок, который не предписывается как веле-

⁷ А. Г. Харчев, Мораль как предмет социологического исследования, «Вопросы философии», 1965, № 1, стр. 46.

⁸ Ближним охотно служу, но — увы! — имею к ним склонность,
Вот и гложет вопрос: вправду ли нравственен я?
Нет тут другого пути: стараясь питать к ним презренье
И с отвращением в душе, делай, что требует долг.

ние и не запрещается, только *дозволен*, потому, что в отношении его нет никакого закона, ограничивающего свободу (правомотчие) и, следовательно, нет никакого долга. Такой поступок называется морально безразличным»⁹ Отсюда выходит, что далеко не все взаимоотношения людей, по мнению Канта, можно подвести под мораль. Нравственность необходима, когда требуется обуздание аффектов, страстей человека для того, чтобы учитывать интересы других людей. Когда же склонность, интерес индивида не противопоставляется интересам общества, когда не нужно ничего подавлять, нет и надобности в морали. Люди, питающие друг к другу симпатию, не нуждаются в морали для регулирования своих взаимоотношений. Но благополучие других людей как потребность Кант не может предполагать у каждого разумного существа. «Но если бы это счастье было определяющим основанием максимы, то следовало бы предположить, что в благополучии других мы находим не только естественное удовольствие, но и потребность, как к тому приводит у людей симпатия. Но такой потребности я не могу предполагать у каждого разумного существа. Следовательно, хотя материя максимы и может оставаться, но она не должна быть ее условием, иначе такая максима не годится для закона»¹⁰.

Кант отнюдь не отрицает ценность склонности как мотива поведения, он говорит лишь о том, что на ней нельзя основывать мораль. «Очень хорошо делать людям добро из любви и участливого благоволения к ним и быть справедливым из любви к порядку; но это еще не подлинная моральная максима нашего поведения, подобающая нашему положению *как людей* среди разумных существ...»¹¹ Любовь к людям как склонность Кант считает возможной, но она не может быть предписана как заповедь, так как ни один человек не может любить по приказанию¹²

Долг как основное этическое понятие, по мнению Канта, не может быть выведен из чувственной природы человека; он связан лишь с разумом, исключает чувственность, склонность. Что же касается морального чувства, чувства долга, то существование его Кантом отнюдь не отрицается. Оно связано не с инстинктами, а появляется лишь на почве разума. Философ пишет: «Следовательно, уважение к моральному закону есть чувство, которое возникает на интеллектуальной основе. Это чувство есть единственное, которое мы познаем совершенно а priori и необходимость которого мы можем усмотреть»¹³.

⁹ Иммануил Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. 2, М., изд. «Мысль», 1965, стр. 131.

¹⁰ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. I, стр. 352.

¹¹ Там же, стр. 408.

¹² И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. I, стр. 409.

¹³ Там же, стр. 398.

Итак, поступок, мотивом которого является склонность, по мнению Канта, не является моральным, он выходит за пределы морали, является морально безразличным. К морали относится лишь такой поступок, который совершается на основании долга, при подавлении склонности.

Такое же недоразумение, как с понятием «мораль», возникает и со словом «злой». «Злой» у Канта — это то же самое, что «неразумный». И положение об изначальном зле человеческой природы означает лишь то, что человек естественно склонен делать то, что предписывает чувственность, любовь, симпатия, а не моральная необходимость, например: «Но в силу своих естественных задатков, в [наличии] которых он также не виноват, он привязан и к мотивам чувствительности и принимает их (по субъективному принципу себялюбия) в свою максиму. Если же он принимает их в свою максиму как *сами по себе достаточные* для определения произвола, не обращая внимания на моральный закон (а он все же в нем есть), то он будет морально злым»¹⁴.

2. Долг ради долга

Основное положение в этике Канта не есть безусловное требование выполнения абстрактного долга, как обычно утверждают.

Долг у Канта не самодовлеющее понятие, мораль не является самоцелью. Мораль существует для человека. Человек не как чувственное, а как разумное существо является субъектом и объектом морали. Поэтому и центральным понятием в этике является достоинство человека, достоинство как цель, как самая высокая, ни с чем не сравнимая ценность. «В царстве целей все имеет или *цену*, или *достоинство*. То, что имеет цену, может быть заменено также и чем-то другим как *эквивалентом*; что выше всякой цены, стало быть не допускает никакого эквивалента, то обладает достоинством»¹⁵.

Основное требование морали — уважение достоинства человека в самом себе и в других людях, требование, чтобы к человеку всегда относились как к цели, а никогда как только к средству. Из этого основного принципа вытекает другой — требование долга, требование совершения таких поступков, которые были бы столь бескорыстны, что могли бы служить всеобщими законами. Долг выполняется не только в интересах других людей, но прежде всего в интересах самого человека. Это нужно личности для того, чтобы сохранить свое достоинство, уважение к

¹⁴ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. 2, стр. 38.

¹⁵ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. 1, стр. 276—277.

себе, ибо «человек отказывается от своей личности (унижая ее), когда употребляет себя лишь как средство для удовлетворения своих животных инстинктов»¹⁶ Уважение человека как разумного существа в самом себе не позволяет никому отклониться от выполнения своего долга. Философ верит, что «человек не до такой степени животное, чтобы быть равнодушным к тому, что говорит разум сам по себе, и чтобы пользоваться им только как оружием для удовлетворения своих потребностей как чувственного существа»¹⁷ Интересы самого человека требуют, чтобы моральный закон для него был святым, ибо «человечество в его лице должно быть для него святым»¹⁸.

Моральное поведение, подчинение чувственности разуму, «обуздание аффектов и страстей, самообладание и трезвое размышление не только во многих отношениях хорошие, но, по-видимому, составляют даже часть *внутренней* ценности личности»¹⁹ Когда же личность позволяет себе нарушить требования морали, она ведет себя не как свободное существо, достойное уважения, а как раб собственных низменных инстинктов и заслуживает лишь презрения. В связи с этим Кант приводит следующий пример: «Кто *проиграл*, тот, конечно, может сердиться на себя и на свое неблагодарие; но когда он сознает, что он *обманул*, в игре (хотя благодаря этому он выиграл) тот должен себя презирать, как только он начинает судить о себе с точки зрения нравственного закона»²⁰.

Тот, кто уважает человека в самом себе, заслуживает и уважения со стороны других людей. И наоборот: «Кто превратил себя в червя, не должен потом жаловаться, что его топчут ногами»²¹

Достоинство человека требует безусловного выполнения долга. Под долгом понимает Кант поступок, совершаемый согласно моральному закону и исключающий склонность в виде мотива. Долг предполагает подавление склонностей, принуждение²². Когда Кант говорит о требовании выполнения долга ради долга, он имеет в виду не столько цель, сколько мотив поступка. Цель не так важна для выполнения долга. Даже наоборот: при определении, совершается ли данный поступок под влиянием долга, нужно отвлечься от цели и иметь в виду лишь субъективный мотив. Критерий поступка как долга находится в сознании самого человека, причем «уважение к моральному закону есть

---

¹⁶ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. 2, стр. 363.

¹⁷ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. 1, стр. 284.

¹⁸ Там же, стр. 414.

¹⁹ Там же, стр. 228.

²⁰ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. 1, стр. 356.

²¹ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. 2, стр. 376.

²² И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. 1, стр. 406.

единственный и вместе с тем несомненный моральный мотив»²³ При практическом поступке мотив как долг стоит на первом месте. Цель для него не важна: «Мораль не нуждается ни в какой цели и для нее достаточно самого закона, но из морали все же возникает цель»²⁴ Целью этой является сам человек. «Если иметь в виду *материальное*, то учение о добродетели должно быть построено не только как учение о долге вообще, но и как *учение о цели*, так что человек обязан мыслить и себя и каждого другого человека как свою цель»²⁵ Человек не только цель морали, но и высшая цель вообще: «Моральность же есть условие, при котором только и возможно, чтобы разумное существо было целью само по себе, так как только благодаря ей можно быть законодательствующим членом в царстве целей»²⁶ В человеке как в высшей цели объединяются и долг, и достоинство, и идея высшего блага. Цель как долг — это «собственное совершенство и чужое счастье»²⁷ Такая цель возвышенна.

Возвышенной считает этику Канта и Гегель²⁸ Он же упрекает Канта за абстрактный характер долга, указывая на то, что от понятия долга нет перехода к определению особенных обязанностей и нет критерия, что составляет долг в каждом данном случае. При таком подходе к долгу якобы могут быть оправданы и неморальные способы действия²⁹

Такой упрек оправдан, если иметь в виду конкретную мораль, а не этику как науку о всех формах морали. Категории этики более абстрактны, чем понятия морали, они не относятся только к какой-то определенной форме морали. Мы получаем, что абстрактный характер этики Канта для нас отнюдь не такой большой недостаток, как обычно думают. Ведь только благодаря ему этика Канта представляет для нас научную ценность. Научная последовательность этики и общечеловеческая сторона морали, отраженная в этике, — вот что ценно у Канта для этики как науки о морали и для коммунистической нравственности, в частности.

3. Долг и склонность

Канта упрекают в том, что он противопоставляет долг и склонность. Поступок, совершенный только на основе склонности нашей чувственной природы, не может быть моральным.

²³ Там же, стр. 404.

²⁴ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. 2, стр. 9.

²⁵ Там же, стр. 346.

²⁶ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. 1, стр. 277.

²⁷ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. 2, стр. 319.

²⁸ См.: Гегель, Сочинения, т. VII, М.—Л., 1934, стр. 153.

²⁹ Там же, стр. 153—155.

Это основание морали лишь на разуме якобы придает кантовской этике характер аскетический, враждебный чувственной природе человека³⁰

В какой-то мере этот упрек оправдан: учение Канта о нравственности в целом имеет метафизический характер, в нем обнаруживается односторонний подход к некоторым явлениям, нет их взаимного перехода. Но долг и потребность — действительно противоположные явления и Кант прав, когда он их противопоставляет. Слово «долг» связано со словами «должен», «обязан» — т. е. предполагает принуждение, совершаемое самой личностью над собой. При этом в основе самопринуждения лежит внешнее принуждение, даже в том случае, когда оно присутствует только как возможность. Когда человек говорит, что он должен кое-что делать, то это означает, что он охотнее сделал бы что-нибудь другое, но он понимает необходимость поступать именно таким образом и подавляет в себе желание поступить по-иному. Долг — это моральная необходимость.

Потребность же (или склонность) ничего общего с принуждением не имеет. Она прямо противоположна принуждению, является свободным выражением сущности человека. Неубедительно звучат попытки отождествления долга с потребностью, стирания различий между ними³¹

Но то, что долг и потребность — понятия противоположные, не исключает возможности их взаимного перехода. В долге нужно различать внешнюю и внутреннюю стороны, как это делает Л. Архангельский³² Внешняя сторона долга — это потребности определенной общности (семьи, рабочего коллектива, класса, общества в целом), в которую личность входит. Эти потребности предъявляются индивиду в виде его долга. Личность принимает эти требования как справедливые, и они становятся внутренним мотивом ее поведения. Превращение внешних требований во внутренний мотив поведения составляет внутреннюю сторону долга. Но когда человек не признает справедливости предъявляемых ему требований и не принимает их, морального долга, собственно, не существует. Такой разрыв между личностным и

---

³⁰ См.: В. Асмус, *Этика Канта*, в кн.: И. Кант, *Сочинения в шести томах*, т. 4, ч. I, стр. 20.

³¹ Иногда понятие долга приобретает весьма расплывчатый характер, исчезают границы между долгом и потребностью, например: «Долг понимается не как внешняя, принудительная сила, а как внутренняя потребность самого человека, как выражение его собственной воли, поскольку общественный интерес становится для него его личным интересом, неотделимым от его собственной жизни». (Л. К. Гришанов, Категория долга в марксистской этике, в кн.: Кишиневский гос. университет, Научная сессия профессорско-преподавательского состава и сотрудников университета, посвященная итогам научной деятельности за 1964 г., Тезисы докладов, 1965, стр. 42).

³² См.: Л. М. Архангельский, *Общественный долг строителя коммунизма*, «Коммунист», 1963, № 3, стр. 47.

общественным происходит по двум причинам: или человек не дорос до понимания интересов других людей (в таком случае он ведет себя не как свободная личность, для которой существуют как права, так и обязанности, а как эгоист, отношение которого к другим людям не отличается от отношения в вещам), или же требования, предъявляемые ему, ничего общего не имеют с долгом личности и интересами общества.

Кант считает критерием долга внутренний мотив поведения. Даже тогда, когда мы не соглашаемся с философом в том, как определять долг, нужно это положение Канта считать верным. Единство внешнего и внутреннего в долге состоит в том, что внешние к личности требования общества становятся долгом для человека лишь тогда, когда он осознает их как справедливость, как необходимость. Поэтому внутренний момент осознания внешнего является определяющим при долге. Здесь же, во взаимодействии внешнего и внутреннего скрывается возможность перехода долга в потребность. Когда требования общества, обремененные к личности в виде долга, не нуждаются в принуждении для того, чтобы они выполнялись, а совпадают с интересами, потребностями самой личности, то можно говорить о долге лишь постольку, поскольку сохраняется его внешняя сторона. Внутренне же, для личности долга уже нет. Он перешел в потребность³³. Поступок, мотивом которого является потребность, а не принуждение, не подавление склонности, для данной личности уже является не долгом, а потребностью. При этом сохраняется лишь внешняя сторона долга — интересы общества, которые соблюдаются, общественная значимость поступка. Но такой же поступок для другого человека остается долгом и внешне и внутренне — т. е. совершается только путем принуждения. Моральный прогресс может и должен происходить именно таким образом, т. е. путем превращения долга в потребность.

Что касается самих потребностей, то нужно учесть, что они изменяются в ходе истории вместе с человеком. Так же как нет некой неизменной, вечной «природы человека», так и нет застывших, раз навсегда данных потребностей. Духовные потребности при условии, что материальные потребности удовлетворяются, совершенствуются и приобретают все более важное место в ка-

---

³³ О. Г. Дробницкий указывает на такой переход долга в потребность: «Человек может совершить поступок, имеющий общественное значение, руководствуясь потребностью сохранения своей моральной целостности и чистоты совести. На какой-то ступени нравственного развития мотив в качестве разумного довода может совершенно исчезнуть. Поступать определенным образом станет естественной потребностью, привычкой». О. Г. Дробницкий, К вопросу о категории долга в марксистской этике, «Научные доклады высшей школы, Философские науки», 1960, № 3, стр. 114. Но нельзя согласиться с автором, когда он утверждает, что долг, перешедший в потребность, все же остается долгом, что долг присутствует в таком поступке в скрытом виде.

честве мотивов поведения. Кроме обычно называемых духовных потребностей (познания истины, постижения красоты, творчества, труда) существует еще целый ряд потребностей, вытекающих из социальной природы человека: потребность в обществе других людей, дружбы, любви, уважения, развития, борьбы, справедливости, осознания своей полезности обществу и др. То, что индивидом одной исторической эпохи выполняется как долг, для человека другой эпохи ощущается как потребность. Такая же разница существует и между отдельными людьми одного поколения. Один человек воздерживается от нечестных поступков, подавляя стремление к ним, ограничивая свой животный эгоизм. Для другого же потребность уважать себя, потребность моральной чистоты и честности гораздо сильнее, чем стремление к низменным, аморальным поступкам. Можно ли про такого человека говорить, что он ведет себя морально, выполняя свой долг? Ведь долг здесь ни при чем. Незачем называть долгом поступок, мотивом которого является потребность.

Итак, прогресс морали совершается путем превращения долга в потребность. Чтобы содействовать этому прогрессу, нужно расширять интересы личности, добиваться, чтобы люди совершали нужные обществу поступки не под принуждением, а свободно, охотно, из интереса, из побуждений. Но добиться этого можно лишь при условии, когда человека уважают как личность, как цель, когда учитываются положения Канта о высоком достоинстве личности. Если же пренебрегают достоинством человека, если ему под видом долга предъявляют требования, унижающие его как личность, то это не имеет ничего общего с воспитанием человека коммунистического общества.

Кант высоко ценит поступок, совершенный из чувства долга при подавлении склонностей. Ценность поступка связана с принуждением, необходимым для его совершения. Он, например, пишет: «Можно, конечно, хвалить поступки которые были совершены с большой самоотверженностью и притом ради долга, как *благородные* и *возвышенные* деяния, но лишь постольку, поскольку имеются следы, дающие возможность предполагать, что они совершены только из уважения к своему долгу»³⁴ Такой подход к морали имеет два аспекта: с одной стороны, нельзя не уважать человека, который совершает усилие над собой, подавляя свой эгоизм для того, чтобы быть нравственным. Но с другой стороны, хочется Канту возразить словами Добролюбова: «Неужели нравственное достоинство человека, чувствующего сильное попользование красть, но пересиливающего себя потому, что кража запрещена законом, — выше нравственности того, у кого не рождается даже и мысли о присвое-

---

³⁴ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. I, стр. 412.

нии чужого, уже не вследствие запрещения закона, а просто по внутреннему отвращению от кражи?»³⁵

Попытка Канта ставить ценность поступка в зависимость от внутреннего мотива является педантичным, односторонним подходом к морали. Именно здесь и проявляется слабость Канта, заслуживающая критику. Но Кант все же намекает и на возможность перехода долга в склонность. Он пишет: «*Делать добро* есть долг. Кто часто делает добро и ему удается осуществлять свою благодетельную цель, приходит в конце концов к тому, что действительно любит того, кому он сделал добро»³⁶

Основной недостаток этики Канта состоит, на наш взгляд, не в том, что Кант противопоставляет долг и склонность, разум и чувственность, а в метафизическом характере отрицания чувственного. Кант высоко ценит разумный, моральный поступок как специфически человеческий, ибо в нем проявляется качественное отличие человека от животного. Но утверждение разумного не есть отвержение чувственного, как полагает Кант, а его преодоление. Истинно человеческое есть синтез разумного и чувственного.

4. Долг и счастье

Критики Канта иногда считают, что великий философ впал в ошибку, противопоставляя долг и счастье. Обратимся к самому Канту: «*Это различие* принципа счастья и принципа нравственности не есть, однако, *противопоставление* их, и чистый практический разум не хочет, чтобы отказывались от притязаний на счастье; он только хочет, чтобы эти притязания *не принимались во внимание*, коль скоро речь идет о долге»³⁷

Кант отрицает счастье лишь как основополагающий принцип нравственности. Стремление к счастью естественно, оно свойственно каждому человеку. Если бы его было достаточно для урегулирования взаимоотношений людей, не было бы необходимости в морали. Кто стал бы предписывать людям то, чего они и сами желают? «Веление, гласящее, что каждый должен стремиться стать счастливым было бы нелепым, так как никому не повелевают того, чего он сам непременно желает»³⁸.

У Канта нигде не обнаруживается враждебное отношение к счастью. В самом стремлении к счастью нет ничего предосудительного, но на нем нельзя построить мораль: «Принцип счастья хотя и может давать максимы, но не такие, которые годились бы для закона воли, даже если мы делаем своим объектом

³⁵ Н. А. Добролюбов, Избранные философские произведения, т. I, М., 1948, стр. 213.

³⁶ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. 2, стр. 337.

³⁷ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. I, стр. 421.

³⁸ Там же, стр. 356.

всеобщее счастье»³⁹ Веление долга не требует отказа от счастья, когда счастье не мешает исполнению долга. В случае же конфликта между влечением и долгом, стремление к счастью должно уступить требованию долга. Человеку как чувственному существу невозможно отказаться от счастья, но он как разумное существо должен подняться выше мотива счастья. Так нужно понять следующие слова: «При этом я не преминул заметить, что этим еще не требуют от человека, чтобы он, когда дело идет об исполнении долга, *отказался* от своей естественной цели — счастья потому, что он не может отказаться от этого, как не может этого никакое конечное разумное существо вообще; но когда перед ним веление долга, он должен совершенно *отвлечься* от этого соображения»⁴⁰

Долг понимается Кантом как необходимость. Счастье же возможно лишь в пределах этой необходимости. Оно как субъективная цель личности должно подчиняться нравственности, требованиям долга. Выполненный долг, чистая совесть, разумное поведение, учет интересов других людей — все это является предпосылкой счастья, его необходимым условием. «В самом деле, прежде всего я должен быть уверен, что не поступаю противно долгу; только после этого мне позволено будет искать счастье, настолько я могу соединить его с этим моим морально (а не физически) добрым состоянием»⁴¹

Здесь выражена верная догадка о зависимости счастья человека от счастья общества. Человек как продукт общественных отношений никогда не может быть ни свободным от общества, ни находить свое счастье вне общества.

Кант не только не противопоставляет категории долга и счастья, но указывает и на их взаимную связь. Но эту связь нельзя понимать упрощенно, слишком прямолинейно. Кант нигде не утверждает, что счастье есть исполненный долг, как полагает Э. В. Соколов⁴²

Нравственное поведение, по мнению Канта, есть лишь условие счастья, показатель достойности быть счастливым, но не само счастье. Он пишет по этому поводу: «В аналитике было доказано, что *добродетель* (как достойность быть счастливым) есть *первое* : *условие* всего того, что только может нам казаться желательным, стало быть и всех наших поисков счастья, стало быть, есть *верховное* благо. Но оно еще не есть полное и совершенное благо как объект способности желания разумных конечных существ; чтобы быть таким благом, для этого нужно

³⁹ Там же, стр. 354.

⁴⁰ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. 2, стр. 65.

⁴¹ Там же, стр. 70—71.

⁴² См.: Э. В. Соколов, Нравственный долг в период развернутого строительства коммунистического общества. Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Философия, вып. IV, 1963, стр. 176.

еще *счастье*»⁴³ Кант даже критикует стоиков за то, что они отождествляют сознание добродетели со счастьем⁴⁴

Такая стоицистическая тенденция понимания счастья как нравственной удовлетворенности появляется и у советских этиков⁴⁵. Но это противоречит самому определению счастья, ибо счастье связывается с удовлетворением потребностей и эмоциональным ощущением полноты жизни⁴⁶

Но сознание своей нравственности и ощущение полноты жизни не одно и то же. О чувстве нравственной удовлетворенности пишет Кант: «Но разве нет слова, которое означало бы не наслаждение, как [его означает] слово *счастье*, а удовлетворенность своим существованием, аналог счастью, который необходимо должен сопутствовать сознанию добродетелей? Есть! Это слово — *самоудовлетворенность*; в своем подлинном значении оно всегда указывает только на негативную удовлетворенность своим существованием, когда сознают, что ни в чем не нуждаются»⁴⁷ «Самоудовлетворенность» называется Кантом лишь аналогом счастья, но она не является самим счастьем. Такой удовлетворенности явно недостаточно для ощущения полноты жизни, так же как нельзя считать счастьем и отсутствие страданий, как полагали древнеиндийские философы и эпикурейцы.

Счастье нельзя понимать как негативное явление, как отсутствие чего-нибудь; оно необходимо предполагает и присутствие чего-то положительного. Когда этого положительного нет, когда нет ощущения полноты жизни, нет и счастья. Но это несколько не значит, что такого человека нужно считать несчастным.

Человек не всегда колеблется между счастьем и несчастьем. Между этими крайностями существует огромная, т. н. «нейтральная» сфера, когда нет несчастья, но не ощущается и счастье. Отсутствие страданий, моральная удовлетворенность, самодовольство и др. относятся именно к этой нейтральной области. Моральное поведение не обеспечивает безусловного счастья как необходимый результат. Часто бывает даже наоборот: когда человек жертвует чем-то значительным для себя, выполняя свой долг, он не может не чувствовать себя несчастным.

Соблюдение нравственности отнюдь не предотвращает несчастье в данный момент. Но оно все-таки важно для счастья,

---

⁴³ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. I, стр. 441.

⁴⁴ Там же, стр. 443.

⁴⁵ См.: Л. М. Архангельский, Категории марксистской этики, М., 1963, стр. 258.

⁴⁶ См.: Л. М. Архангельский, Цит. соч., стр. 222; М. Коренева, Коммунизм и проблема счастья. В кн.: «Категории марксистско-ленинской этики», М., 1965, стр. 193; Я. З. Хайкин, Проблема классификации категорий этики. — «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1963, № 6, стр. 112 и др.

⁴⁷ И. Кант, Сочинения в шести томах, т. 4, ч. I, стр. 449.

ибо сохраняет личное достоинство и обеспечивает возможность ощущения счастья в будущем.

Добродетель (выполнение долга) и счастье у Канта не только не противопоставляются, но и объединяются в понятии высшего блага, в котором «добродетель как условие всегда есть верховное благо, так как она не имеет над собой никакого условия, а счастье всегда есть нечто такое, что, хотя оно и принято тому, кто им обладает, само по себе не есть нечто доброе безусловно и во всех отношениях, а всегда предполагает как свое условие моральное законосообразное поведение»⁴⁸. Но счастье, соразмерное с добродетелью, в реальном мире не всегда наблюдается. Стоит ли быть нравственным? Где выход? Здесь Канту приходит на помощь религия: высшее благо осуществляется во всемогущем моральном существе. Этот вывод для нас неприемлем. Но это не дает основания объявить этику Канта религиозной и отвергать ее лишь на той основе, что она приводит к религии. Упование на справедливость бога служит у Канта как бы утешением для человека. «Будь моральным, и бог воздаст тебе счастье, соразмерное с добродетелью», — вытекает из этики Канта. «Выполняй свой долг, это и есть счастье», — заключают стоики. Но и в том, и в другом случае происходит ошибка, самообман. Людям нужно не утешение, а истина. От обмана мир не становится более нравственным. В мире, действительно, нет никакой гарантии, что добродетель всегда обеспечивает счастье. Но без нравственности счастья тоже нет. Отсутствие же счастья не есть еще несчастье. Нужна ли нравственность человеку сама по себе, даже в таком случае, когда интересы общества ему не особенно близки к сердцу? «Безусловно да», — гласит вывод из этики Канта. Нравственность служит не только общности людей, в интересах которой человек ограничивает свои стремления, но и самому человеку, чтобы быть личностью, сохранить достоинство, чистоту совести, внутреннюю гармонию, ибо «человек является человеком именно благодаря нравственности»⁴⁹.

Как видим из вышеизложенного, этика Канта не так уже устарела для современности. Такие моральные требования Канта как безусловное выполнение долга, уважение достоинства человека, указание на зависимость счастья от добродетели — являются актуальными и в коммунистической морали. Они прямо соответствуют интересам и духовным потребностям советских людей. Высшая моральная ценность для человека в этике Канта — достоинство личности. Соблюдение личного достоинства, чистоты совести, уважение нравственности руководит и поведением лучших наших современников.

Поступила в редакцию 8 сентября 1968 г.

⁴⁸ Там же, стр. 442.

⁴⁹ Г. Бандзеладзе, Опыт изучения системы марксистской этики, Тбилиси, 1963, стр. 27.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Э. Н. Лооне

0. Вводные замечания

0.1. Теория общественно-экономических формаций является центральной в историческом материализме, она — одно из крупнейших достижений марксистской мысли. Созданная Марксом, развитая Лениным, разработанная сотнями марксистских мыслителей — историками и философами, экономистами и социологами, — она служит в качестве важнейшей логической предпосылки многочисленных марксистских исследований самых разнообразных сторон жизни человеческого общества, на ее основе достигнуты значительные успехи в понимании функционирования и развития общества. Теория общественно-экономических формаций обладает огромным мировоззренческим значением, ибо она вскрывает и объясняет «внутреннюю логику», основные закономерности общественного развития. Марксистская философия может, в состоянии и должна принимать участие в дальнейшей разработке теории формаций.

0.2. Одним из способов участия философии в развитии теории общественно-экономических формаций является проведение методологического анализа, имеющего своей целью выяснить и сформулировать проблемы, решение которых существенно с точки зрения развития данной теории, а также найти или по крайней мере наметить (может быть даже — создать) средства и методы решения поставленных проблем. При этом следует сразу оговорить, что по своему характеру многие проблемы теории формаций не могут быть решены не только одними методологами, но и всеми философами, без сотрудничества с представителями других отраслей гуманитарных исследований.

Термин «методология» в настоящей статье понимается, конечно, вполне определенным образом. Автор исходит из концепции Л. Вальта, по мнению которого методология изучает предметную область, состоящую из объекта познания, предмета

познания, задач познания, процедур познания, описаний объекта познания, и взаимоотношений указанных компонентов. Являясь в известной мере метатеорией, рассматриваемой ей содержательной теорией, методология не сводится к метатеории. В то же время методология и теория по-разному подходят к объекту исследования теории. Теория, рассматриваемая методологией, является результатом исследования некоторого объекта — предметной области данной теории. Методология изучает ту же самую предметную область, только во взаимосвязи с изучаемой теорией. Методология истории изучает прошлое постольку, поскольку она интересуется решением вопроса: насколько успешно (или какими средствами) теория истории изображает прошлые события, процессы.

0.3. Задачей настоящей статьи является изучение некоторых основных проблем и их решений в теории общественно-экономических формаций. Методом изучения предмета будет служить переформулировка проблем едиными для данного класса проблем средствами, при этом автор попытается применять в качестве таких средств возможно более строгие, формальные средства, насколько это окажется целесообразным.

Необходимо отметить, что существует разница между обоснованием правомерности проблемы, обоснованием метода решения и обоснованием ответа на поставленный вопрос.¹ В нижеследующем изложении часто обоснование наличия проблем отделено от рассмотрения методов их решения — критическому читателю приходится вооружиться терпением и рассматривать статью как целое.

0.3.1. Наряду со своей прямой задачей предстоящее исследование имеет и «сверхзадачу» — послужить отправным пунктом для решения разных общих проблем методологии истории, — таких как соотношение методологии истории и исторической науки, ступени познания в историческом исследовании, роль формализации в исторической науке, принадлежность истории к наукам или искусствам (проблема места исторического сознания в человеческом сознании) и т. п. По мнению автора этих строк, рассуждения на указанные темы до сих пор имели один недостаток — они опирались только на известное непосредственное знание исторических исследований, но не на методологическую теорию. В настоящее время становится общепринятой мысль о том, что между общими теориями и фактами должны стоять частные теории, поскольку иначе связь между теорией и фактами окажется в лучшем случае только иллюстративной.

---

¹ Так, например, для обоснования новых терминов или наличия проблемы иногда полезны исторические примеры, но они еще не служат обоснованием *ответов* на исторические проблемы.

Создание методологии «среднего уровня» на наш взгляд только усилит связь между историческим материализмом как общей методологией и другими общественными науками. Само собой понятно, что одна статья не может заменить целую науку, она может служить только первой и поэтому, надо надеяться, вскоре преодоленной попыткой создания такого подхода на «среднем уровне».

0.3.2. В данной статье не будет подвергнуто анализу само понятие «общественно-экономическая формация» и не будет доказываться существование явлений, обозначаемых указанным понятием. Все марксисты знают, что такое общественно-экономическая формация. Для наших немарксистских оппонентов (по крайней мере для тех из них, которые желают честно разобраться в марксизме и могут даже быть привлечены на сторону марксизма), конечно, требуется решение указанной в настоящем пункте задачи, но это уже сделано в соответствующей литературе, вплоть до вузовских учебников исторического материализма. Заметим лишь, что в принципе невозможно доказательно отказаться априори от возможности классификации разных конкретных обществ и создания моделей «идеального элемента» каждого такого класса. Соответствующая возможность признается даже немарксистами² Автор надеется более подробно рассмотреть этот вопрос в будущем.

1. Закон последовательности общественно-экономических формаций

1.1. Поскольку мы признаем наличие нескольких общественно-экономических формаций, то возникает вопрос — можно ли фиксировать какую-либо упорядоченность в их появлении, существуют ли между ними определенные отношения порядка. Утвердительный ответ на данный вопрос, который дается всеми марксистами, вызывает новый вопрос: каков этот порядок?

Заметим, что любой ответ на вопрос о порядке общественно-экономических формаций является законом в марксистском понимании последнего термина, поскольку в таком утверждении фиксируется некоторая сторона общей и необходимой взаимосвязи явлений. Такие утверждения разрешают одни и запрещают другие переходы — ограничивают неким образом множество возможных естественных путей развития тех или иных конкретных обществ (напомним, что мы признали в качестве посылки утверждение о наличии некоторого порядка). Тот или

---

² В качестве недавнего примера можно указать на исследование G. G. S. Murphy and M. G. Mueller, *On Making Historical Techniques More Specific, «History and Theory», vol. VI, No. 1, pp. 14—32.*

иной закон последовательности общественно-экономических формаций является, с одной стороны, законом общественной жизни, с другой же стороны — законом развития, в отличие от законов функционирования. Поскольку мы, марксисты, рассматриваем историю общества как науку о *развитии* общества, то закон последовательности общественно-экономических формаций является законом, входящим в область сознания, называемую «историей» (в отличие от «физики», «химии», «экономики» и пр., а также от истории как процесса действительности). Если в истории формулируются законы, то историю можно, следовательно, считать наукой, в современном понимании последнего термина.

1.2. Закон последовательности общественно-экономических формаций можно представить формально путем некоторого графа. Пусть вершины графа будут замещать некоторые формации, а ребра графа будут отмечать переходы от одной формации к другой. Направление ребра будет отмечать направление перехода. Тогда разные формулировки закона последовательности общественно-экономических формаций будут различаться друг от друга как графы, не изоморфные друг другу³.

1.2.1. Встает вопрос, имеет ли ребро графа, формулирующего закон последовательности общественно-экономических формаций, коррелят в предметной области в виде специальной переходной стадии, или оно выражает только «направление» перехода. Данный вопрос является дискуссионным. Так, А. И. Нейсыхин признает переходные стадии, некоторые исследователи их отвергают⁴. Автор этих строк присоединяется к сторонникам переходных состояний и вкратце придерживается следующего понимания проблемы: переходные состояния общества не входят ни в одну из общественно-экономических формаций, а являются образованиями, качественно отличными от самих формаций, хотя и однопорядковыми с ними по уровню существования — или по уровню абстракции, если речь идет о понятиях.

---

³ Стоит ли применять формальные средства для формулировки закона науки? В естественных науках подобный вопрос вызывает удивление инисходительные улыбки. В общественных науках нет, может быть, открытых критиков формализации — это ведь модно, — но ученые справедливо относятся настороженно к модам в науке. Лучшим доказательством необходимости применения формализмов является практика. Там же должны выясняться границы формализации. Следовательно, нет особого смысла заранее доказывать применимость, а тем более полезность формальных методов представления. Заметим лишь, что в данном случае формулировка при помощи графа облегчает нам исследование различных взглядов на последовательность общественно-экономических формаций, экономит количество слов, требуемых для той или иной формулировки и позволяет четко формулировать ряд проблем, различая при этом несколько типов их.

⁴ См., напр., З. С. Самодурова, Актуальные проблемы ранней истории феодальной формации, «Вопросы истории», 1966, № 9, стр. 159—163.

1.2.2. Примем следующие обозначения общественно-экономических формаций (наименования вершин графа)⁵:

- Р — первобытно-общинная формация
- А — «азиатская» формация
- S — рабовладельческая («античная») формация
- F — феодальная формация
- С — капиталистическая формация
- М — коммунистическая формация.

Оставим пока в стороне проблему, существовал ли азиатский способ производства (или, соответственно, азиатская формация) — ведь наименованиями (значит, и понятиями) можно обозначать и несуществующее (Баба-Яга, Кошей Бессмертный). Некоторые авторы полагают, что можно выделить особую «азиатскую» формацию, поэтому при описании их точки зрения данный термин необходим, хотя они могут и ошибаться (т. е. понятие окажется пустым). При необходимости будем в дальнейшем вводить названия и для некоторых других формаций⁶.

1.2.3. Специалистами обычно обходится вопрос, является ли коммунизм последней формацией или нет. В данном случае речь не идет, конечно, о том, продолжится ли развитие общества в условиях коммунизма, а о том, что, может быть, при коммунизме общественное развитие примет иные формы, чем смена общественно-экономических формаций. Подобную неопределенность будем отмечать «. .» вместо соответствующего знака.

1.3. К. Маркс в «Предисловии» к своему произведению «К критике политической экономии» сформулировал следующий закон смены общественно-экономических формаций⁷:

---

⁵ Естественно, предполагается, что вершины графа можно каким-либо образом различать. Вершины графа можно различать хотя бы по отношению к некоторой внешней системе координат; в то же время в направленном графе вершины графа можно различать и по отношению друг к другу, кроме некоторых графов, которые ниже не будут использоваться (напр., ориентированный граф, состоящий только из одного цикла или — как более общий случай — ориентированный граф, состоящий только из циклов, если все степени его вершин равны).

⁶ Договоримся пока рассматривать понятия «общественно-экономическая формация» и «способ производства» как находящиеся во взаимно-однозначном соответствии. По общепринятому пониманию формации различаются по способам производства. Обоснованность подобного соответствия будет подвергнута анализу ниже. Если все же кто-либо из читателей сомневается, то при рассмотрении данного закона можно в дальнейшем вместо «формация» читать везде «способ производства».

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 13, стр. 7. В цитированном сочинении К. Маркс применял понятие «формация» еще нестрого — то для обозначения совокупности всех антагонистических способов производства, то для обозначения каждого из них, но в данном случае мы от этого отвлечемся. Напоминаем также о сноске 6.

P1

В этой формулировке речь шла о последовательности формаций, которые возникли к моменту написания указанного произведения, — естественно, что в нем не называется коммунистическая формация. О первобытно-общинном строе классики марксизма стали писать несколько позже, поскольку в 1850-е и даже в 1860-е гг. о нем не существовало достаточно научных сведений.

1.4. В настоящее время общепринятым является следующая формулировка закона смены общественно-экономических формаций:

P2

1.5. Если признать существование азиатской формации, то закон последовательности общественно-экономических формаций будет выглядеть следующим образом.

1.6. Каждый из графов P2 и P3 представляет собой элементарную ориентированную цепь. Таким образом, по форме — способу связи элементов (т. е. формаций) — P2 и P3 не различаются, они нетождественны лишь по количеству и по наименованиям вершин. Следовательно, введение еще одной, азиатской, формации в принципе ничего не меняет в учении о формациях.

Р8

1.6.1. Сказанное не означает, что для отдельных разделов исторической науки вопрос об азиатской формации не может быть центральным. Речь идет о дисциплинах, изучающих более древние периоды человеческой истории. Но для истории в целом доля каждой формации уменьшается с ростом общего числа формаций. Чем дальше наблюдатель будет находиться от проблематичной азиатской формации, тем меньше будет для него значить ее существование по сравнению с рядом формаций как целым.

Может ли возникнуть бесконечное множество формаций? Поставленный вопрос относится к содержательным, а не к методологическим проблемам. Для ответа на него требуется известное предсказание будущего. Конечно, здесь имеется и методологический аспект. Если количество выделенных в прошлом (или в течение любого конечного участка времени) будет расти до бесконечности, то само понятие «формация» перестанет быть целесообразным из-за бесконечного уменьшения объяснительной силы высказываний, содержащих упомянутый термин, а также из-за слишком большого снижения информативного содержания понятия. Сказанное не означает, что выделение, наряду с азиатской, еще нескольких формаций (скажем, различение раннего и позднего феодализма в Западной Европе как разных формаций) приведет к указанным отрицательным последствиям.

1.6.2. Считать, что наличие определенных общих черт в разных странах, у разных народов дает нам право выделять их в отдельную формацию, — или же отрицать за этими общими чертами права служить основанием применения понятия «формация» — вопрос не философский, а исторический. Существование

того или иного способа производства открывается эмпирически. Философия и методология могут лишь ставить вопрос; применяется ли понятие «формация» во всех случаях одинаково (и указать на логическую противоречивость в случае обнаружения неодинакового употребления термина), или же — существуют ли у ученых определенные процедуры для выяснения существования денотата применяемого ими термина. Представления о номенклатуре формаций могут вполне претерпевать большие или меньшие изменения в результате роста наших знаний о прошлом человеческого общества. Новые формации можно открывать и придерживаясь уже известной методологии. Открытие одной или даже нескольких новых формаций не доказывает и не опровергает утверждения, что все формации следуют друг за другом в известном порядке.

1.6.2.1. Из вышеизложенного следует, что судьями в проблеме азиатской формации могут быть прежде всего те историки, которые обладают необходимыми техническими навыками, опытом и знаниями в области исследований древней истории. Помощь методологов может заключаться в первую очередь в строгой формулировке выдвинутых положений, терминов, а также в проверке доказательности аргументации по отношению к предмету спора. Методологи и теоретики должны выработать четкие критерии формации, т. е. дать однозначное определение понятия «формация», чтобы это понятие оказалось «работающим», легкоприменимым в практических исследованиях.

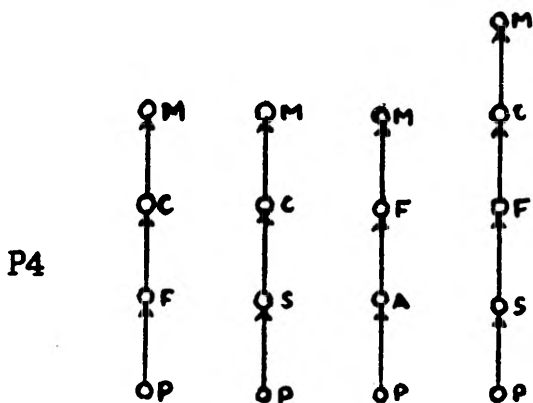
1.7 Представление закона последовательности формаций в виде одной элементарной цепи вызывает определенные трудности содержательного порядка. Действительно, если уж мы говорим о *законе*, то, значит, *все* конкретные переходы стран, народов от одной формации к другой могут происходить только в указанном порядке; содержательно естественным будет также ожидать известной схожести близких по расстоянию формаций, появления в конкретных обществах признаков новой формации в условиях старой при переходных процессах. Рассмотрим некоторые трудности.

1.7.1. Наибольшие трудности в применении элементарных цепей вызываются феноменом пропуска той или иной формации в историческом развитии отдельных народов. Так, германцы и славяне перешли непосредственно от первобытно-общинного строя к феодализму. В данном случае исключения опровергают закон — если элементарная цепь не объясняет всех переходов, то она не выполняет функцию научного закона. Можно ли все же спасти закон последовательности в виде одной элементарной цепи (хотя это, кстати, не является непременно необходимым)?

1.7.1.1. Следует, конечно, различать внесение новых общественных отношений извне (происходящее, например, в результате завоевания, а иногда и сотрудничества разных народов — в по-

следнем случае у некоторого народа налицо желание пропустить одну формацию и перейти сразу к более «высокой», но нет внутренних условий для реализации подобного перехода) и возникновение последних в результате саморазвития. Закон последовательности формаций — это закон саморазвития. Одно дело, если мы прививаем к яблоне одного сорта ветку с другим сортом, другое дело, если без всякого внешнего вмешательства происходит чудо и на одной и той же яблоне вдруг вырастают плоды двух сортов. Приняв намеченный выход, требуется доказать, что все случаи пропуска формации были вызваны внесением новых производственных отношений или производительных сил извне. Удовлетворительные доказательства подобного рода пока, кажется, отсутствуют.

1.7.1.2. Можно также заявить, что наше утверждение об определенной последовательности формаций не означает того, что каждый народ в своей истории проходит все формации, а что закон имеет силу только для общества в целом. Но последнее утверждение представляется несвязным графом, напр.:

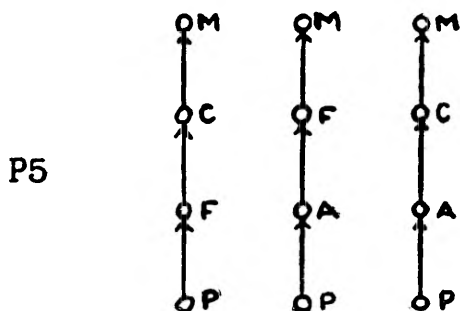

Явно, что P4 не является эквивалентным ни одному из графов P1, P2 или P3. Кроме того, кажется интуитивно ясным, что P4 требует большего обоснования, чем P1, P2, или P3. Ведь при P4 необходимо объяснить, почему тот или иной «социальный организм» попадает на один из возможных путей развития, а не на другой путь.

1.7.1.2.1. Все дело в том, что можно конструировать довольно много лесов из некоторого определенного количества вершин. Даже если мы примем ограничительную посылку, что в порядке, изображенном на P3, отдельные вершины могут быть пропущены, но неравенства дальностей вершин от корня каждого дерева должны быть соблюдены, результатом будет несколько ва-

риантов леса. Какой-то вариант, несомненно, может быть законом, но (как уже было сказано) в таком случае необходимо отказаться от понимания закона последовательности формаций как чего-то такого, что может быть представлено одной элементарной цепью.

1.7.1.2.2. Можно даже конструировать лес, в котором не будут встречаться в качестве деревьев элементарные цепи P2 и P3, напр.:

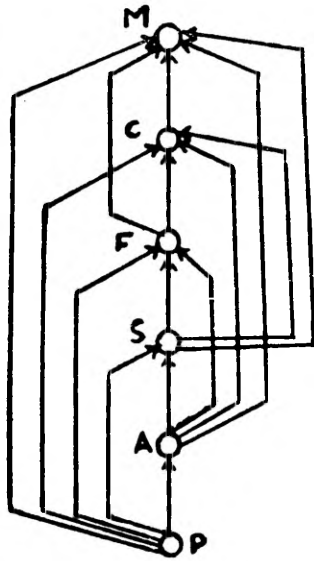
В таком случае принять либо P2, либо P3 в качестве закона последовательности формаций означает сформулировать ложное суждение.

1.7.1.2.3. Одну элементарную цепь в качестве закона последовательности формаций можно спасти, если ее понимать как статистическую среднюю или статистически наиболее частый вариант. Но в таком случае значение данного закона сильно упадет и во всяком случае будет значительно ниже того места, которое ему ныне придается хотя бы изложением в учебных пособиях, тем более, что придется признать существование других цепей.

Конечно, если мы лишим отдельные формации и переходы обязательности, то мы получим просто эмпирическую констатацию некоторых фактов. Но когда мы заменим в суждении, выражающем закон, все кванторы всеобщности на кванторы существования, то тем самым наше суждение перестает быть законом.

1.7.1.2.4. Построения несвязного графа можно избежать, но тогда необходим отказ от использования элементарных цепей для представления последовательности формаций (иногда даже отказ от плоских графов) Если любая формация или две, три, вообще энное количество формаций может быть пропущена, то закон последовательности примет следующий вид:

Р6

Правда, навряд ли нужен закон, сформулированный на Р6.

1.7.2. Кроме трудностей, связанных с пропуском тех или иных формаций, существенную роль играют трудности, возникающие в связи с рабовладельческой формацией. В 1.7.1 уже напоминалось, что ряд народов не прошли классической рабовладельческой формации — пропуск рабовладения является скорее типичным фактом, чем исключением (по крайней мере статически).

1.7.2.1. Роль товарного производства при античном рабовладении, в феодальном обществе и при капитализме неодинакова, не говоря уже о распространенности или объеме его. Навряд ли можно утверждать, что все показатели, связанные с наличием товарного производства в обществе, одинаковым образом меняются при движении от античности к капитализму. Между тем, естественно рождаются сходства в поведении переменных при развитии всей системы в одном направлении (что следует из концепции закона в виде одной элементарной цепи). Кстати, требует объяснения и факт, что ряд исследователей ошибочно видели в античности капитализм, но феодализм и капитализм они не путали.

1.7.2.2. Еще одну трудность при рассмотрении рабства вызывает рабство в США в XIX в. Можно, конечно, искать различий рабства в южных штатах США и античного рабства, но вопрос в том, — эти ли различия больше, или различия между рабством и капитализмом?

1.7.2.2.1. Наиболее простым выходом является еще одно расширение номенклатуры формаций. Для подобного расширения требуются, правда, веские основания. То, что некоторые явления происходят на 200 или 2000 лет позже других, не является таким основанием. Весь смысл введения понятия формации именно в том и состоит, что отвлекаются от внешних социальной жизни отношений физического времени. Если мы будем утверждать, что через 1500 лет после античности рабства быть не может, то как же могут сохраниться первобытные племена?! Почему в США произошло развитие в обратную сторону — факт трудно объяснимый (если, как уже было сказано, мы отбросим в сторону разрушающее влияние внешних завоеваний)?

1.7.2.2.2. Введение понятия «уклад» делу не поможет. Действительно, под укладом обычно понимается негосподствующий способ производства. Но даже негосподствующий способ производства не может появиться вопреки общим законам последовательности способов производства — иначе придется признать правомерным возможность появления, естественного возникновения внутри социалистического строя первобытно-общинного или рабовладельческого общества, и вся теория формаций становится бессмысленной.⁸

1.7.2.2.3. Но если мы примем рабовладение в США и в античности за разные случаи рабовладельческого способа производства, или даже рабовладельческой формации, то мы должны отказаться от элементарных ориентированных цепей для изображения формационного ряда. Если же мы примем их за отличающиеся друг от друга, то ввиду всеобщности рабовладения как в древности, так и в XIX в., мы должны сделать то же самое.

1.7.2.3. Еще одна трудность связывается с переходом от рабовладения к другим формациям. Движущие силы перехода от античности к феодализму находились вне античного общества. Античное рабовладение само вообще не обладало способностью превратиться в некоторую иную формацию — значит, речь идет о тупике в развитии. Следовательно, мы не можем ограничиваться одной элементарной цепью для изображения закона последовательности формаций. Имманентной обществу последовательности античности и феодализма не существовало, более позднее появление феодализма отмечается только на внешней обществу шкале физического времени, которое в макропроцессах, кажется, необратимо.

1.7.2.3.1. Только в США при переходе к новой (для южных штатов) формации с применением внешней силы, по-видимому, сочеталась революция рабов. Но тут речь идет о переходе к капитализму, а не к феодализму. В таком случае мы должны были

---

⁸ Дополнительные возражения против последнего утверждения см. ниже, в 2.—2.4.6. Проблема уклада рассматривается еще и в 1.10.—1.10.4.2.

бы поставить рабскую формацию между феодализмом и капитализмом, если оставаться в пределах одной ориентированной элементарной цепи. Подобная перемена мест объяснила бы отсутствие перехода от рабовладения к феодализму запретом перехода к «низшим» формациям и объяснила бы также некоторые сходства рабовладельческой и капиталистической формаций (не только товарное производство, но и кое-где демократия для правящего класса в политической жизни; взлет античной культуры). С другой стороны, подобная инверсия наблюдаемого порядка интуитивно воспринимается. Чем-то настолько кощунственным, — тем более что в Европе феодализм дал более высокое развитие производительных сил чем уровень, достигнутый в Римской империи, — что возникает необходимость в поисках какого-то иного выхода.

1.7.2.4. В итоге можно сказать, что рабовладельческий способ производства и соответствующая формация представляют для классической теории формаций, принимающей закон последовательности формаций в качестве одной-единственной элементарной ориентированной цепи, настоящую аномалию.

1.7.3. Трудности теории формаций связаны также с явлением, известным под названием «вторичное закрепощение». Действительно, в Восточной Европе при переходе от развитого феодализма к капитализму мы наблюдаем изменение внутриахозяйственных отношений эксплуатации, при которых положение крестьянства приближается почти к рабскому, хотя нигде этого не достигает, несмотря даже на отдельные призывы к фактическому уравнению крепостного и римского раба. Сам капитализм характеризуется ведь как раз обратными свойствами зависимости. Можно объяснить механизм такого процесса. Но объяснение, *почему* это так получилось, не отвечает нам еще на вопрос, *что* же получилось, что из себя представляет результат.

Если поместить рабство после феодализма, то решение кажется очень простым: действительно — ведь при вторичном закрепощении движение шло в сторону рабства — крупнотоварного производства и усиления личной зависимости. Дело все же сложнее. Из вторичного закрепощения нигде не развилось рабства, и нам опять следует отказаться от казавшейся такой заманчивой гипотезы.⁹

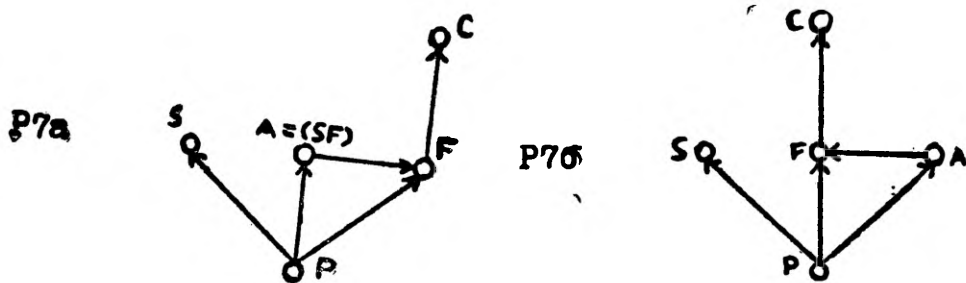
---

⁹ В элементарных цепях «нигде» практически означает «невозможно», потому что в них выбор ограничен всего лишь двумя вариантами: либо происходит переход к следующей формации (вершине), либо остаются в предыдущей. То, что не наблюдалось, не могло произойти. Такова логика элементарных цепей. Если мы утверждаем — возможность (хотя бы ничтожно малая) была, то мы всего лишь утверждаем, что наблюдаемый переход мог наступить несколько раньше, но не допускаем никаких других возможностей. Конечно, подобную предпосылку можно оспаривать, от элементарных цепей можно отказаться, но это уже другой вопрос.

1.7.4. Еще одна трудность связана с переходом от капитализма к коммунизму. Этот переход происходил до сих пор лишь в средне-развитых или слаборазвитых капиталистических странах. Единственная высокоразвитая капиталистическая страна, в которой более или менее по внутренним причинам совершается процесс перехода от капитализма к коммунизму, да и то не без значительного воздействия внешних сил, — это Чехословакия. В наиболее высокоразвитых государствах переход к социализму еще не начался, в некоторых из них (США, Канада, Австралия) даже не предвидится в ближайшие десятилетия за неимением соответствующих организованных сил.

1.7.4.1. Но если коммунизм отделяется от капитализма в сравнительно ранних стадиях последнего, то в графе формаций данный факт должен находить свое отражение. Элементарная цепь таких возможностей не дает. Другое дело — графы, которые не являются элементарными, допускают, например, наличие нескольких вершин, равноудаленных от исходной вершины.

1.8. Л. С. Васильев и И. А. Стучевский первыми наиболее смело отказались от попыток изображать закон последовательности формаций способами, аналогичными формулировке в виде одной элементарной цепи¹⁰ Правда, их предложения на страницах журнала «Вопросы истории» не были совсем ясными. С одной стороны, азиатская формация изображается как самостоятельная модель, единица, как самостоятельный системный элемент, с другой стороны, она вроде бы представляет особую смесь рабовладельческой и феодальной формации¹¹ Если перевести утверждения Л. С. Васильева и И. А. Стучевского на язык графов, то получим либо P7a, либо P7б:

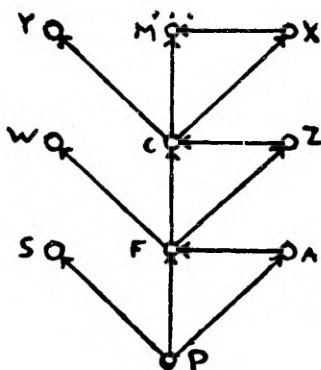
¹⁰ Л. С. Васильев, И. А. Стучевский, Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ, «Вопросы истории», 1966, № 5, стр. 71—90.

¹¹ Кроме цит. соч., см. еще дискуссионную статью: В. Н. Никифоров, Логика дискуссии и логика в дискуссии, «Вопросы истории», 1968, № 2, стр. 116—119.

Договоримся в дальнейшем рассматривать только P76 и назовем это «законом Васильева-Стучевского».

1.8.1. Рассматривая закон Васильева-Стучевского, возникает вопрос — почему их граф не является симметричным? Конечно, Л. С. Васильев и И. А. Стучевский исследовали проблему азиатского способа производства. Но когда речь идет о законе последовательности формаций в целом, то мы должны поставить схожие вопросы и по отношению к следующим ступеням. Даже если мы не согласимся с подобным расширением приемов Васильева-Стучевского, мы должны сперва поставить вопрос: нет ли ответов до вопросов (хотя иногда нам кажется, что вопросы интуитивно подразумеваются), нет отрицаний до утверждений. Гипотеза о симметричности могла бы выглядеть так:

P8

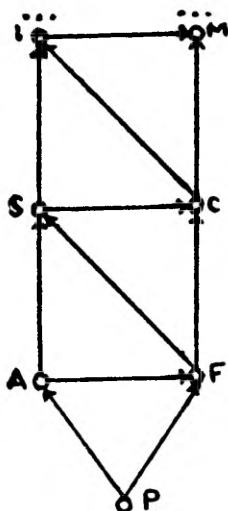

1.8.2. Из P76 и P8 видно, что принципиальное значение предложений Васильева-Стучевского выходит далеко за рамки спора о существовании азиатского способа производства и соответствующей формации. Речь идет об отказе от однолинейной концепции общественного развития, которая допускает только ускорение или замедление процессов, но не допускает выбора между разными вариантами, принципиально различающимися как по отношению к предыдущей ступени, так и между собой. Вся старая двухзначная терминология (напр.: либо прогресс, либо реакция) оказывается недостаточной; все представления об исторической необходимости как исключающей значение *выбора* рушатся. Ведь одно дело, когда выбирают между ускорением или замедлением наступления смерти, и совершенно другое дело, если бы наряду с жизнью и смертью человеку была дана еще третья возможность и от самого человека (или от каких-то других сил) зависело, что будет после жизни — смерть или нечто третье. Конечно, не все процессы можно отражать при помощи многозначной логики, но для отражения некоторых процессов

применение многозначной логики необходимо. Историки XIX в. не знали, что такое многозначная логика, ибо последняя еще не существовала. Поэтому представления о линейности легко укладывались в их головы. Но в XX веке мы *должны* задавать вопросы, которые не возникали в мыслях людей XVIII или XIX веков и, более того, мы *можем* задавать подобные вопросы.

1.9. Графы P76 и P8, сконструированные на основании или развивая дальше предложения Васильева-Стучевского, не являются единственно возможными ориентированными неэлементарными графами. Можно, например, сконструировать следующий граф закона последовательности смены формаций:

P9

1.9.1. В P9 существует несколько путей для достижения одной и той же формации. При этом количество возможных (допустимых) цепей увеличивается по мере роста расстояния данной вершины от исходной. Множество путей, пройденных разными странами, народами, объясняется сравнительно легко — множеством допустимых цепей. При этом оказывается, что в общем множестве допустимых различающихся цепей частота появления некоторых вершин (т. е. формаций) будет неравной, и будет зависеть также от количества проделанных переходов, даже допуская одинаковую скорость развития.

Например, после двух шагов мы получим следующее множество возможных цепей (порядок слева направо): PAS, PAF, PFS, PFC. В этом множестве мы получим следующие распределения цепей по наличию в них некоторой вершины:

- Цепи, в которых встречается S — 50%
- Цепи, в которых встречается F — 75%
- Цепи, в которых встречается C — 25%
- Цепи, в которых встречается A — 50%

После же трех шагов мы получим отличное от первого множество возможных цепей: PASI, PASC, PAFS, PAFC, PFSI, PFSC, PFCI, PFCM и следующие распределения цепей по наличию в них некоторой вершины:

- Цепи, в которых встречается S — 62,5%
- Цепи, в которых встречается F — 75%
- Цепи, в которых встречается C — 62,5%
- Цепи, в которых встречается A — 50%
- Цепи, в которых встречается M — 12,5%
- Цепи, в которых встречается I — 25%

Кстати, в обоих случаях в прошлом тех или иных «социальных организмов» наиболее часто встречается феодализм.

Мы можем задавать вопросы и о распределении вершин по некоторым другим основаниям, например, выяснять распределение вершин, равноудаленных от исходной вершины и т. п.

1.9.2. Графы P9 и P3 не отличаются друг от друга настолько, насколько это кажется на первый взгляд. Действительно, если мы удалим из P9 все замыкающие ребра, то мы его упростим в P3. Если же мы займемся транзитивным замыканием графа P3, то мы получим P9. P3 является как бы частным случаем P9.

1.9.3. Естественно, P9 сконструировано так, чтобы решить некоторые выявленные до сих пор затруднения, связанные с законом последовательности формаций. Например, сходство рабовладения с капитализмом объясняется тем, что оба находятся на одном и том же расстоянии от исходной вершины по минимальной цепи, в то же время возможное раннее возникновение рабовладения объясняется тем, что рабовладение может следовать непосредственно после «азиатской» формации, а не только после феодализма.

1.9.4. Следует подчеркнуть, что P9 всего лишь один из нескольких неэлементарных графов, возможных для формулировки закона последовательности формаций. P9 применяется в данной работе в целях методологического исследования проблемы; автор ничего не говорит о том, какая формулировка закона является истинной, ибо на данном этапе это выходит за пределы методологии.

1.10. Существует особая трудность, характерная для всей теории формаций, в т. ч. и для любых попыток сформулировать закон последовательности формаций, — а именно проблема многоукладности. Конечно, не очень ясно, что следует понимать под укладом. Обычно говорят о негосподствующем способе производства. В то же время до сих пор отсутствуют совершенно твер-

дые и ясные критерии того, что считать «господствующим» (не говоря уже об эмпирических трудностях, связанных, например, с измерением распространенности тех или иных производственных отношений 200—500—3000 лет тому назад). Тем не менее эмпирически установлено, что в некоторых «социальных организмах» (в странах, у определенных народов) одновременно существовали два или несколько способов производства и по крайней мере некоторые из соответствующих надстроек и т. п. (напр., идеологии). Закон последовательности формаций в классической формулировке говорит только о «чистых» формациях.

1.10.1. Можно утверждать, что «чистых формаций» не бывает. Но на самом деле мы знаем по крайней мере в отношении капиталистической формации, что многие капиталистические страны имеют всего-навсего один уклад — капиталистический. Проблему мелкого товарного производства мы рассмотрим позже, но заметим, что с развитием капитализма его роль значительно снижается и им можно пренебречь. Значит — «чистые» формации все-таки налицо. Да и в отношении феодализма можно сказать, что имелись по крайней мере некоторые страны, где феодальный способ производства и феодальная формация были практически единственным укладом общественной жизни, например, Прибалтика в XVIII в. или большинство европейских стран эпохи классического феодализма XII—XIV вв. Таким образом, теория должна допускать и «чистые» и «смешанные» или «элементарные», и «комплексные» формации. Наличие двух типов объединений необходимо учитывать и в формулировках закона последовательности формаций.

1.10.2. При рассмотрении многоукладности важное значение имеет проблема взаимоотношений между «укладами». В царской России имелись и народы, находящиеся на ступени первобытно-общинного строя, и высококапиталистические народы, но они отнюдь не были еще связаны в единую хозяйственную систему, да и связь их с царским государством была неодинаковой. Повидомому, о комплексной формации имеет смысл говорить лишь постольку, поскольку между хозяйствами, принадлежащими к разным укладам, имеются действительные, *регулярные и достаточно интенсивные связи*. Так, США первой половины XIX в. представляли собой единый рынок, но хозяйства, работавшие на рынок, различались: некоторые были рабовладельческими, некоторые — капиталистическими. Тут мы имеем дело с комплексной — рабовладельческо-капиталистической формацией. СССР в 1922—1929 гг. дает нам другой пример подобной комплексной системы.

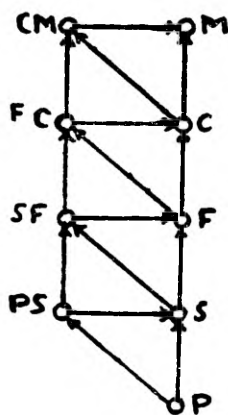
1.10.3. Могут ли возникать любые сочетания укладов в комплексную формацию? На данном этапе исследования я предпочитаю отрицательный ответ, но воздержусь от обоснования такого ответа. Дело в том, что закон последовательности формаций

отвечает на вопрос «как?», а не — «почему?» При формулировках рассматриваемого закона нас прежде всего интересует, чем эти формулировки отличаются друг от друга и какие отличия вызваны введением тех или иных допущений и ограничений. Стоит ли вводить или не вводить известные ограничения — это вопрос, выходящий за рамки исследования данного закона *самого по себе*, и его решение следует отложить до рассмотрения других сходных проблем. Примем пока следующее ограничение без специального обоснования: комплексные формации возникают из сочетания таких и только таких элементарных формаций, разница расстояний которых от исходной вершины по минимальной цепи не превышает одного ребра.

1.10.4. Не следует ли рассматривать комплексные формации лишь как переходные состояния между элементарными? При утвердительном ответе кажется, что наличие комплексных формаций вполне согласуется с формулировками закона последовательностей при помощи элементарных цепей. На самом деле вопрос сложнее. Можем ли мы допустить переход от одной комплексной формации к другой? Если можем, то элементарные цепи уже непригодны. Если не можем, то элементарные цепи остаются. Без ответа на вопрос о допустимости переходов от одной комплексной формации к другой любой ответ на вопрос о возможности отождествления комплексных формаций и переходных состояний между формациями является пустой спекуляцией.

1.10.4.1. Если мы допустим непосредственные переходы от одной комплексной формации к другой, то один из возможных графов будет иметь следующий вид:

Р10

1.10.4.2. Чертеж возможных переходов при допущении комплексных формаций (даже при указанном ограничении) графа Р9 окажется довольно сложным, хотя вполне осуществимым.

Поэтому я предпочитаю заменить форму графа матричной формой. Соответствующая матрица будет иметь следующий вид:

→	P	A	F	S	C	I	M	PA	PF	AF	AS	AC	FS	FC	SC	SI	SM	CM	CI	MI	
P	0	1	1	0	0	0	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
A	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
F	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0
S	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0
C	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0
I	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
M	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
PA	0	1	1	0	0	0	0	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
PF	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0
AF	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0
AS	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0
AC	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	0	1	0
FS	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	0	1	0
FC	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	0
SC	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1
SI	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1
SM	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0
CM	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
CI	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0
MI	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

1.11. Из предыдущего следует, что проблемы закона последовательности формаций делятся по крайней мере на два подкласса. Первый из них будем называть подклассом проблем номенклатуры формаций. Проблемы номенклатуры формаций — это совокупность вопросов об идентификации, распознавании, различении тех или иных формаций, объединяемых законом последовательности. Проблема азиатского способа производства входит именно в этот подкласс. Второй подкласс будем называть подклассом проблем форм закона последовательности формаций. Сюда входят вопросы о том, представляется ли рассматриваемый закон элементарной цепью или неэлементарной, является ли граф, при помощи которого формулируется закон, связным или несвязным и т. п.

Различение двух подклассов проблемного круга, возникающего по поводу закона последовательности, является не только упражнением в логической схоластике, но обладает известной целесообразностью в исследовательском плане. Обоснования, доказательства разных ответов (решений проблем), которые принадлежат к разным подклассам, получаются разными способами.

1.11.1. Проблемы номенклатуры формаций решаются в два приема. Во-первых, требуется построить возможно более строгие

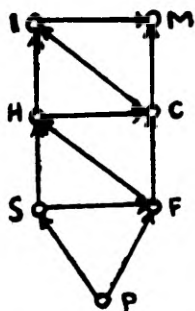
описания отдельных формаций — создать политэкономия капитализма, феодализма и т. п., более того, создать для каждой формации не только свою политэкономия, но и политическую науку и социологию. Выделение формации как особого феномена, особой материальной «вещи» перестает быть спекулятивным лишь тогда, когда возникают теории, описывающие именно эту формацию. Марксов «Капитал» является исторически самым первым из таких научных теорий. Подобные же попытки предприняты и для феодализма (а менее основательно — для каждого наименования всей номенклатуры формаций) ¹².

Вторым шагом выработки номенклатуры формаций является сравнение полученных формальных описаний, более того — теорий, — между собой. Конечно, то, что исследователи называют формациями, теории которых они создают по-разному, не служит еще достаточным основанием суждения о различии описываемых ими феноменов. Суждения о различии в данном случае доказываются только сравнительным исследованием, выделяющим как общие, так и различительные признаки изучаемых феноменов.

Следует отметить, что сравнительное изучение возможно только после первичного создания теорий сравниваемых предметов ¹³.

1.11.1.1. Рассмотрим, что получится, если мы в схемах P3 и P9 откажемся от азиатской формации и отождествим ее с рабовладением. Из P3 получится тогда просто P2, ибо указанные графы различаются только по наличию или отсутствию одной-единственной вершины. Из P9 же получается следующий граф:

P11

¹² Не претендуя на составление полной библиографии, назову выборочно след. соч.: Б. Ф. Поршнев, Очерк политической экономики феодализма, М., 1956; Ю. В. Качановский, О понятиях «рабство» и «феодализм», «Вопросы истории», 1967, № 6.

¹³ На этом месте опять уместно вернуться к положению, выдвинутому раньше: при проведении методологического анализа мы в данном случае ничего не говорим о том, какая из приведенных схем является единственно истинной. Мы рассматриваем возможные схемы, притом (эвристически) выбираем среди них те, в пользу которых могут быть выдвинуты некоторые более или менее серьезные соображения в пределах исторической науки.

В P11 приходится вводить в номенклатуру формаций новую формацию, «параллельную» капитализму, условно обозначаемую «Н». Само по себе это еще недостаточное основание для отказа от P11 — ведь мы пока просто не искали такой формации. Можно, например, предложить возможность формации, основой которой является мелкотоварный способ производства (обычно говорят об укладе, но в 1.10. мы уже указывали на некоторые трудности, связанные с термином «уклад») Поскольку P11, как и P76 или же P9 представляют собой *законы возможностей*, а не все возможности обязательно везде и всегда осуществились, то наличие по крайней мере мелкотоварного уклада в хозяйстве тех или иных стран имеет важное значение для подтверждения данного нововведения.

Из анализа, проведенного в текущем пункте, вытекает положение, что форма графа не всегда безразлична к номенклатуре формаций. В элементарных цепях подобное безразличие существует, в неэлементарных же графах принятие некоторого графа заставляет нас делать попытки идентификации индивидуальных вершин в исторической действительности. Поскольку любую элементарную цепь можно сжать до графа, в котором имеется лишь одно ребро и две вершины, возникает основание для противопоставления в сознании «прошлого» и «настоящего», где оба состояния рассматриваются как имеющие некоторую имманентную им внутреннюю целостность. Данное соображение, однако, не может еще служить доводом в пользу принятия элементарного графа в качестве формы закона, хотя оно широко распространено в обиходе. Дело в том, что подобные взгляды могут возникать и при истинности графов, изоморфных, скажем, графу P9. В последнем случае возникает просто «эгоцентрическое» презентистское искажение перспективы, связанное с обстоятельством, что мы, как наблюдатели общественного развития, находимся внутри, а не вовне наблюдаемого нами процесса. По отношению к закону последовательностей, мы живем одновременно в одной из возможностей, а не в нескольких, и судим о мире — как прошлом, так и современном нам — по мерке того практического опыта, с которым мы как личности или как социальные системы, принимающие участие в порождении сознания, сталкиваемся.

1.11.12. Подтверждение истинности той или другой формы графа представляет значительно большие трудности, чем решение проблемы номенклатуры. Сами историки до сих пор еще не осознали, что тут речь идет о проблематике, в принципе различающейся от проблематики номенклатуры формаций. Указанное непонимание, как нам кажется, связано с неприменением историками формальных методов, искусственных языков для формулировки своих утверждений.

Одним из методов подтверждения формы того или иного графа является поиск формаций, наличие которых требуется данной формой. Но, как было указано выше, такой метод применим лишь для тех графов, форма которых не индифферентна к количеству вершин. Кроме того, как также уже указывалось, неэлементарные графы представляют собой законы, фиксирующие поле возможностей. Некоторые из них могли и не превратиться в действительность. Доказательство наличия возможностей представляет собой значительно более трудную операцию, чем доказательство наличия действительных феноменов.

Можно, конечно, утверждать, что всегда существовала лишь одна возможность, которая была реализована. В пределах марксистской методологии истории на ошибочность подобного представления недавно указала Ц. Бобинска, приводя пример маркова анализа двух путей объединения Германии в XIX веке¹⁴

Обобщая намеченный метод, можно сказать, что одним из способов выяснения возможностей является поиск реальных общественных сил в переходные периоды или во временных участках, непосредственно прилегающих к переходным состояниям, ведущим борьбу за ту или иную программу изменений, в данном случае за наступление той или иной формации. Конечно, следует указывать, что иногда у людей и общественных сил могла отсутствовать сознательность, т. е. осознание и предвидение действительных результатов их общественно-преобразующей деятельности. В таком случае следует выяснять, имели ли место несколько тенденций социально-экономического развития, или же имела место лишь одна тенденция; в первом случае, конечно, следует в дальнейшем выяснять, какие же тенденции имели место. Если, например, мы покажем, что реальными тенденциями в позднефеодальной формации были не рабовладение и капитализм, а мелкотоварное производство и капитализм, то мы подтвердим P11 и опровергнем P9.

1.11.1.2.1. Уместно заметить, что пока граф закона последовательности представлялся в форме элементарной цепи, перед историками реально не возникало задачи решать проблему формы графа. Поэтому и недостаточно разработаны соответствующие методы. Любое изменение в переходные периоды просто квалифицировалось как или приводящее к следующей стадии, или лишь видоизменяющее предыдущую — например, как либо феодальное — либо капиталистическое, или либо рабовладельческое — либо феодальное. Но в данном случае историки стремились не доказывать некоторый общий тезис, а исходили из доказанности суждения, что после рабовладения может следовать только феодализм, а после феодализма — только капита-

---

¹⁴ С. B o b i n s k a, Historiker und historische Wahrheit, В., 1967, SS. 182—184.

лизм. Если же отказаться от подобной предпосылки, принять исходную позицию за недоказанную, то ценность более ранних исследований снижается. Следовательно, в некотором смысле требуется писать историю заново, или, по крайней мере, просмотреть заново, отказавшись от установившихся штампов (хотя новое исследование может вполне привести к доказательству старой точки зрения!) Дело в том, что теперь, когда серьезно выдвигаются предложения, знаменующие собой отказ от элементарных цепей в качестве формы закона последовательности, практическое обоснование того или иного утверждения связано с необходимостью выбора — выбора одного из предложенных исследователями графов и обоснованного, аргументированного отказа от остальных. Без выполнения последнего требования наши рассуждения просто перестают быть научными и выходят за пределы рационального знания. С изменением обстоятельств, с изменением, углублением наших знаний даже общеизвестные истины приходится иной раз доказывать заново, доказывать новыми способами, приемами — последнее еще не равноценно отказу от этих истин. Иначе возникает опасность отставания от общего хода развития науки, или, еще хуже, начинает тормозиться само развитие знания (конечно, если считать знания благом, как это делают марксисты)

1.11.2. Рассуждения в 1.11.1.1. и 1.11.1.2. относились к эмпирической проверке ответов (решений выдвинутых проблем). Хотя эмпирические критерии в конечном счете решающие и в этом смысле абсолютные, они не могут полностью заменить теоретических доказательств. Если мы хотим и должны вывести закон последовательности теоретически, то, повидимому, требуются двоякие условия. Во-первых, необходимо иметь теорию самой первой (во времени) формации, т. е., по укоренившемуся пониманию, истории первобытно-общинного строя. Во-вторых, необходимо выработать (получить, сформулировать) правила, согласно которым можно из теории первой формации получить теории остальных формаций, при этом в известной последовательности — превращая теорию одной формации в теорию другой формации согласно некоторому набору алгоритмов (в элементарных цепях будут применяться разветвляющиеся алгоритмы) Применяемое в таком случае упорядоченное множество алгоритмов фиксирует совокупность допустимых действий и элементы этого множества — отдельные алгоритмы — будут являться формулировками законов развития (в отличие от законов функционирования). Подобная теория будет тогда служить объяснением тех или иных изменений, форм и номенклатур в том смысле, в котором «объяснение» широко употребляется в естественных науках.

1.12. Проблема закона последовательности формаций тесно

связана с проблемой единства человечества, но в то же время не сводится к последней. Все зависит от того понимания, которое вкладывается в понятие «единство человечества» или «единство человеческой истории». Единство человечества можно интерпретировать как общность всему человечеству некоторых законов, процессов (всеобщность отношений базиса и надстройки в марксизме, аналогичность некоторых процессов в разных цивилизациях по Тойнби и т. п.). В таком случае закон последовательности формаций имеет небольшое касательство к проблеме: возникает только вопрос, является ли он одним из тех законов, которые едины человечеству (истории) или нет. Отрицательное решение вопроса само по себе не означает отказа от тезиса о единстве человечества. Если же единство человечества понимать более строго как обязательность прохождения всего человечества через некоторые формации, характерные для любого «социального организма», т. е. требование представить закон последовательности в виде связанного графа, то тогда рассматриваемый закон окажется в центре проблемы единства человечества. На наш взгляд, нет достаточных оснований интерпретировать положение о единстве человечества более строго, ибо в последнем случае приходится отказаться от привычного употребления выражения «единство». Другое дело, конечно, если единство понимать как непосредственную взаимосвязанность — тогда оно является только вероятным будущим состоянием.

2. Закон соответствия производительных сил и производственных отношений

2.1. Соответствие характера производственных отношений уровню развития производительных сил признается всеми марксистами объективным законом социальной действительности. Способ производства — одно из основных понятий марксизма — определяется обычно как единство производственных отношений и производительных сил, т. е. через закон соответствия указанных компонентов. Из круга методологических проблем, связанных с данным законом соответствия, выберем для рассмотрения две.

Первая — это проблема средств формального изображения закона соответствия производственных отношений производительным силам. Это — проблема создания некоторой модели, пусть даже иллюстративной, при помощи которой можно четко и недвусмысленно охарактеризовать свойства отношения соответствия между производительными силами и производственными отношениями.

Вторая проблема, которой мы будем заниматься — вопрос

об «экономическом смысле» термина «соответствие» в применении к соотношениям производительных сил и производственных отношений. Выражение «экономический смысл» будем понимать аналогично выражению «физический смысл», которое довольно часто употребляется в методологическом анализе современных физических теорий.

Обе проблемы, несмотря на свою взаимосвязь, все же различны. В первом случае мы занимаемся главным образом упорядочиванием мышления, а попутно установлением границ формализованного и неформализованного. Во втором случае мы указываем на некоторые свойства реальных процессов экономики и, шире, материального производства.

Наконец, следует подчеркнуть, что настоящая статья посвящена теории формаций, значит — закон соответствия производительных сил и производственных отношений интересует нас лишь в той мере, в какой он входит в теорию формаций, является частью изучаемой нами теории. Естественно, что в отмеченном плане необходимо рассматривать данный закон с точки зрения возможности различать, выделять частные формации, обосновывать их порядок, отношения между собой, а не просто изучать процессы внутри некоторой одной формации.

2.2. Как правило, уровень развития производительных сил измеряется производительностью труда, т. е. количеством продуктов, произведенных одним и тем же количеством труда в единицу рабочего времени. В любой какой-то момент времени производительность труда выражается некоей величиной, производительность труда в известный промежуток времени можно изобразить линией.

Характер производственных отношений определяется основным производственным отношением данной экономической системы — при буржуазном строе это капитал, при феодализме — феодальная рента и т. д. По сравнению с производительностью труда характер, т. е. тип производственных отношений, меняется дискретно. Указанное различие целесообразно отметить и при изображении их взаимоотношений, поэтому в дальнейшем разный характер, разные типы производственных отношений будем отмечать некоторыми точками, лежащими вне линии производительных сил. Эти точки будут составлять область отправления указанного соответствия.

Несомненно, что в рассматриваемом соответствии¹⁵ в отно-

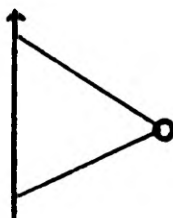
---

¹⁵ Соответствие можно определять несколькими способами. Но в любом случае читателю полезно помнить, что термин «соответствие» является строгим математическим понятием. Если мы в данном разделе иногда и не будем очень строги в изложении, то основанием являются эвристические соображения: аппарат должен служить исследованию, а не наоборот; если можно обойтись без аппарата, то нужно обойтись без него.

шении к некоторой точке области отправления находятся некоторые участки («множества точек») области прибытия, т. е. рассматриваемое соответствие не является функциональным. Дело в том, что, например, капитализм допускает разные уровни производительности труда, но при этом все же остается капитализмом. Производительность труда в Великобритании в 1865 г. несомненно была выше, чем в 1835 г., но характер производственных отношений не изменился.

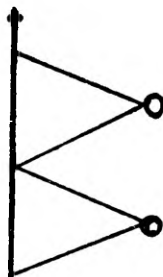
Соответствия производительных сил производственным отношениям будем изображать¹⁶ рисунками следующего вида:

P12

2.2.1. Когда мы рассматриваем всю совокупность общественно-экономических формаций, то мы имеем дело с известным множеством, более того, с известным упорядоченным множеством соответствий — с некоторой системой соответствий. Следовательно, мы будем пользоваться изображениями следующего типа:

P18

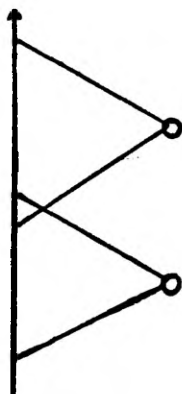

2.2.2. Следует учесть, что в принципе некоторые точки на линии производительности труда могут соответствовать более чем одной точке (элементу множества) области отправления. Дело в том, что при переходе от одной формации к другой про-

¹⁶ Некоторые аргументы данного пункта основываются на содержательных соображениях, на экономическом смысле употребляемых средств. Мы выбираем средства изображения так, чтобы они укладывались в наши представления об экономических процессах и связях вне приемов изображения.

изводительность труда в новой формации поначалу иногда бывает ниже, чем в старой формации. Следовательно, наши изображения должны отражать отмеченный факт, что делается просто:

P14

2.2.3. Заметим, что с точки зрения изучения процесса развития представило бы значительный интерес измерить расстояние, разницу между крайними точками на линии производительности труда, находящимися в соответствии с некоторым типом производственных отношений. Правда, для более ранних этапов развития человечества сделать это вряд ли возможно, но все же кажется имеющим основу утверждение о том, что названная разница увеличивается по мере удаления от первобытно-общинного строя. Часто любят рассуждать на тему об ускорении развития, приводя в доказательство факт уменьшения временных промежутков, требуемых для прохождения той или иной формации. Не говоря уже о том, что при признании азиатской формации становится спорной эмпирическая база подобных обобщений, следует отметить, что время, требуемое для прохождения некоторой формации, зависит не только от скорости движения — темпа роста производительности труда, но и от длины пути — величины максимальной разницы между уровнями производительности труда, соответствующими тем или иным производственным отношениям.

2.3. Каков экономический смысл закона соответствия производительных сил производственным отношениям? При ответе на поставленный вопрос можно выделить две стороны реальных процессов. С одной стороны, о соответствии говорят в случае, когда производственные отношения ускоряют развитие производительных сил, о несоответствии — когда они замедляют это развитие. С другой стороны, термин «соответствие» употребляется для выделения в соотношении «производительные силы —

производственные отношения» того факта, что некоторый определенный тип производственных отношений может существовать только при известном уровне производительных сил: капитализм в древнекаменном веке или феодализм при машинном производстве являются одинаковыми (в принципе) невозможностями, — определенному уровню развития производительных сил соответствует некоторый тип производственных отношений и наоборот. Будем в дальнейшем второй тип соответствия называть совместимостью, а первый — адаптацией.

Проведенное различие отнюдь не всегда сознается исследователями, поэтому и не очень точно формулируется в учебных и др. пособиях. Так, В. Келле и М. Ковальзон подчеркивают, что производительные силы являются содержанием, производственные отношения — «необходимой материальной формой»¹⁷ «Не люди, а производительные силы определяют производственные отношения»¹⁸. Если производительные силы определяют, обуславливают производственные отношения, то, значит, речь идет об их закономерной, необходимой совместимости. А. Спиркин, с другой стороны, подчеркивает адаптационный тип взаимоотношений: «. Обе стороны способа производства развиваются *неравномерно*. Но эта неравномерность имеет свои границы. Когда производственные отношения отстают от производительных сил, то возникает противоречие.» И дальше: «Чтобы производство успешно развивалось, а вместе с ним развивалось и все общество, производственные отношения должны соответствовать уровню развития производительных сил. Если это соответствие налицо, то производственные отношения способствуют развитию производительных сил, а если оно нарушено, то производственные отношения превращаются в тормоз развития производительных сил»¹⁹. В учебнике политэкономии под ред. Н. А. Цаголова мы читаем: «Определенная историческая ступень в развитии производительных сил требует и определенного типа производственных отношений. Таков *объективный закон*, открытый Марксом. Если производственные отношения соответствуют характеру производительных сил, они способствуют развитию последних, двигают их вперед. Но на определенном этапе производительные силы перерастают сложившиеся производственные отношения, которые превращаются в их оковы»²⁰

---

¹⁷ В. Келле, М. Ковальзон, Исторический материализм, М., 1962, стр. 49.

¹⁸ Цит. соч., стр. 50.

¹⁹ А. Г. Спиркин, Курс марксистской философии, М., 1963, стр. 327.

²⁰ Курс политической экономии. Под ред. Н. А. Цаголова, М., 1963, т. I, стр. 47.

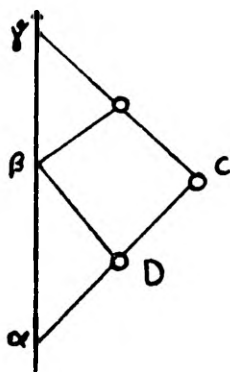
С точки же зрения общей теории формаций необходимо строго различать взаимоотношения в пределах одного способа производства, даже если эти взаимоотношения приводят к гибели данного способа производства, и проблему взаимоотношений и соотношений элементов, которые не могут принадлежать к одному и тому же способу производства. Великое значение закона соответствия производственных отношений производительным силам в том и состоит, что он ограничивает возможность существования того или иного типа производственных отношений весьма определенными пределами. Когда мы задаем вопрос, почему при машинном производстве (скажем, в форме системы машин с электроприводом) мы не встречаем феодальных или рабских отношений между собственником хозяйства и работниками того же хозяйства, то ответ связан именно выяснением необходимой связи двух компонентов способа производства, которую мы называем законом соответствия производственных отношений характеру производительных сил. А при построении общей теории формаций, при решении проблемы порядка формаций мы задаем именно подобные вопросы.

2.3.1. Условимся говорить о совместимости производительных сил и производственных отношений, когда оба элемента отношения принимают значение, при котором возможно дальнейшее существование того и другого. Теоретически можно рассматривать и ситуации несовместимости (которые иногда могут встречаться и в действительности). При несовместимости возможны четыре варианта — исхода: либо данные производственные отношения гибнут и будут заменены другими, либо будут заменены производительные силы, либо конфликт достигнет такой силы, что гибнет все данное общество (весь социальный организм), либо изменятся и те, и другие. Последний случай, особо вероятный в условиях, когда разница между совместимым и несовместимым состоянием превышает одно ребро в графе последовательности формаций: кажется, что нечто подобное происходит при завоевании народов, находящихся на значительно более ранних (низких) ступенях развития, по сравнению с завоевателем.

2.3.1.1. До сих пор мы рассматривали тип производственных отношений как неменяющийся в пределах одного способа производства. Но мы знаем, что такие изменения все же происходят. Мы различаем монополистический и домонополистический капитализм, а в последнем случае мануфактурную и фабричную стадию. Во всех случаях дело идет о капитализме, но только о разных исторических стадиях капиталистического способа производства. Каждая из упомянутых стадий тоже соответствует известному уровню производительных сил. Соответствие типа производственных отношений (того типа, который образует способ производства) уровню развития производительных сил мож-

но в этом случае рассматривать как композицию нескольких соответствий, напр:

P15

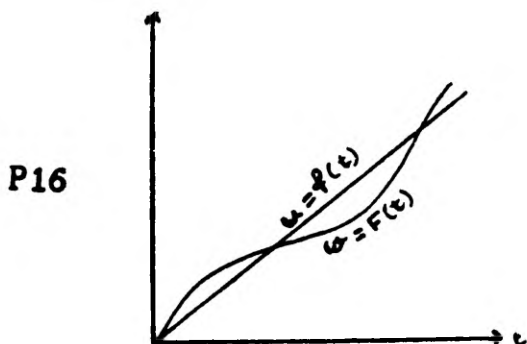

В P15 весь участок от α до γ находится в соответствии с C , а участок от α до β находится дополнительно в соответствии с D . При необходимости можно, конечно, построить несколько композиций.

2.3.2. Рассматривая соответствие как адаптацию, мы имеем в виду взаимоотношения производственных отношений и производительных сил в пределах одной формации. Обычно говорят, что производственные отношения либо ускоряют, либо замедляют (тормозят) развитие производительных сил. Очевидно возможен и промежуточный вариант, при котором характеристики изменения производительных сил не меняются в результате воздействия производственных отношений. В самом деле, в системе «способ производства» производственные отношения выступают в качестве известного регулятора контактов системы со средой. Через производительные силы происходят контакты с природной средой (они являются входами и выходами от и к природе). Производственные отношения в пределах способа производства удерживают производительные силы в приемлемых, нелетальных («совместимых») для системы состояниях. Неправильным было бы полагать, что регулятор всегда вмешивается в действия объекта регулирования. Мы должны учитывать, что производительные силы способны к саморазвитию — производственные отношения не являются единственным источником изменения производительных сил.

2.3.2.1. Исходя из сказанного в 2.3.2., следует различать, с одной стороны, уровень развития производительных сил (величину производительности труда), достигнутый или могущий быть достигнутым в результате действия только внутренних произво-

дательным силам факторов, и с другой стороны, реально достигнутый уровень развития производительных сил, с учетом воздействия производственных отношений:

где w — реально достигнутый уровень развития производительных сил, и u — уровень развития производительных сил, который может быть достигнут в результате действия внутренних производительных сил факторов.

Разница $s = w - u$ измеряет величину и направление воздействия производственных отношений на производительные силы. Если s положительна и увеличивается или отрицательна и убывает, то мы говорим, что производственные отношения ускоряют развитие производительных сил, если же s положительна, но убывает или отрицательна и увеличивается, то речь идет о замедлении развития производительных сил, если же разница s равняется нулю, то, по видимому, имеет смысл говорить о нормальном развитии производительных сил. Заметим, что в содержательном аспекте имеет смысл выделить случай, когда $w = F(t)$ убывает — участок разрушения и гибели производительных сил, показатель глубочайшего кризиса способа производства.

Следует заметить, что трудности измерения уровня развития огромны; принципиальная возможность представления некоторых данных в строгой форме не означает еще, что искомые данные имеются налицо или что их можно сравнительно легко добыть.

2.3.2.1.1. Целый ряд трудностей связан с величиной u . Дело в том, что u представляет собой только гипотетическую величину, отражающую возможность, но не действительность. Речь идет о внедрении в производство известных достижений технической

мысли на данный момент времени и об использовании имеющихся (созданных) на данный момент времени производительных сил. Сроки оформления изобретения и внедрения последнего в производство не могут совпадать — сперва нужно иметь, что внедрять, а затем нужно затратить известный труд, т. е. существует некоторый объективный, вызванный техническими причинами, но трудно фиксируемый разрыв во времени от изобретения до его внедрения. Задача на фиксацию — это задача на вычисление производительности, если все могущие быть внедренными на данный момент технические средства действительно были бы внедрены и соответствующие средства и приемы производства использовались бы примерно на 95% производственной мощности²¹. Значит, нужно обладать сводом описаний технических изобретений на протяжении известного долгого (довольно большого) промежутка физического времени (ведь время внедрения различных нововведений различно) и данными о влиянии указанных нововведений на производительность труда. Задача действительно чрезвычайно сложная, даже если бы мы обладали такими данными, — но для более ранних периодов истории соответствующие источники не сохранились (иногда и не возникали)²².

2.3.2.1.2. Значительную трудность представляет также и измерение реальной производительности труда данного конкретного общества. Статистика общественного производства возникла лишь с развитием капитализма, да и то расчет производительности труда для какой-либо отрасли представляет и поныне трудную задачу. Переписи населения и вообще точный учет населения возникли, быть может, и несколько раньше, но в целом для докапиталистических формаций данные, позволяющие составить точную картину объема производства и количества занятого в производстве работников, отсутствуют, потому что они никогда не фиксировались, а те частичные сведения, которые возникли в процессе хозяйствования и налогообложения, часто утеряны. При первобытно-общинном строе такие данные, естественно, вообще не возникали. Заметим еще что составление индексов объема производства на исторически большие проме-

---

²¹ Полная нагрузка и перенагрузка производственных мощностей означает отсутствие общественных резервов, работу на износ, не оставляет ресурсов для устранения неожиданных препятствий (напр., стихийные бедствия) и увеличения производства. Увеличение производительности труда в одном хозяйстве, в одной отрасли производства может быть использовано в народном хозяйстве лишь когда в других отраслях, хозяйствах, потребляющих продукты первого (или в том же самом, когда речь идет о внутреннем производственном потреблении), имеются свободные мощности для расширения производства.

²² Разумеется, подробное рассмотрение проблемы трудностей измерения выходит за рамки нашей темы. Поэтому автор ограничивается здесь и в дальнейшем только указанием на некоторые из возможных затруднений.

жутки времени, в связи с изменением номенклатуры производства, представляет само по себе труднейшую статистическую задачу.

2.3.2.1.3. Вышеуказанные трудности не всегда осознаются неспециалистами. Но неточность и расплывчатость формулировок историков часто вызывается именно затруднениями в фиксации фактов прошлого, когда люди не задавали тех же самых вопросов о современной им действительности, которые задаем мы. Реконструкция сведений возможна лишь иногда, да и то часто можно только выяснить тенденции, но выразить их численно, сказать не просто «больше», а сказать «больше на столько-то единиц измерения» оказывается, особенно по более ранним периодам, невозможным. Приведенные соображения сами по себе не отрицают еще возможности создания в исторической науке теорий, в том смысле, в котором это слово употребляется в естественных науках, особенно в физике, — но их недостаточно, чтобы утверждать, что ряд существенных вопросов достижения и построения теоретических знаний, а также их использования стоят в истории по-другому, чем, скажем, в физике. Особенности эти зависят от свойств объекта познания, а не от свойств и желаний исследователя.

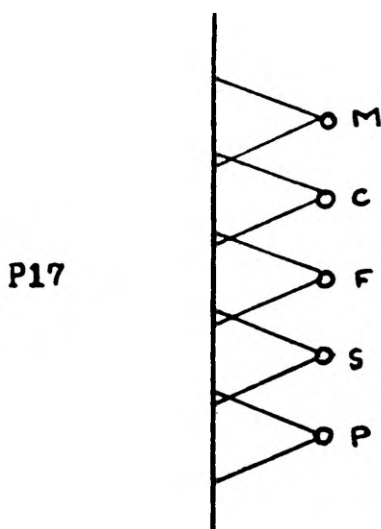
2.3.3. Поскольку выше мы выделили два аспекта закона соответствия производительных сил и производственных отношений, то возникает вопрос, идет ли речь об одном или о двух законах соответствия. Несомненно налицо различие познавательных задач, которые приводили к двум концепциям соответствия (соответствие как совместимость и соответствие как адаптация). Поэтому применение двух терминов и, при необходимости, двух формулировок, целесообразно, даже если они относятся к одному и тому же. А речь, повидимому, идет именно об одном и том же, об одном общем механизме взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Все дело только в том, отражают ли указанные термины различные свойства одного и того же предмета — или же они в разных целях разными способами отражают одно и то же свойство. Окончательный ответ требует еще дальнейших исследований.

2.4. Поскольку существует закон соответствия производительных сил производственным отношениям, постольку последовательность формаций не является случайной. Соответственно закон последовательности формаций должен быть выводим при помощи закона соответствия производительных сил и производственных отношений. Подтверждение и опровержение разных вариантов закона последовательности мы можем и должны находить при рассмотрении развития производительных сил и производственных отношений по закону соответствия обоих компонентов способа производства.

2.4.1. Уровень развития производительных сил — одномерная и непрерывная переменная. Таким образом — приемлемы только те формулировки закона последовательности, при которых не происходит перерывов в развитии производительных сил — ведь новые (более поздние) производительные силы возникают не из ничего, а *из и при помощи* старых (более ранних) производительных сил.

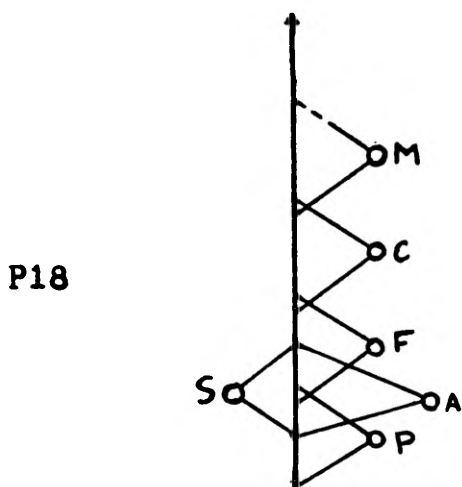
Целесообразно ввести еще одно ограничение. Сформулируем его следующим образом: переход от одних производственных отношений к другим происходит в направлении к тем производственным отношениям, для которых выше максимальный совместимый им уровень развития производительных сил. Указанное ограничение допускает, скажем, переход от феодализма к капитализму, но не наоборот. При этом следует напомнить, что мы все время говорим только о развитии по имманентным законам способа производства, оставляя в стороне такие факторы как завоевание или деятельность собственного государства в классовых обществах. На нашем современном уровне знаний мы не можем доказать истинность введенного принципа запрета, или же, хотя бы его сфальсифицировать. Но поскольку он принимается всеми марксистами, его можно рассматривать как интуитивную предпосылку разных теорий, которые подлежат контролю и доказательству в более далеком будущем.

2.4.2. Построим закон соответствия производительных сил и производственных отношений для закона последовательности P2 (для P3 построение будет аналогичным):

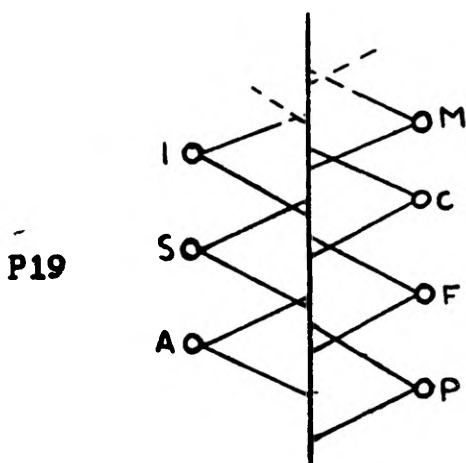
2.4.3. Для законов последовательности P4 и P5 приходится строить несколько изображений, аналогичных P17, что в содержательном плане, повидимому, будет равносильно отказу от закона соответствия производительных сил и производственных отношений (могут возникнуть ситуации, при которых в одном случае приходится утверждать совместимость, а в другом случае несовместимость одного и того же уровня развития производительных сил некоему типу производственных отношений.) Подобного рода затруднения возникнут и при формулировке закона соответствия производительных сил и производственных отношений аналогично способу, изображенному на P14 или P17 для закона последовательности P6. Поэтому упомянутые законы последовательности не заслуживают более подробного рассмотрения.

2.4.4. Для закона последовательности Васильева-Стучевского (P76) можно построить следующее изображение ²³:

²³ Верхние границы совместимости азиатского и рабовладельческого способа производства в P18 указываются одинаковыми условно. В связи с введенным в 2.4.1. ограничением мы не можем конструировать изображение, при котором эти границы разнятся, но соответствие с P76 будет сохранено: ведь Васильев и Стучевский не допускают перехода рабовладения в азиатский способ производства или наоборот. В то же время следовало бы указать верхнюю границу рабовладения равной верхней границе феодализма. Это, естественно, противоречие. Следовательно, для полной реализации P76 аналогичными P14 изображениями приходится вводить некоторые дополнительные ограничения. Оставим решение этой задачи желающим. Сказанное в настоящем пункте, разумеется, еще недостаточно для опровержения P76 как закона последовательности, хотя, к сожалению, является дополнительным аргументом для его противников.

2.4.5. Для закона последовательности P9 можно построить следующее изображение законов соответствия производительных сил и производственных отношений²⁴:

2.4.6. При допущении смешанных формаций следует, повидимому, расширить участок совместимости уровня производительных сил производственным отношениям. Соответствующие изображения целесообразнее всего конструировать в трехмерном пространстве, поэтому мы не будем ими перегружать данную работу. Заметим лишь, что допущение более широких участков совместимости уровня производительных сил является результатом операции совмещения участков совместимости элементарных формаций, входящих в смешанную.

²⁴ Из того, что мы отмечаем границы участка совместимости производительных сил и производственных отношений еще не следует, что некоторый способ производства «способен» использовать весь имеющийся в его распоряжении участок совместимых значений производительных сил данным производственным отношениям. Возможность такого рода использования зависит от внутренних законов данной формации, способа производства, которые могут быть индивидуальными, т. е. специфическими только этой и никакой другой формации. Так, вполне возможно, что обсуждаемые здесь процессы имели место при классическом рабовладении. Тогда дальнейшая судьба рабовладения зависела от того, на каком этапе оно возникло. Если переход к рабовладению совершился рано, то естественных выходов к следующей ступени (к вершине, отстоящей от корня по минимальной цепи на одно ребро дальше, чем данная вершина) не имелось, — но, что еще хуже для данного строя, не имелось и выхода к «параллельной» формации (к вершине, расстояние до которой от корня по минимальной цепи равно расстоянию до данной вершины). Такой строй оказался обреченным.

3. Закон соответствия базиса и надстройки

3.1. Понятие формации употребляется именно для того, чтобы указать на наличие более широких зависимостей, чем только те, которые существуют в пределах способа производства. Когда мы говорим о материалистическом понимании общества и его истории, то мы имеем в виду как раз то, что между экономической, производственной деятельностью общества и некоторыми остальными сторонами общественной жизни существуют необходимые, закономерные соответствия, при которых материальное производство является первичным, определяющим фактором. Поэтому утверждение о том, что каждому базису, каждому типу производственных отношений соответствует своя надстройка, имеет в марксизме силу закона.

3.1.1. Сложный термин «закон соответствия базиса и надстройки» в литературе обычно не употребляется. Но при описании связи базиса и надстройки, при характеристике этой связи как общей, необходимой, сущностной неявным образом утверждается наличие здесь закона. Поэтому нам представляется введенный термин вполне допустимым. Конечно, взаимоотношения базиса и надстройки не исчерпываются законом их соответствия, но это уже выходит за рамки нашей темы.

3.1.2. Поскольку выше речь шла о еще одном законе соответствия — о законе соответствия производительных сил и производственных отношений, то в дальнейшем мы будем сокращенно называть закон соответствия базиса и надстройки — «второй закон соответствия», а закон соответствия производительных сил и производственных отношений — «первый закон соответствия».

3.2. Анализ понятия «соответствие», проведенный при рассмотрении первого закона соответствия, можно перенести и на второй закон соответствия: последний тоже может быть истолкован, с одной стороны, как совместимость базиса и надстройки, а с другой стороны, как адаптация, или, как принято говорить, отражение, обслуживание и обратное влияние на базис (термин «адаптация», пожалуй, менее подходит к действиям надстройки, хотя с точки зрения формации как некоей системы надстройка несомненно действует как механизм управления).

3.3. Главной проблемой, связанной со вторым законом соответствия, является его существование. Можно, конечно, его обойти путем введения дефиниций, напр.: надстройкой называются те явления общества вне способа производства, которые соответствуют (совместимы и т. п.) способу производства. Тогда все, что не соответствует, объявляется стоящим вне надстройки. Но марксизм утверждает нечто более конкретное и определенное. Марксизм всегда считал, что надстройку образуют государство, политика, идеология. Доказать существование второго за-

кона соответствия означает доказать существование соответствия между, с одной стороны, государством, политикой, идеологией, а с другой стороны — способом производства.

Для теории формаций, однако, мало еще доказательства существования второго закона соответствия. Это в марксизме сделано с достаточной полнотой уже Марксом и Энгельсом, не говоря об их последователях. Для теории формаций имеет первостепенное значение характер, свойства рассматриваемого соответствия, т. е. ответ на вопрос: соответствуют ли одному способу производства всегда один тип государства, политики, идеологии, или же этих типов много (не имеем ли мы дело с несколькими множествами, а не с одним множеством)? Рассмотрим в качестве примера некоторые аспекты соответствия политической надстройки базису

3.3.1. Форма государства — республиканская или монархическая — по видимому, является индифферентной по отношению к совместимости определенному базису, по крайней мере сомнительно существование некоторого общего закона соответствия для него. Действительно, при феодализме республика является исключением, но нельзя сказать, что при капитализме она является правилом. К тому же известны две формы государства (в смысле организации центральной власти), способов же производства известно больше.

3.3.2. Политические режимы также делятся на два подкласса: демократические и недемократические режимы. Уже одно это обстоятельство указывает, что никакого взаимно-однозначного соответствия между политическим режимом и производственными отношениями не существует. Во всяком случае капитализм совместим как с демократией, так и с недемократией. При феодализме демократия была исключением, но в античности она занимала довольно значительное место.

3.3.3. Часто говорят о типе государства, указывая этим на «сущность» государства, а под «сущностью государства» понимается функция государства — и тот класс, которому государство служит. Но функция государства характеризует не само государство, является не имманентной характеристикой государства, взятого в отдельности, а стороной взаимоотношений того или иного государства с другими общественными феноменами. Законы соответствия имеют смысл лишь постольку, поскольку можно в двух поставленных в соответствие множествах выделить некоторые подмножества по имманентным каждому признакам и эти подмножества можно, в свою очередь, ставить в соответствие друг с другом.

Конечно, нельзя полностью отрывать функцию от характеристик некоей системы, находящейся в функциональной связи (термин «функция» в данном контексте употребляется не в ма-

тематическом, а в социологическом или кибернетическом смысле) Но в таком случае необходимо указать на те характеристики исследуемой системы, которые позволяют различать ее от других систем того же класса, причем на такие свойства, которые можно выяснить без ссылки на функцию данной системы по отношению к некоторому элементу (или подмножеству) из множества, с которым данное множество находится в отношении соответствия — иначе не избежать тавтологий. Строение, способ организации системы (государства, политики) может в данном случае быть такой характеристикой; организация государства при феодализме отличается от организации государства при капитализме. Но тогда необходимо указать на искомые имманентные характеристики, что обычно остается за рамками общих рассуждений, а если где и осуществляется, то обычно только в курсах истории государства и права.

Конечно, на деле историки часто могут проводить различия между несколькими «типами» государства, не прибегая только к названиям «капиталистическое», «феодальное» и т. п., а «наполняют их конкретным содержанием», т. е. дают имманентные характеристики. Так, для Западной Европы вполне осуществимо сравнение средневекового государства и государства XIX в.²⁵ — периода расцвета капитализма. Различие между двумя типами не в том, что одно — «капиталистическое», а другое — «феодальное»; капиталистическим или феодальным они являются потому, что один тип государства совместим только с капиталистическим способом производства, а второй тип — только с феодальным способом производства.

3.3.4. Наиболее неприятной все же из рассмотренных в 3.3.1. — 3.3.3. проблем остается вопрос о неоднозначности соответствия, ибо признание неоднозначности требует пересмотра концептуального (терминологического) аппарата. На самом деле, рассмотрим только один пример. Капиталистический способ производства совместим как с демократией, так и с недемократическим политическим режимом. Получаем две совместимости:

капитализм — демократия (1)
капитализм — недемократия (2).

Что же теперь называть формацией? Если мы будем применять этот термин либо к (1), либо к (2), то мы вынуждены оказаться от способа производства как критерия различения формаций. Конечно, такой отказ не был бы оправданным даже по чисто формальным соображениям. (1) и (2) различаются в правой своей части, но не в левой. Значит, нам требуется введение

---

²⁵ См., напр., А. Я. Гурвич, Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы, «Вопросы истории», 1968, № 4, с. 105.

двух терминов, одного для обозначения того, что в этих системах имеется общего, второго для обозначения того, что в этих системах имеется различного. Целесообразно сохранить термин «формация» для типов общественных систем, различающихся по способу производства. В таком случае новый термин будет меньше по объему, чем формация. В качестве такого нового термина можно было ввести слова «вариант формации».

Может статься, что и в одном способе производства мы будем выделять несколько вариантов, не являющихся при этом историческими ступенями развития данного способа производства. Так, историки часто выделяют восточный и западный феодализм как отдельные типы феодализма²⁶ В таком случае тоже целесообразно введение нового термина, меньшего по объему, чем само понятие «формация». Возможно, имеет смысл выделять варианты первого порядка (различаются по вариантам способа производства) и варианты второго порядка (различаются по другим компонентам формации)²⁷

4. Некоторые общие замечания

4.1. Как было показано выше, существует целый ряд еще нерешенных проблем, относящихся к самой сущности теории формаций (например, формулировки ее основных законов). Более того, не всегда эти проблемы даже достаточно точным образом поставлены. Между тем, из неточности постановки задачи вытекает и неточность, расплывчатость решений. Имеются некоторые вопросы, которые вообще нельзя ставить без применения более формальных средств, чем обыденный язык. К таким проблемам относится вопрос о форме последовательности формаций.

В современных условиях мы обладаем развитым аппаратом средств формализаций. Неприменение их означает отставание от хода развития человеческой мысли. Когда возможен более точный ответ, менее точный перестает быть истинным. Требования к теории растут по мере развития человеческого мышления. Дело даже не в том, что не всегда можно дать ответ (или что не всегда можно сразу ответить) соответствующим образом на точно поставленные проблемы. Пока мы не знаем, какие требования предъявляются к точному ответу, мы не знаем и меры своего незнания, мы не можем отделить относительные истины от заблуждений — и от частных абсолютных истин. Отказ от пере-

²⁶ См., напр.,: К. В. Хвостова, Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии, М., 1968.

²⁷ О постановке и некоторых способах решения задачи формационной принадлежности общества с разноструктурными компонентами см. Е. М. Штаерман, К проблеме структурного анализа в истории, «Вопросы истории», 1968, № 6.

формулировки, от формализации ведет, с одной стороны, к отказу от возможности задавать вопросы нового типа, ставить проблемы, характер которых качественно различается от проблем традиционных — одним словом, видеть в истории больше, чем видели как ее современники, так и предшествующие поколения исследователей. Из этой, первой стороны, вытекает и вторая: теория перестает быть теорией, если она упорно продолжает пользоваться оправданными в свое время, но уже преодоленными способами мышления и исследования — преодоленной методологией. Марксистская методология поэтому и открывает безграничные возможности к развитию общественно-научной мысли, что она сама развивается, оставаясь при этом, конечно, марксистской.

4.2. Исследование проблемы общественно-экономических формаций показывает, что история является наукой в том самом смысле, в котором термин «наука» употребляется по отношению к физике. Повторяемость (схожесть) способов организаций общества в разных странах — явление общеизвестное и эмпирически проверяемое. Наличие известного порядка в этой повторяемости также является эмпирической зависимостью. Теория формаций формулирует законы, например, первый закон соответствия и закон последовательности, которые можно использовать для объяснения эмпирических фактов и зависимостей. Само понятие «общественно-экономическая формация» служит идеей, вокруг которой разворачивается рассматриваемая теория. Это понятие — понятие теоретического ряда, фиксирующее общее, не имеющее непосредственно наблюдаемого коррелята в виде отдельного феномена. Законы теории связаны друг с другом не просто эмпирическими, но и логическими отношениями, — так закон последовательности выводим из первого закона соответствия путем применения известной формальной процедуры. В учении об общественно-экономических формациях история поднимается с эмпирической ступени познания на теоретическую²⁸.

4.3. В настоящей работе мы изучали проблемы, которые ставились историками, — применяя в качестве средства различения проблем и вариантов проблем, а соответственно и решений, некоторые формализмы. В то же время ни одна из проблем не была решена, более того, автор даже не ставил перед собой задачу решения поднимаемых проблем. С точки зрения историка

---

²⁸ Хотя выделение эмпирического и теоретического уровня знания (ступени познания) является в настоящее время общепринятым среди серьезных методологов науки, нельзя заранее предполагать, что структура научного познания обязательно исчерпывается указанными двумя типами знания. Автор этих строк собирается в будущем показать, что в истории следует вводить еще одну ступень, предшествующую эмпирическому познанию; эту ступень он собирается назвать реконструктивной.

подобный подход вполне может казаться неудовлетворительным, но все дело в том, что история не тождественна методологии. Методолог не может решать проблемы историка за историка: только историки компетентны решать исторические проблемы, и всякое вмешательство извне, вероятно, в конечном счете только повредит решению исторических проблем (понимая под вмешательством извне действия по решению исторических проблем средствами, не относящимися к арсеналу исторической науки) Методолога и историка интересует разное — предмет их исследований различен, даже если объекты частично совпадают. Историк устанавливает истинность некоторых положений, методолог спрашивает, что историк делает, устанавливая истинность, и что такое вообще истинность по отношению к прошлому, к развитию и т. п. Историк на основе обработки источников восстанавливает картину некоего института, явления прошлого, методолог спрашивает, является ли подобное воссоздание специальной ступенью познания или нет. Историк исследует некоторую (обычно прошлую) действительность, методолог изучает взаимоотношения между результатами, средствами и т. п. труда историка и действительностью, изучаемой историком, выясняет, например, зависимость результатов труда историка от изучаемой историком действительности или от примененных средств.

4.3.1. После вышесказанного различие истории и методологии истории несомненно, но следует отметить и их тесную связь и взаимодействие. При этом вопрос не только в тривиальных связях, заключающихся в том, что историческая наука и прошлая действительность являются объектом исследования методолога и поэтому некоторым образом определяют результаты труда методолога. Хотя методолог не может решать проблемы за историка, но он может ставить проблемы — методологическое исследование может указать на наличие исторической проблематики. Методологи могут ставить как индивидуальные проблемы, так и, что еще важнее, указать на наличие некоторых логических классов проблем. При этом постановка проблем состоит не только в выделении содержательной стороны проблемы, вопроса, но и в логической формулировке проблемы, т. е. в создании и применении некоторого специального способа (языка) формулировки проблемы, отличающегося от обыденного языка. И, наконец, методолог может решать проблему *вместе* с историком, поскольку любое историческое исследование есть одновременно действие в пределах объекта методологии и, следовательно, имеет в качестве логической предпосылки некоторую методологическую теорию (совокупность решений методологических проблем).

Оставляя за историком «право» исследовать свой объект и предмет, мы все же не собираемся отнимать у методолога права (т. е. реальной возможности) поправить историка, истори-

ческую школу, целое направление. Именно потому, что историческое решение пердполагает некоторое методологическое решение, логически совместимое только с некоторым (некоторыми) методологическим решением, методологи имеют право участвовать в решении исторической проблематики — «неправильная», неэффективная методология может привести историка к ложным результатам или вообще не приводить к каким-либо результатам.

Методолог способен указывать также на место, на значимость тех или иных результатов исследований историков для исторической науки в целом. Изменение точки зрения, выяснение новых фактов иногда, но отнюдь не всегда, играют решающую роль в развитии (и функционировании) исторической науки. То, что важно в системе наших представлений об истории одной страны, не обязательно важно для наших представлений об истории человечества в целом. То, что важно в истории одного города, не обязательно важно в истории страны в целом. История Октябрьской революции в Петрограде и история Октябрьской революции в Самаре — важные вехи в развитии указанных городов, но для страны история октябрьских событий в Петрограде неизмеримо значительнее истории соответствующих событий в Самаре. Выше мы проводили такое же различие в рассмотрении формулировок закона последовательности формаций.

4.3.2. Историография и история исторической науки (если они вообще чем-то различаются) находятся на стыке методологии и собственно исторических исследований. Историография и методология совпадают по объекту, но не совпадают по предмету. Методология — философско-логическая наука, которая изучает логику познания. Историография — историческая наука, которая изучает «историю» познания. Поскольку указанные стороны невозможно полностью противопоставлять, различать в абсолютном смысле, то мы не только не можем проводить четкие границы, но и указать на достаточные различия между методологией и историографией или между историографией и историей, что, в общем, характерно для всех стыковых дисциплин.

Поступила в редакцию 11 сентября 1968 г.

Авторы XII тома «Трудов по философии» Тартуского государственного университета

- Макаров М. Г.** — зав. кафедрой философии ТГУ, доктор философских наук
Ребане Я. К. — доцент кафедры философии ТГУ, кандидат философских наук
Вихалемм Р. А. — ст. преподаватель кафедры философии ТГУ
Горячева А. И. — ст. преподаватель кафедры философии ТГУ, кандидат философских наук
Хайкин Я. З. — доцент Челябинского политехнического института, кандидат философских наук.
Титма М. Х. — преподаватель, кафедры философии ТГУ
Блюм Р. Н. — доцент кафедры философии ТГУ, кандидат философских наук
Столович Л. Н. — профессор кафедры философии ТГУ, доктор философских наук
Сийман Э. Х. — аспирант кафедры философии ТГУ
Лооне Э. Н. — ст. преподаватель кафедры философии ТГУ, кандидат исторических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Г. МАКАРОВ. О телеологии неэвитализма	3
Я. К. РЕБАНЕ. Информация как мигрирующая структура	14
Р. А. ВИХАЛЕММ. О переходе на теоретическую ступень познания (на материале истории учения о химическом средстве)	34
А. И. ГОРЯЧЕВА. О структуре общественного сознания и месте в ней общественной психологии	43
Я. З. ХАЙКИН. Сущность взаимосвязи права и правового сознания	68
М. Х. ТИТМА. Планы выпускников средней школы как выражение определенной ценностной ориентации при выборе профессии	77
Р. Н. БЛЮМ. Взгляды М. А. Бакунина на революцию	91
Л. Н. СТОЛОВИЧ. Социальные функции эстетического воспитания	120
Э. Х. СИЙМАН. К проблеме долга в этике Канта	128
Э. Н. ЛООНЕ. Методологические заметки о теории общественно-экономических формаций	141

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

ХІІ

На русском языке

Тартуский государственный университет ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Ответственный редактор Л. Столович

Корректор Н. Чикалова

Сдано в набор 18/IX 1968 г. Подписано к печати 17/II 1969 г. Бумага фабрики «Кохила», типографская № 2. 60 × 90. Печ. листов 11,75. Учетн.-издат. листов 12,63. Тираж 500 экз. МВ-00377. Заказ № 5390.

Типография им. Ханса Хейдеманна. ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19. II

Цена 85 коп.